

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

88

ПАМЯТНИКИ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

88

ПАМЯТНИКИ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА. 1962

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *Н. Н. Гурина*

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев,
Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь), П. А. Раппопорт,
Д. Б. Шелов, В. П. Шилов

И. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

С. В. КИСЕЛЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

Последние годы изучения древнейших ступеней истории первобытно-общинного строя по памятникам палеолита, неолита и бронзы в СССР ознаменовались важными открытиями, отразившимися в изданиях, докладах и сообщениях Института археологии АН СССР и на сессиях Отделения исторических наук АН СССР, посвященных результатам полевых исследований 1959 и 1960 гг. В области изучения палеолита, бесспорно, самым выдающимся событием 1960 г. были сообщения и предварительное издание Х. А. Алпысбаевым (Академия наук Каз. ССР) орудий шелльского облика из нижнепалеолитических местонахождений в горах Южного Казахстана. Благодаря этим замечательным открытиям цепь древнейших нижнепалеолитических памятников, которые до сих пор в СССР были известны только на Кавказе, оказалась продолженной далеко на восток Средней Азии. Такой факт не может не оказать большого влияния на дальнейшую разработку важнейших вопросов истории палеолитического населения Восточной Европы и Северной Азии, проблем антропогенеза и процессов расселения Номо в северные пространства Евразии.

Для позднего палеолита заслуживают не меньшего внимания открытия А. В. Рюминым и исследование О. Н. Бадером палеолитической живописи в Каповой пещере на Урале¹. Самый факт наличия в центре СССР палеолитических пещерных полихромных изображений мамонта и лошадей, наряду со всемирно известными произведениями пластики из Костенок, Гагарина, Мальты, Бурети и др., окончательно утверждает соответствие уровней культуры палеолитических людей запада и востока и вместе с тем ставит огромной важности вопросы о своеобразии путей развития отдельных исторических провинций в палеолитическое время.

Важнейшим шагом вперед в области периодизации палеолита надо считать обобщение А. Н. Рогачевым открытий последних лет в районе Костенок и стратиграфические исследования А. П. Черныша (Академия наук УССР) на многослойных палеолитических стоянках Поднестровья, обобщенные им в защищенной в Институте археологии АН СССР докторской диссертации «Поздний палеолит Среднего Приднестровья». Эти работы наглядно показали, что общее и прогрессивное развитие культуры палеолитического населения Восточной Европы вовсе не было на каж-

¹ О. Н. Бадером подготовлена к печати монография, посвященная палеолитическим изображениям Каповой пещеры.

дом отдельном этапе планомерно поступательным движением. Здесь были и задержки в развитии отдельных областей, и внедрение сторонних этнических групп с иной по уровню и облику культурой, смешение этих групп с соседними и создание новых локальных форм.

Таким образом, за последние годы советским исследователям удалось проникнуть в подлинную жизнь палеолитических людей Восточной Европы и вместе с тем еще ярче выявить общие закономерности общественного развития, которые лежат в основе марксистско-ленинского понимания ранних этапов истории первобытного общества.

Важные обобщения удалось сделать и на теоретическом семинаре сотрудников Института археологии АН СССР в 1958 г. во время обсуждения доклада А. А. Формозова «Проблемы сложения человеческого общества».

Обобщение результатов изучения памятников каменного века шло в последнее время также в направлении выяснения крупных культурно-исторических массивов, в которых пытались видеть отражение древнейших этнических общностей. А. Я. Брюсов, М. Е. Фосс, М. В. Воеводский уже в первые послевоенные годы сделали немало в этом направлении. За последние годы интересные исследования провел А. А. Формозов, опубликовавший книгу «Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке».

Археологические исследования в области палеолита были особенно тесно связаны с геологическими работами по четвертичному периоду, что ярко выразилось в совместных полевых исследованиях и коллективных работах археологов и геологов в 1959—1961 гг. Совместная работа приносит археологам важнейшие уточнения стратиграфии и природной среды, а геологам помогает в хронологическом уточнении напластований, в раскрытии процессов образования четвертичных отложений, что имеет уже и чисто практическое значение.

Работы по неолиту за последнее время расширились чрезвычайно. Неолитические памятники открыты во многих районах СССР, до сих пор оставшихся в этом отношении неизученными. Но самым главным в области изучения неолита СССР следует считать открытие глубокой древности земледелия и скотоводства и установление древнейших исторических взаимоотношений с населением соседних стран Европы и Передней Азии. Все это обусловило необходимость теоретического осмысления огромного накопленного археологической наукой материала. Известным отражением этого была публикуемая ниже статья В. С. Титова «Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена». Обсуждение ее на теоретическом семинаре вызвало оживленную дискуссию. Обращаясь к материалам по этим вопросам, надо отметить, что, судя по исследованиям Д. А. Крайнова, начало животноводства в горном Крыму может быть отнесено к раннеазильскому времени. Это вполне согласуется с новейшими данными зарубежной археологии, которые свидетельствуют о гораздо более глубокой древности возникновения скотоводства, чем это представлялось раньше (ср. открытия в Хассуне, Иерихоне, датских Кьеккенмеддингах и т. д.).

В установлении факта очень раннего развития земледелия большую роль играют исследования памятников культуры расписной керамики на юге Средней Азии. Здесь на поселениях, относящихся и по сравнительно типологическим, и по радиоуглеродным данным к VI—V тысячелетиям до н. э., уже практиковалось лиманное земледелие в местах, заливавшихся весенними водами, стекавшими с гор (далеко не древнейшее из этих поселений Тилькин-тепе радиоуглеродным методом отнесено к 4630 ± 110 лет до н. э.).

Коллектив археологов под руководством В. М. Массона выявил в результате раскопок последних лет непрерывную серию памятников культуры расписной керамики древних земледельцев Туркмении, вплоть до эпохи

бронзы. При этом поражает глубочайшая древность земледелия. Интересно отметить и весьма раннее применение обводных стен с округлыми башнями на ряде поселений типа Мулалли-тепе, исследованного в Геоксюрском оазисе, юго-восточнее Теджена, И. Н. Хлопиным. В более восточных районах, в Фергане, поздние дериваты этой культуры Ю. А. Заднепровским прослежены и в раннем железном веке вплоть до конца I тысячелетия до н. э. Выяснены также культурно-исторические связи южнотуркменских земледельцев. На ранних этапах истории они направлены в Иран и Северную Месопотамию. В Тепе-Сиалк, Тепе-Гавра, Телль-и-Бакуне, Самарре, убеидских и других памятниках Месопотамии обнаруживаются признаки взаимоотношений с туркменскими поселениями типа Анау. Для позднейшего времени важно отметить распространение связей на восток, в район Дихуа и Лобнора в Синцзяне.

Глубокая древность земледелия и оседлости установлена и в Закавказье, где при раскопках тепе в Мильской степи обнаружены слои земледельческих поселений. Позднее здесь получают высокое развитие энеолитические земледельческие культуры типа нахичеванского Кюль-Тапа и энеолитических поселений Армении и Грузии, древность которых по C_{14} определяется в 2800 ± 90 лет до н. э.

Важно, что недавно опубликованное исследование Р. М. Мунчаева «Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа»² с несомненностью доказывает проникновение на Северный Кавказ энеолитической культуры закавказских земледельцев и широкое ее распространение в данном районе. Там это способствовало быстрому подъему культуры до того высокого уровня, который отмечен эпохой больших курганов Майкопа и Новосободной.

В западной части СССР, на Правобережной Украине, как известно из работ В. Н. Даниленко (Академия наук УССР), выявилась (на Южном Буге) ступень развития древнеземледельческого неолита, характеризующая тесными взаимоотношениями с культурами Подунавья типа Криш и Старчево³, которые по радиоуглеродному методу относятся теперь к первой половине V тысячелетия до н. э. Важно отметить, что удается выявить соотношение этих поселений с новейшими памятниками неолита лесостепной зоны Левобережной Украины, исследуемыми Д. Я. Телегиным (Академия наук УССР), и тем самым распространить объективные методы датировок в эту область. Наряду с находкой неолитических поселений кришского облика на Южном Буге, следует указать, что в Поднепровье Т. С. Пассек сделаны не менее важные открытия, свидетельствующие о широких областях расселения племен двух позднеолитических культур Подунавья и Средней Европы — культуры Боян (на фазе Джулешти) и культуры линейно-ленточной керамики на той ее ступени, которая относится по C_{14} ко времени после 4000 лет до н. э. Стратиграфически установлено, что памятники фазы Джулешти перекрывают слой с линейно-ленточной керамикой и непосредственно приближаются к тому времени, когда возникают раннетрипольские поселения типа Извоаре I, Берновой Луки, Луки-Врублевской и др., занимающие территорию современной Молдовы, Молдавской ССР и значительной части Правобережной Украины. Поскольку в 1960 г. выяснилось, как сообщил В. Думитреску, что памятники Триполья В по C_{14} относятся к рубежу IV и III тысячелетий до н. э. (исследование зерен из Хабашесты показало дату 3130 ± 80 лет до н. э.)⁴, можно считать временем формирования трипольской культуры и развития ее ранней ступени IV тысячелетия до н. э. Это уже сейчас оказывает решающее влияние на наши представления об историческом развитии большинства областей Восточной Европы и особенно ее степной и лесостепной зон.

² См. МИА, № 100, 1961.

³ Для культуры Старчево дата поселения Горня Тузла — 4449 ± 75 лет до н. э. (Н. Waterbolk — «Antiquity», XXXIV, 1960, стр. 16).

⁴ См. Н. Waterbolk — «Antiquity», XXXIV, 1960, стр. 16.

Исследованиями Е. Ф. Лаговойской и О. Г. Шапошниковой (Академия наук УССР) установлено, что первый, древнейший слой многослойного поселения Михайловка современен Триполью В; поэтому мы можем определить время появления на Днепре первых памятников древнеямной культуры на той ее ступени, которая отмечается вторым слоем Михайловки и широчайшее распространение которой выявляется исследованиями Д. Я. Телегина на Дону и И. В. Синицына на Дону — у Репина хутора (последний почти неотличим от Михайловки II). Таким образом, устанавливается, что время распространения ямной культуры падает на начало III тысячелетия до н. э., а дата ее классической фазы — около 2500 г. до н. э. К этому времени относятся важные новые находки, обнаруженные А. И. Тереножкиным, свидетельствующие о наличии колесного транспорта у племен — носителей ямной культуры. Это заставляет совершенно по-новому определять уровень культуры данных племен, которые еще недавно считались охотничье-рыболовческими.

Б. А. Латынин интересно сопоставил находки остатков телег в ямных погребениях с моделями телег печельской культуры. В настоящее время по С₁₄ выяснилось, что печельские памятники относятся не к рубежу III и II тысячелетий до н. э., как до сих пор считали, а распространялись между 2900—2300 гг. до н. э., т. е. печельские телеги — современники древнеямных⁵.

Стало возможным также новое осмысление вопросов формирования культуры раннего бронзового века. Это связано прежде всего с углубленным исследованием культуры типа курганов Майкопа и Новосвободной. В настоящее время установлено, что их возраст приближается к середине III тысячелетия до н. э. Таким образом, те яркие черты близости к месопотамским памятникам времени I династии Ура и древнего Лагоса, которые уже давно поражали исследователей, становятся все более реальными.

Результаты изучения А. А. Формозовым и А. Д. Столяром поселений Майкопского района (прежде всего — на горе Мешоко), частично опубликованные и подробно доложенные на пленуме Института археологии АН СССР в апреле 1961 г., во многом объясняют высокий уровень культуры этого района Северного Кавказа в эпоху майкопской культуры.

Последние раскопки на Северном Кавказе, особенно в курганном могильнике у станицы Мекенской близ Грозного, проведенные Н. Я. Мерпертом, дали все основания полагать, что у племен катакомбной культуры был непосредственный контакт с населением Кавказа в эпоху, близкую времени майкопской культуры (а если принять во внимание памятники типа Соломенки, то этот контакт следует отнести к ее поздней ступени — к ново-свободненскому этапу). Это заставляет вспомнить прежние взгляды на формирование катакомбной культуры не в начале II тысячелетия до н. э., а во второй половине III тысячелетия до н. э. Уместно напомнить, что наиболее близкие аналогии знаменитым ямно-катакомбным булавам с молоточковидным навершием найдены в могиле Н Аладжа Эйюка, относимой доктором Х. Кошай к некрополю, существовавшему между 2500 и 2100 гг. до н. э.⁶ При этом важно отметить, что там мы находим и новое подтверждение возможности пересмотра датировки Триалетских курганов. В той же могиле найдены украшения из золота и камней, по рисунку совершенно аналогичные орнаментации днища знаменитого золотого кубка из кургана в Триалети, который в настоящее время К. Берней относит к XX—XIX вв. до н. э.⁷

В области изучения развитого бронзового века за последнее время также выполнен ряд новых работ. Всесторонне исследована В. И. Марковиним и А. А. Ерусалимской сложная северокавказская культура. Особенно много новых данных получено в результате изучения материалов по срубной куль-

⁵ См. таблицу в статье: J. Mellaart — «Antiquity», XXXIV, 1960, № 136.

⁶ См. Türk Tarih Kurumu Veginlarindan, V Seri, N 5, Ankara, 1951, табл. CXXXV, Н. 68—69.

⁷ См. также AS, v. VIII, London, 1958, стр. 206, 207.

туре, собранных Н. Я. Мерпертом, К. Ф. Смирновым и И. В. Синециным во время раскопок в зонах затопления при строительстве волжских ГЭС. Путем анализа полностью раскопанных курганов и поселений уточнена периодизация срубной культуры, выяснены важные детали общественного быта. В отношении хронологии исследователи пришли к выводу, что время формирования срубной культуры следует относить к XVIII—XVII вв. до н. э. и районом сложения срубной культуры считать Среднее Поволжье. Время наивысшего развития срубной культуры определяется находками бронзовых изделий сейминского типа, т. е. серединой II тысячелетия до н. э.

Важные наблюдения сделаны в области соотношения срубной культуры и андроновской культуры Сибири и Казахстана. Работами упомянутых исследователей и К. В. Сальникова (Башкирский филиал АН СССР) выясняется, что памятники срубной культуры распространены гораздо дальше на восток в Южном Приуралье, чем это полагали раньше, а с другой стороны, вплоть до Заволжья проявляются признаки андроновских связей.

Не менее важны результаты изучения приаральской тазабагыбской культуры. С. П. Толстов и М. А. Итина определенно подчеркивают, что памятники этой культуры, несмотря на свое далекое юго-восточное положение по сравнению со срубной культурой, обнаруживают более близкое родство с последней, хотя территориально они ближе к андроновской. Это наблюдение в дальнейшем может иметь существенное значение для выяснения взаимоотношений этих трех культур и для установления генетических связей с миром племен североиранской языковой группы.

Из отдельных фактов, ставших известными за последнее время в области изучения этих культур, следует указать, по крайней мере, два. Прежде всего — находки во многих погребениях срубной и андроновской культур частей удила, свидетельствующих о том, что уже с XV—XIV вв. до н. э. в степях Восточной Европы, как и на Дунае, конь стал использоваться под верх. Очень важно также отметить сходство древнейших срубных и андроновских псалей с иранскими, месопотамскими и малоазийскими. Специально исследовавший этот вопрос К. Ф. Смирнов приходит к выводу, что коневоды Поволжья и Казахстана, возможно, и генетически были связаны с индоевропейской группой народов, расселение которых, к сожалению, пока весьма трудно проследить по археологическим данным. Не менее важна находка в андроновском погребении алакульской ступени копья классического сейминского типа⁸. Этот факт заставил специалистов окончательно оставить прежнюю точку зрения на формирование андроновской культуры в середине II тысячелетия до н. э. и отнести этот процесс к более древнему времени — к XVIII—XVII вв. до н. э. Это еще ярче подчеркнуло взаимосвязанность развития срубной и андроновской культур, сформировавшихся в одну эпоху, прошедших очень сходный путь развития и в конце этого пути сыгравших несомненно, важную роль в сложении скифского и савроматского, а может быть, и сако-массагетского этнического массива.

Обширные работы ведутся по среднеднепровской культуре, ее днепродеснинскому варианту, и особенно по фатьяновской культуре. Законченный Д. А. Крайновым корпус фатьяновских памятников так называемой московской группы показывает, что, наряду с древними фатьяновскими памятниками, в ней есть и более поздние, которые, как раньше считалось, встречались только восточнее — в иваново-ярославской группе. Таким образом, создавшееся ранее представление о переселении фатьяновских племен с запада на восток, во всяком случае, заменяется расселением. Это расселение племен московской группы шло не только в восточном направлении, но и на юго-восток, к Оке, где они, по-видимому, имели непосредственный контакт с племенами еще более восточной из фатьяновских групп — чувашской или балановской.

⁸ См. Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. Труды ГИМ, вып. XXXVII, М., 1960.

Балановские племена прослеживаются довольно компактной массой и в Волго-Клязьминском междуречье, где они соседнили с фатьяновцами ярославской группы. Уже эти данные, которые в настоящее время внимательно изучаются, убедительно показывают всю сложность взаимоотношений фатьяновских групп, население которых отличалось друг от друга не только некоторыми особенностями облика культуры, но и антропологически. Все это заставляет специалистов ставить вопрос о различных путях проникновения в Волго-Окское междуречье различных групп фатьяновских племен. К этой проблеме присоединяется недавно возникший очень важный вопрос о восточном варианте фатьяновской культуры, обусловленный тем, что сейчас уже известно несколько фатьяновских могильников в Волго-Вятском крае и даже по направлению к Перми.

Естественно, что эти факты нуждаются в специальном исследовании и могут внести значительные коррективы в наши представления об истории племен фатьяновской культуры и их соотношении с племенами — носителями других культур, в том числе и культур одиночных погребений и боевых топоров Северной Европы. Весьма показательна была дискуссия, развернувшаяся на последнем пленуме Института археологии АН СССР по докладу А. Я. Брюсова «Культуры с боевыми топорами в связи с проблемой индоевропейских народов». Дискуссия показала, что прямолинейные решения подобных проблем, предлагаемые сторонниками западных южных или восточных движений культур с боевыми топорами и культур со шнуровой керамикой, в настоящее время могут восприниматься лишь как более или менее остроумные гипотезы. Решение же требует углубленного анализа всех основных особенностей каждой из культур, конкретного выяснения вопроса о происхождении и хронологических соотношений с другими культурами — и родственными, и соседними с ними.

Как на пример, обосновывающий особо внимательное и глубокое рассмотрение подобных вопросов, сошлюсь на следующее. Известно, что очень долго местом возникновения шнуровой керамики считалась Средняя Европа. Затем Г. Чайлд, а за ним и многие другие исследователи, зарубежные и советские, стали считать, что шнуровая орнаментация возникла в степях Причерноморья в древнейшее время и оттуда проникла на Запад. После раскопок Михайловки мы можем более точно определить время сложения древнейшей культуры в южнорусских степях. Есть все основания видеть во втором слое Михайловки поселение первой ступени древнейшей культуры, из которой позднее развилась ямная культура классического облика, с довольно частым применением в керамике шнуровой орнаментации. После даты по C_{14} для трипольской культуры ступени B_1 и для Михайловки I — 3130 ± 80 лет до н. э. только что названный период можно отнести ко времени 2800—2400 лет до н. э. Такая древность, казалось бы, достаточна для подтверждения мнения Г. Чайлда.

Однако анализ по C_{14} изменил и еще одну дату. Михельсбергская культура на Рейне, Майне и Везере теперь датируется 2785 ± 130 лет до н. э. и позднее. Между тем известно, что даже в наиболее западных районах распространения этой культуры, — например, в кантоне Берн (Швейцария), — применялась шнуровая орнаментация.

Таким образом, время распространения шнуровой орнаментации в эпоху ямной и михельсбергской культур на Днестре и на Рейне настолько сближается, что необходимы новые специальные исследования вопроса о том, откуда же происходит шнуровая орнаментация керамики Европы. В настоящее время этот вопрос, по-видимому, следует решать в пользу южнославянских степей. При раскопках нижнего слоя Михайловки, недавно проведенных О. Г. Шапошниковой, собраны новые, весьма важные находки. Там была обнаружена темная, хорошо лощенная керамика, более всего напоминающая балканскую, но украшенная шнуровым узором. Таким образом, шнуровую орнаментацию керамики в южнорусских степях сейчас уже можно

относить к концу IV тысячелетия до н. э., т. е. ко времени, на 300—400 лет более древнему, чем самая древняя керамика со шнуровым орнаментом в Средней и Северной Европе.

Уже сейчас есть много данных в пользу того, что прежняя прямолинейность решения подобных проблем неприменима и в отношении вопроса о распространении каменных сверленных топоров на западе и востоке Европы.

За последние годы богатейшие материалы получены О. Н. Бадером по сеймино-турбинской проблеме. Достаточно сказать, что при раскопках в Турбине в одном только 1960 г. собрано вдвое больше находок, чем найдено в Сейме, Турбине, Усть-Гайве и других местах за все прошлые годы. При этом в больших сериях оказались сеймино-турбинские кельты и копыя. Особо выделяется серебряное копье, очень близкое знаменитым серебряным копьям из Бессарабского клада. Однако, касаясь этой проблемы, нельзя не отметить, что за последние годы ареал размещения пунктов изготовления сеймино-турбинских орудий сильно расширился. Так, на р. Томи, у дер. Самусь В. И. Матюшенко (Томский университет) открыл поселение, на котором найдены многочисленные литейные формы сейминских кельтов и копий. Неожиданно блестяще подтвердилось предположение В. А. Городцова о восточном происхождении кельтов. Более древние, чем сейминские, кельты найдены только в Китае в древнейших памятниках чженьчжоуского этапа культуры Шан-Инь (XVII—XV вв. до н. э.)

Однако если прямая связь древнейших китайских кельтов с сибирско-сейминскими еще не установлена, то совершенно очевиден другой факт. Некоторые особенности форм шан-иньских бронз позднейшего ананьинского этапа (XIV—XI вв.), безусловно, восходят к сеймино-сибирским образцам (кельты, копыя, ножи, а также нефритовые кольца).

Очевидно, развитие сеймино-сибирской бронзовой индустрии было настолько высоким, что не могло не оказать влияния на бронзолитейное мастерство такого высокоразвитого центра культуры, каким во второй половине II тысячелетия до н. э. был Иньский Китай.

Отмечая этот новый аспект в сеймино-турбинской проблеме, я вынужден остановиться. Размеры статьи не позволяют здесь же поставить тесно связанные с этой проблемой вопросы бронзового века Сибири. Там слишком много нового материала, и он требует отдельного обсуждения. То же следует сказать о Дальнем Востоке, где за последние годы сделано исключительно много. В известной мере с этими достижениями знакомит статья Г. И. и Ж. В. Андреевых, публикуемая в настоящем выпуске «Кратких сообщений». Можно только добавить, что анализы на C_{14} , выполненные для некоторых памятников Дальнего Востока, исследованных А. П. Окладниковым, и опубликованные недавно⁹, позволяют с особой точностью представить соотношение культур Советского Приморья с соседними культурами Сахалина, а также Северного Китая, Кореи и Японии.

В заключение этого краткого обзора следует подчеркнуть, что он не претендует на исчерпывающую полноту. Я не мог затронуть целого ряда даже весьма важных проблем, таких, например, как многие культуры неолита, энеолита и бронзы (абашевская, катакомбная, мегалитическая, комаровская, позднетрипольская с ее замечательными могильниками, софиевская и др.). По всем этим проблемам сделано очень много, и их рассмотрение только подтвердило бы основной тезис настоящей статьи о сильнейшей взаимосвязанности культурно-исторических процессов развития отдельных районов нашей страны в далеком прошлом, которое всеми известными нам материалами характеризуется как эпоха становления, развития, а в некоторых местах (в Закавказье, например) и упадка первобытно-общинного строя.

⁹ См. СА, 1961, № 2.

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

В. С. ТИТОВ

ПЕРВОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА.
ДРЕВНЕЙШИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ
И СКОТОВОДЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНАДОКЛАД НА ТЕОРЕТИЧЕСКОМ СЕМИНАРЕ, ПРОЧИТАННЫЙ
В ИНСТИТУТЕ АРХЕОЛОГИИ АН СССР 31 МАРТА 1960 Г.

Недавно советская научная общественность отметила 75-летие со дня выхода в свет сочинения, которое В. И. Ленин охарактеризовал как «одно из основных сочинений современного социализма»¹ — книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства, в связи с исследованием Л. Г. Моргана». В этой книге дан образец научного, материалистического исследования первобытной истории человечества. В. И. Ленин говорит об этом сочинении как о труде, в котором «можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а на основании громадного исторического и политического материала»².

Для нас, археологов, особую важность имеет изложенная в этой книге периодизация истории первобытного общества, разделение всей истории человечества на три периода: дикость, варварство, цивилизация и каждого из двух первых периодов — на три ступени сообразно с успехами в производстве средств к жизни³. Морган, по словам Энгельса, «был первый, кто со знанием дела попытался внести в предысторию человечества определенную систему, и до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения, предложенная им периодизация несомненно останется в силе»⁴.

Периодизация Моргана — Энгельса приобрела признание археологов — первобытников разных стран и остается в силе, несмотря на расширение материалов, несмотря на открытие новых, ранее не известных культур. В то же время она служит предметом нападок со стороны врагов марксизма.

В качестве примера современной буржуазной критики периодизации Моргана — Энгельса как устаревшей и эволюционистской можно привести статью К. Нарра «Начало земледелия и скотоводства. Старые вопросы и новые находки и исследования»: «Особенно для тех исследователей, которые придерживаются концепций, подобных концепции Л. Генри Моргана, которые еще пользовались его давно устаревшей системой для периодиза-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, 4-е изд. т. 29 стр. 436.

² В. И. Ленин. Там же.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1952, стр. 20.

⁴ Там же.

ции доистории и ранней истории (с тремя этапами «дикости», «варварства» и «цивилизации») и замкнулись в вышеуказанных соображениях, большой неожиданностью было видеть, как распались казавшиеся прочными основания «неолита»; эргологические и экономические критерии более не согласуются, так как у вновь открытых, уже производящих пищу обитателей отсутствует керамика!»⁵.

Энгельс характеризует период варварства как «период введения скотоводства и земледелия, период усвоения методов повышения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности»⁶. В этот период человечество делает целый ряд очень важных шагов на пути прогресса. Они включают: введение гончарного искусства; приручение домашних животных, возделывание съедобных растений; употребление кирпича-сырца (адоба) и камня для постройки домов, выплавку и обработку металла; изобретение буквенного письма и применение его для записывания словесного творчества. Археология позволяет установить как, когда и где были сделаны человечеством эти шаги на пути прогресса.

Со времени Моргана («Ancient Society» в 1877 г.) наличие керамики было признаком «нижней стадии варварства». У археологов была тенденция очень высоко оценивать появление этой черты. При раскопках за последнюю четверть века в Телль эс Султане (Иерихон) в Палестине⁷, Джармо в Иракском Курдистане⁸, Хирокитии на Кипре⁹ в Кили Гхул Мохаммед в Белуджистане¹⁰ и Хуака Приета в Перу¹¹ были обнаружены постоянные поселения с хорошо выраженными жилыми сооружениями, жители которых уже сделали важные шаги на пути производства пищи, но еще не знали керамики. С другой стороны, известны примеры собирателей пищи, использующих керамику. Нам кажется, что появление или отсутствие керамики не всегда может считаться определяющим признаком в установлении стадии развития. В связи с этим встает вопрос о том, что период варварства не всегда можно начинать с появления керамики, с введения гончарного искусства. В некоторых районах начало периода варварства характеризуется введением скотоводства и земледелия. Одновременно человек начинает строить дома из сырцового кирпича и камня. И лишь позже оседлое земледельческо-скотоводческое население, живущее в прочно построенных домах, начинает изготавливать керамику.

Итак, период варварства — это, прежде всего, период земледелия и скотоводства, что полностью соответствует цитированной выше характеристике, данной Энгельсом. Между периодами дикости и варварства — важное качественное изменение. Это качественное изменение и является первым крупным общественным разделением и трудом.

Имея в распоряжении лишь данные индоевропейского языкознания для Старого Света, свидетельствовавшие о выделении арийских пастушеских племен, Энгельс полагал, что «пастушеские племена выделились из осталь-

⁵ «Paideuma», VII, 2, November, 1959, стр. 84.

⁶ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 26.

⁷ K. M. Kenyon. Jericho and its setting in Near Eastern history. «Antiquity», N 120, 1956; е е ж е. Earliest Jericho. «Antiquity», N 129, 1959; е е ж е. Some observations on the beginnings of settlement in the Near East. JRAJ, v. 89, part 1, 1959; е е ж е. Digging of Jericho. London, 1957 и предварительные отчеты о раскопках ежегодно с 1952 г. по 1957 г. в «Palestine Exploration Quarterly».

⁸ R. a. L. Braidwood. Jarmo. A village of early farmers in Iraq. «Antiquity», N 96, 1950; R. J. Braidwood. From cave to village in Prehistoric Iraq. BASOR, N 124, 1951; е го ж е. The Iraq-Jarmo project of the Oriental Institute of the University of Chicago. Season 1954—1955, „Sumer“, X, N 2, 1954; е го ж е. Near Eastern prehistory. «Science», v. 127, N 3312, 1958. Уже во время печатания работы вышел окончательный отчет о раскопках: R. J. Braidwood. a. Br. Howe. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. The Oriental Institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilization. N 31, Chicago, 1960.

⁹ P. Dikaios. Xhirokitia. Oxford, 1953.

¹⁰ D. H. Gordon. The prehistoric background of indian culture. Bombay, 1958.

¹¹ J. B. Bird. Pre-ceramic cultures in Chicama and Viru. «American Antiquity», XIII, N 4, part 2, 1948.

ной массы варваров»¹². Это событие начинает среднюю ступень варварства в Старом Свете. Мы же можем считать, что выделение земледельческих племен начинает ту же ступень в Новом.

У нас нет сейчас данных, чтобы противопоставлять ход общественного развития в западном и восточном полушариях. Поэтому мы говорим, что первое общественное разделение труда, взятое во всемирно-историческом масштабе, было выделением земледельческо-скотоводческих племен.

Вопрос о том, что раньше — земледелие со скотоводством (чистого земледелия мы не знаем) или скотоводство, — далеко не простой вопрос, который дебатировался до сих пор и до сих пор не может считаться окончательно разрешенным.

Существует гипотеза, по которой скотоводство и номадное состояние племен существовали в Центральной Азии с очень отдаленных времен. Защищают ее в основном представители немецкой исторической школы, в частности Фриц Флор и В. Шмидт¹³. Недавно в защиту этой гипотезы выступил Г. Польхаузен с «теорией сопровождения»¹⁴. Согласно ей охотники на крупных животных, кочующих стадами по тундре, арктическим и бореальным степям, перешли к сопровождению этих стад, а затем и к скотоводству кочевого типа.

По другой гипотезе скотоводство возникло на Ближнем Востоке в земледельческих общинах и затем распространилось в степях. Согласно взглядам родоначальника этой гипотезы Э. Хана¹⁵ земледельцы, по всей вероятности, из сакральных побуждений приручали животных своего окружения и, таким образом, стали зачинателями скотоводства. Скотоводство скоро сделало население самостоятельным и позволило заселять области, где земледелие было невозможно. Этой теории придерживаются Коте, Латтимор, Рих. Бердслей. Наиболее спорно в этой теории утверждение о сакральных основаниях, побудивших земледельцев к одомашниванию животных. Энгельс был, безусловно, прав, указывая на более реалистические основания.

Археологический материал, как кажется, свидетельствует о большей вероятности гипотезы Э. Хана (в ее реалистическом аспекте). Так, зоолог Ч. Рид пишет со ссылкой на Фюрера-Хаймендорфа, что «хотя собака появилась с доагрикультурным охотником, основные пищевые животные всегда появлялись у ранних земледельцев, а приручение лошади и северного оленя... произошло относительно поздно и не имело никакого влияния на древнейшие сельскохозяйственные общины и на их непосредственные исторические дериваты»¹⁶.

Во всяком случае, первый крупный рогатый скот был одомашнен в земледельческо-скотоводческих общинах, чего, кажется, нельзя сказать о мелком рогатом скоте, но к этому вопросу мы еще вернемся, когда будем говорить о неравномерности процесса развития человеческого общества с начала первого общественного разделения труда.

Первое крупное общественное разделение труда — выделение земледельческо-скотоводческих племен — было переходом к новому периоду в истории человечества — к периоду варварства и имело огромное значение. Человечество смогло перейти от простого присвоения готовых продуктов природы к производству пищи. Отсюда — решающее значение этого события для дальнейшего развития общества.

¹² Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 165.

¹³ Fr. Flor. *Haustiere und Hirtenkulturen*. Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, Bd. 1, 1930; W. Schmidt. *Zu den Anfängen der Herdentierzucht*. Zeitschrift für Ethnologie, Bd. 76, 1951.

¹⁴ H. Pohlhausen. *Das Wanderhirtentum und seine Vorstufe*. 1954.

¹⁵ E. Hahn. *Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen*. Leipzig, 1898.

¹⁶ C. A. Reed. *Animal domestication in the Prehistoric Near East*. «Science», v. 130, № 3389, 1959, стр. 1632.

Западные археологи вслед за Чайлдом часто употребляют его выражение «неолитическая революция», данное по аналогии с индустриальной революцией в Англии для обозначения понятия первого общественного разделения труда. Чайлд пишет: «Я всегда старался настаивать на утверждении, что эта «революция» была... медленным, непрерывным процессом, чья кульминация могла быть определена только произвольно»¹⁷. По Чайлду, неолитическая революция должна занимать, по крайней мере, много десятилетий, возможно, много веков.

Разрабатывая подробно понятие «неолитическая революция» в книге «Man Makes Himself», Чайлд пишет: «Первая революция, которая трансформировала человеческую экономику, дала человеку контроль над его собственным запасом пищи»¹⁸.

Задача настоящей статьи — показать, где, когда и как произошло первое общественное разделение труда и каковы его первоочередные следствия.

Энгельс говорит, что первое крупное общественное разделение труда было в ы д е л е н и е м из остальной массы варваров пастушеских племен с новой экономикой¹⁹.

Мог ли произойти процесс образования земледельческо-скотоводческих племен всюду в человеческой ойкумене? Первое необходимое условие происхождения земледелия — растения, которые можно культивировать, и первое необходимое условие возникновения скотоводства — животные, которых можно одомашнить. И эти необходимые условия были не везде.

Обратимся к естественным наукам.

Вот уже более ста лет, как археология и ботаника, изучающая культурные растения, вступили в очень плодотворный союз, когда в конце 50-х годов прошлого века в швейцарских свайных постройках было найдено много злаков. Этим союзом обе науки обязаны О. де Гееру. Для определения места происхождения земледелия особенно важны генетика и география растений; первая определяет возможности эволюции видов и сферы возможных предков, а вторая — сферу распространения возможных диких прародителей растений, обрисовывая районы, в которых только и могла начаться культивация. Советские географы растений во главе с Н. И. Вавиловым очень много сделали для определения центров происхождения земледелия. Заслуги их признаны всем миром. Так, один из крупнейших современных специалистов по происхождению культурных растений, Э. Шиманн пишет, что «доклад Н. И. Вавилова о «Географических центрах наших культурных растений» на конгрессе генетиков в 1927 г. дал огромный импульс как общему исследованию культурных растений, так и новые мысли о проблематике прародителей»²⁰.

Естественные науки говорят, что огромные пространства Центральной Азии, Европы, влажных субтропиков с плодороднейшими почвами, занимающие треть суши земного шара, должны быть исключены из области возникновения древнейшего земледелия. «В сущности, только узкая полоса суши земного шара сыграла основную роль в истории земледелия», — пишет Н. И. Вавилов²¹. Он указывает, что вся мировая земледельческая культура сложилась в семи основных очагах земного шара, которые сами по себе занимают очень ограниченную территорию. Но насколько эти очаги или центры самостоятельны или первичны?

Кажется, можно выделить три совершенно самостоятельных центра происхождения земледелия.

¹⁷ «Antiquity», N 119, 1957, стр. 36.

¹⁸ «The Thinker's Library», N 87, London, 1948, стр. 67.

¹⁹ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 165.

²⁰ E. Schimann. Fünfzig Jahre Triticum dicoccoides. BDBG, LXXI, N. 7, 1956.

²¹ Н. И. Вавилов. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.—Л., 1932. Ниже, при описании «центров» земледелия и скотоводства мы придерживаемся историко-географических областей, не определяя их современным политико-административным делением.

Первый центр — центр происхождения пшениц, ржи, льна, люцерны и многих плодовых деревьев, винограда, многих огородных растений — юго-западноазиатский, включающий Внутреннюю и Восточную Анатолию, Иран, Центральную Азию, а также Сирию и Палестину. С этим центром связаны крупный рогатый скот, овца, коза и один вид свиньи.

Второй центр — юго-восточноазиатский: полуостров Индокитай — родина риса, культуры, питающей половину человечества, соевых бобов, сахарного тростника, хлопчатника, мангровых. На этом центре настаивают Соэр и Кун; они объединяют два центра Вавилова, с которыми связано одомашнивание другого вида свиней — *Sus vittatus*.

Третий независимый очаг возникновения земледелия — это центральноамериканский центр, объединяющий южноамериканский и перуанский центры Вавилова. Этот очаг дал человечеству кукурузу, хлопчатник, какао, фасоль, картофель. В Перу были одомашнены лама — альпака, морская свинья.

Существование таких совершенно независимых центров происхождения земледелия доказывает единство закономерностей развития всего человечества.

Земледельческая культура, раз образовавшись, распространяется из центров независимого возникновения в окружающие области; создаются вторичные, несамостоятельные очаги. Таковы, например, средиземноморский и абиссинский.

Для средиземноморского очага Н. И. Вавилов отмечал, что «большинство полевых (и стало быть, древнейших.— В. Т.) растений в нем заимствовано из других очагов»²². Растения же, характерные для него и лишь ему свойственные, — маслина, инжир, рожковое дерево — явление более позднее.

Теперь большинство ботаников считает дикий эммер прародителем культурных тетраплоидных пшениц. Место его культивации мы должны искать внутри ареала распространения этого вида от Сирии и Палестины до Ирана и Ирака. Наиболее вероятно, что культивация его началась в нескольких местах в пределах этой сферы.

Абиссинский очаг происхождения эммера (по Вавилову) очень сомнителен и с биологических, и с археологических позиций как самостоятельный и независимый очаг происхождения земледелия. Н. И. Вавилов отмечает, что археологическое доказательство глубокой древности абиссинского культурного очага отсутствует. Укажем, что и биологических доказательств немного. В Абиссинии нет диких пшениц и ячменя, а чисто абиссинские растения, гефф (*Eragrostis abyssinica*), нуга (*Guizotia abyssinica*) не вышли за пределы своей родины²³.

С начала первого общественного разделения труда процесс развития человечества становится неодинаковым. На это указывает Энгельс, для Старого и Нового Света. Различие это проявляется, во-первых, в том, что возникают центры производящего хозяйства, как уже указывалось, в то время как остальная часть человечества продолжает оставаться еще на стадии собирательства.

Во-вторых, неравномерность процесса развития человечества состоит в том, что появление самих центров производящего хозяйства далеко не одновременно. Древнейший и наиболее важный центр возникновения земледелия и скотоводства — переднеазиатский. Как древнейший, он может показать нам весь процесс возникновения земледелия и скотоводства, поэтому мы и будем заниматься им в дальнейшем.

В-третьих, неодинаковость развития человечества с начала первого общественного разделения труда сказывается еще и в том, что в некоторых

²² Н. И. Вавилов. Указ. соч., стр. 9.

²³ О вторичном характере абиссинского центра см. E. Schieman n. Entstehung der Kulturpflanzen. «Ergebnisse der Biologie», XIX, Berlin, 1943, стр. 521—522.

местах скотоводство, видимо, возникает раньше, чем земледелие. Свидетельство этого изредка обнаруживается в пещерах Южного Прикаспия²⁴, в кухонных кучах Северной Африки, в раннем тарденуазе или советерри Франции (Couzol de Gramat, Тевьек) и древнем Хортуме у Аркела, где встречаются кости одомашненных овец и коз.

Ближневосточный центр — центр происхождения древнейших культурных растений — пшеницы и ячменя и древнейших домашних животных — овец, козы, крупного рогатого скота и свиньи.

Род пшеницы *Triticum* делится на три генетические группы: диплоидную, клетки которой содержат по 2 группы из 7 хромосом, тетраплоидную (соответственно 4 группы) и гексаплоидную (6 групп): Диплоидная группа состоит из однозернянки, тетраплоидная включает полбу (эммер), тургидум, твердую пшеницу, гексаплоидная — хлебные мягкие пшеницы *T. vulgare*, *Compactum*, *Spelta*.

Все пшеницы, кроме однозернянки, связаны своим происхождением с *T. dicoccoides*, диким эммером, распространенным от Сирии и Палестины до Ирана и Ирака.

Гексаплоидные голозерные пшеницы, как предполагали одно время, появились в Центральной Азии, где может быть установлен центр их множественности. Их происхождение приписывалось хромосомной аберрации в эммере. Дж. Персиваль указал²⁵, что трава могла быть вовлечена в гибридизацию с эммером, чтобы дать мягкие пшеницы. Если это так, то место происхождения сдвигается на запад, в Закавказье, где ареалы эммера и *Aegilops* частично совпадают. Гексаплоидные пшеницы, по мнению Г. Хельбека²⁶, появляются спорадически с самого начала земледелия, но как ненормальности; лишь при перенесении в другую среду они получили высокое развитие. Перенесение в Египет оказалось неудачным, и в династическом периоде в Египте мягких пшениц нет, а в Европу — удачным. Всякий раз, когда могут установить действительный вариант голозерных пшениц в древних находках с достаточной достоверностью, она оказывается карликовой мягкой пшеницей *T. compactum*. Древнейшая находка — неолит эль-Омари в Египте. Есть она в халколите Малой Азии, в Харappe в Индии и в неолите Европы от Дуная до Швейцарии. В памятниках михельсбергской культуры найдена целая группа морфологически различных типов.

Однозернянка, видимо, — единственный вид, который совершенно независим в биологическом поведении. Ее нельзя скрестить ни с какой другой пшеницей. Дикая однозернянка распространена в одном варианте на Балканах, а в другом — от Малой Азии до Палестины и Ирана. В диком виде встречается вместе с эммером, но редко в больших количествах, часто — в слоях раннего бронзового века Трои, в Западной Малой Азии.

Древнейшие находки — в Хаме, в слое IV тысячелетия, и в Джармо, где она сопровождает эммер.

Дикий ячмень растет от Средней Азии до Марокко, и, следовательно, он мог быть культивирован в любом месте в этой полосе; но, поскольку нет ни одной древней культуры, базирующейся на одном ячмене, неизбежен вывод, что за пшеницей человек сделал первый шаг и к его культивации.

²⁴ H. Pohlhausen. Jäger, Hirten und Bauern in der aralo-kaspischen Mittelsteinzeit, 35 BRGK, 1954, Berlin, 1956, стр. 1 и сл.

²⁵ J. Percival. The wheat plant. London, 1921.

²⁶ H. Helbaek. Archaeology and agricultural botany. Ninth Annual Report of the Institute of Archaeology, London, 1953, стр. 44—58; его же. Domestication of food plants in the Old World. «Science», v. 130, № 3378, 1959, стр. 359—372; его же. How farming began in the Old World. «Archaeology», v. 12, № 3, 1959; его же. Die Paläoethnobotanik des Nahen Ostens und Europas. Opuscula Ethnologica Memoriae Ludovici Biro sacra. Budapest, 1959, стр. 265—289.

Ааронзон, открывший дикий эммер, называет его «растением скальных почв», которое «избегает широких равнин и степей», а растет «в трещинах скал, в местах, где земля над камнем появляется лишь в виде тонкого слоя, в самых сухих, совершенно сожженных местах безо всякой защиты и постоянно в обществе *Hordeum spontaneum*»²⁷.

Дикая пшеница растет в средних широтах, обычно 750—900 м выше уровня моря, предпочтительно на сухих и солнечных склонах; ячмень — примерно на высоте 800 м. И лишь в этих экологических условиях они могли быть культивированы.

Обратившись к зоологии, чтобы получить ответ на вопрос о вероятном районе одомашнивания козы, овцы, крупного рогатого скота и свиньи, мы окажемся в некотором затруднении, поскольку многие вопросы здесь не разрешены, не всегда достоверно известны дикие предки названных животных и соответственно проблематичен район доместикации²⁸.

Ближайшим живым сородичем домашней козы или большинства коз считается безоарная коза *Capra hircus aegagrus*. Но для нее характерны саблеобразно изогнутые рога, а у домашних коз — обычно закрученные. Поэтому некоторые специалисты полагают, что предком домашних коз была вымершая теперь коза *Capra prisca Adametz* с закрученными рогами. Другие ученые сомневаются в существовании таковой. Во всяком случае, безоарная коза найдена на Крите и на Кикладах и от Малой Азии до Пакистана по всему Ближнему Востоку. Одомашнена коза была очень рано: кости домашней козы найдены уже в Джармо²⁹.

Дикий предок домашней овцы — *Ovis ammon* Linne в Европе живет лишь на Сардинии и на Корсике; далее область его распространения начинается на Кипре и в Малой Азии и простирается до Центральной Азии. Лишь находки плейстоценовых костей дикой овцы известны Европе. Овца была одомашнена, вероятно, столь же рано, как и коза. Но свидетельства этого пока очень скудны, и находки древнейших сделаны в Амуке.

В недавнее время очень много дебатировался вопрос о происхождении домашнего крупного рогатого скота (*Bos taurus*) от длиннорогого или короткорогого предка (*Bos primigenius*, *Bos brachyceros*) и о возможности того, что короткорогие животные были коровами, а длиннорогие — быками. Вполне вероятно, правы исследователи, которые, подобно Амшлеру, считают *Bos brachyceros* разновидностью или расой одного вида — *Bos primigenius*³⁰. Свидетельства доместикации этого вида относятся к сравнительно позднему периоду — Халафскому³¹.

В основу типов домашней свиньи, видимо, легли различные подвиды дикой свиньи Северной Африки и Европы. Уже с археологической точки зрения крайне невероятно происхождение европейской домашней свиньи от *Sus scrofa vittatus*, юго-восточноазиатского подвида, предполагаемое некоторыми учеными³². Наиболее раннее свидетельство доместикации свиньи находили в Амуке А³³.

Итак, предки двух древнейших одомашненных пищевых животных — дикие овцы и козы — живут преимущественно в Передней Азии — важный факт, который ясно следует из сказанного выше, а предки крупного рогатого скота и свиньи — и в Передней Азии.

²⁷ Цитировано у E. Schieman n. Fünfzig Jahre Triticum dicoccoides..., стр. 316.

²⁸ J. Boessneck. Zu den Tierknochen aus neolithischen Siedlungen Thessaliens, 36 BRGK, 1955, Berlin, 1956, стр. 1—51; C. A. Reed. Animal domestication..., стр. 1631—1638; J. W. Amshler. Zur Abstammung und Domestikation der Haustiere. «Archaeologia Austriaca», N 26, Wien, 1959, стр. 1—35.

²⁹ F. E. Zeuner. The goats of early Jericho. PEQ. N 86, 1955, стр. 70—75; C. A. Reed. Comment on early goats «Antiquity», XXXI, № 121, 1957.

³⁰ J. W. Amshler. Указ. соч., стр. 30, 31.

³¹ C. A. Reed. Animal domestication..., стр. 1634.

³² Например, C. Sauer. Agricultural origins and dispersals. New York, 1952.

³³ C. A. Reed. Animal domestication..., стр. 1635.

Ближневосточный центр включает всю область холмистых флангов, горные долины и равнины между гор, которые окружают великую систему орошения рек Тигра и Евфрата. Все первичные оседлые земледельческо-скотоводческие поселения собраны внутри естественной зоны произрастания пшеницы и ячменя и обитания овцы, козы, свиньи и крупного рогатого скота, в довольно высоких долинах, в предгорьях и между гор. И развитие должно было ограничиваться этой областью вплоть до того, как произошли необходимые мутации и гибридизации, чтобы культивируемые растения стало возможно удалить из их естественной среды. По Брейдвуду, высокие плато Анатолии и Ирана не входили в первоначальный фокус развития.

Это основные положения «теории холмистых предгорий», которая представляется теперь наиболее вероятной. Но существует и другая теория, называемая «оазисной». Она восходит к ранним работам известного климатолога Брукса, в которых постулировалось, что новые послеледниковые распространения атлантических ветров якобы повлекли за собой высушивание североафриканских и западноазиатских районов. Культурно-исторические выводы из этой теории сделаны археологами — особенно Чайлдом³⁴ и историками — Тойнби. Согласно их мнению, люди и животные отступали в оазисы и речные долины, а за этим тесным сосуществованием последовали одомашнивание и культивация. Но с возрастом археологического знания речные долины были отсюда исключены.

Профессор-зоолог Чарльз Рид, критикуя оазисную теорию, указывает, что биологически неверным было бы ожидать, что тенденцией животных, пригодных для одомашнивания, было двигаться вниз, к оазисам и речным долинам, с наступлением засушливого климата; всякое такое отступление шло бы вверх, в холмистые страны с достаточным количеством дождей осадков. Далее, он указывает, что сторонники оазисной теории или теории «тесноты» не учитывают колебаний температуры и количества осадков в постпалеоиниальный период в Африке и Юго-Западной Азии, которые имели глубокие экологические последствия. Нет никакого свидетельства о доместикации в самое засушливое время, и лишь когда начался период более высокой влажности (7000—4500 гг. до н. э.), началась и доместикация³⁵.

* * *

Рассматривая археологические материалы, относящиеся к первому общественному разделению труда в древнейшем центре возникновения земледелия и скотоводства, мы убеждаемся, что они могут быть разделены на две стадии: стадию зарождающегося земледелия и одомашнивания животных и стадию первичных оседлых земледельческо-скотоводческих поселений³⁶.

Вторая стадия, представляющая уже результаты первого общественно-го разделения труда в древнейшем центре, достаточно хорошо известна по материалам поселений, лежащих в основании талей Передней Азии; первая стадия известна гораздо хуже. Причина состоит в том, что в самом начале новой стадии производства пищи орудия, свойственные новой экономике, не развивались в виде стабильных и технологически характерных форм. Культуру земледельцев трудно узнать, пока они не создали стандартизованных, не исчезающих со временем, орудий для возделывания почвы, жатвы или сбора урожая. Установление существования скотовод-

³⁴ Г. Чайлд. Древний Восток в свете новых исследований. М., 1956, стр. 40 и сл.

³⁵ C. A. Reed. Animal domestication..., стр. 1637.

³⁶ Теория двух стадий изложена в целом ряде работ Брейдвуда, например: R. J. A. L. Bruidwood. The earliest village communities of Southwestern Asia. «Cahiers d'histoire mondiale», v. I, N 2, 1953, стр. 282—310.

ства очень затруднено на сухих почвах, где кости истлевают, и внутри естественных районов обитания животных, пригодных для одомашнивания. Критериев распознавания одомашнивания по костям животных почти нет. Иное дело, если животное не свойственно биотипу, в котором оно найдено, как козы и овцы для низменной полосы Южного Прикаспия, где они появляются явно уже в одомашненном виде ³⁷.

К стадии зарождающегося земледелия и одомашнивания можно отнести те комплексы, которые включают предметы, косвенно указывающие на зарождающееся производство пищи,— и сделанные человеком, и естественные. К первым относятся серпы или лезвия серпов, зернотерки, песты, ручные мельницы, и пр., ко вторым — остатки злаков, кости, если они (по определению специалистов) могут принадлежать одомашненным животным.

К стадии первичных земледельческо-скотоводческих поселений относятся материалы, добытые из оснований теллей — жилых холмов. Естественно, когда археолог доходит до нижних горизонтов, раскоп его суживается до размеров колодца. Отсюда — известная ограниченность наших знаний этих памятников. Установление постоянных поселений и появление керамики — основные критерии начала данной стадии.

К этой стадии относятся такие поселения, как Хассуна ³⁸ и Матарра ³⁹ в Северной Месопотамии (неолит и протохалколит), Мерсин ⁴⁰, Амука-В ⁴¹ в Сирии и Киликии, керамический неолит А Иерихона ⁴², Сялк I в Иране ⁴³. Это явно земледельческие поселения с серпами, зернотерками, запасом зерна, мотыгами (в Хассуне), скотоводческие (кости крупного рогатого скота, овец, коз, свиней), с домами из кирпича-сырца или утоптанной глины. Все эти поселения отличаются следами одних и тех же возделываемых растений и одомашненных животных, общими архитектурными обычаями и строительной техникой, общим способом изготовления керамики, ее орнаментацией, общим типом кремневых и шлифованных каменных орудий труда. Поэтому некоторые археологи говорят о районе общей, совместной традиции ⁴⁴. Эти черты общности, однако, не означают единое начало в одном благоприятном месте; они доказывают лишь существование взаимных связей и быстрое распространение тех или иных достижений в одинаковых природных и экономических условиях.

Другие ученые, — например, Чайлд и Кенyon, — говорят, о большом числе мелких начал общей экономики, причем некоторые из них, видимо, терпят неудачу и погибают. Но и эти ученые подчеркивают невозможность связать эти отдельные ветви и вывести их из одного общего ствола развития. Стадия первичных оседлых земледельческо-скотоводческих поселений в древнейшем центре происхождения производящей экономики относится, согласно радиоуглеродным датам, к VI—V тысячелетиям до н. э.

Даты ⁴⁵ получены для следующих памятников: Хассуна, W-660—7040±200 лет до совр.; Матарра, W-623—7570±250 лет до совр.; Мерсин, W-671—7950±250 лет до совр.; Библ (энеолит А или неолит), W-627—6550±200 лет до совр.; Фаюм А (по зерну) C-457—6095±250 лет до совр.; C-550/I—6391±180 лет до совр.

Стадия первая — зарождающегося земледелия и одомашнивания животных — может быть прослежена лишь по палестинским и иракским архе-

³⁷ H. Pohlhausen. Jäger, Hirten und Bauern..., стр. 3.

³⁸ S. Lloyd a. F. Safar. Tell Hassuna, JNES, IV, 1945, стр. 255—289.

³⁹ R. J. Braidwood. Matarrah. JNES, XI, 1952, стр. 1—75.

⁴⁰ J. Garstang. Prehistoric Mersin. London, 1953.

⁴¹ R. J. a. L. Braidwood. The earliest village communities..., стр. 290—292.

⁴² K. Kenyon. Digging up Jericho. London, 1957.

⁴³ R. Ghirschman. Fouilles de Sialk, I, Paris, 1938, стр. 74.

⁴⁴ R. J. Braidwood. Jericho and its setting in Near Eastern history. „Antiquity“, № 122, 1957, стр. 78, 79.

⁴⁵ R. J. Braidwood. Near Eastern prehistory, табл. 1

ологическим материалам. В результате ведущихся с 1948 г. работ Восточного института Чикагского университета под руководством проф. Брейдвуда в Иракском Курдистане открыты многие памятники, предшествующие развитому керамическому неолиту с земледельческо-скотоводческой экономикой.

Эти памятники представляют непрерывную линию развития от верхнего палеолита (граветийской традиции) с геометрическими микролитами Зарзи (Zarzi) до керамического неолита Хассуны. К сожалению, более или менее крупные раскопки проведены только на двух памятниках — Карим Шахир и Джармо. Более поздний из них — Джармо⁴⁶. Это деревня с постоянными домами, стены их — из утоптанной глины, в верхних слоях — на каменных основаниях. Обитатели Джармо первоначально не знают обожженной глины; в качестве сосудов они используют каменные чаши и тазы, а также обмазанные глиной углубления с загородкой, возвышающейся над землей. Лишь в верхних слоях появляется керамика очень плохого качества, с примесью соломы в глине. Орудия — из кремня и обсидиана; микролитов много, но почти нет геометрических (пять или шесть в разных горизонтах). Есть обломки шлифованных орудий и зернотерки.

Джармо — земледельческо-скотоводческое поселение. Найдены два вида пшеницы. Эммер и однозернянка очень близки дикой форме; двурядный ячмень очень близок *Hordeum spontaneum* — дикому ячменю.

Единственное животное, которое здесь, как и в Иерихоне, было одомашнено вне всякого сомнения, — эта коза; 80% костей принадлежит овце и козе, 10% — свинье, 5% — лошади, быку, собаке, 5% — диким животным, причем кости овец и коз принадлежат, главным образом, молодым особям.

Еще более ранний памятник — Карим Шахир⁴⁷, поселение на открытом месте. Нет никаких следов регулярной архитектуры. Вскрыты лишь остатки очагов, много камней и ям. Керамика не найдена, но есть обломки частично шлифованных топоров, песты и зернотерки. 50% костей принадлежат потенциально одомашниваемым животным — особенно овце, козе и свинье.

При определении и датировке Джармо по C_{14} было получено 11 дат — приблизительно от 9480 г. до 4300 г. до н. э. Р. Брейдвуд отбрасывает две даты X тысячелетия как невозможно ранние и 6 дат V тысячелетия как невозможно поздние (при датировке Хассуны 5080 г. и Матарры 5610 г. до н. э.) и выбирает две даты — 7080 г. до н. э. и 6860 г. до н. э.⁴⁸

В Палестине к стадии зарождающегося земледелия и скотоводства относятся материалы натуйфской и тахунийской культур. Исследования К. Кенyon в 1952—1957 гг. в Телль эс Султане (Иерихон)⁴⁹ показали, что, по крайней мере, часть натуйфцев и тахунийцев была создателем высокой культуры, жила в обширных поселениях (до 10 акров — 40 тыс. кв. м), обнесенных мощными стенами с башнями, в хорошо построенных домах из сырцового кирпича. Установлены следующие слои.

Фаза В — докерамический неолит — характеризуется хорошо построенными домами с большими прямоугольными комнатами, прямолинейными и вертикальными стенами и широкими дверями. Стены сооружены из

⁴⁶ R. a. L. Braidwood. Jarmo. A village of early farmers..., стр. 189—195.

⁴⁷ R. J. Braidwood. The Near East and the foundation for civilization. Oregon, 1952, стр. 26.

⁴⁸ Следует заметить, что некоторые ученые ставят под сомнение такой выбор дат автором раскопок. Они указывают, что эти две даты исходят из Вашингтонской лаборатории, как и даты для Хассуны и Матарры, а из пяти близко группирующихся дат V тысячелетия две исходят из Чикаго и две — из лаборатории Дэви — Фарадея Королевского института в Лондоне, работающей с Институтом археологии; следовательно, они более надежны.

⁴⁹ K. Kenyon. Digging up Jericho. London, 1957; e e ж е. Jericho and its setting...

кирпича, напоминающего по форме уплощенные сигары с вершинами, снабженными вертикальным зигзагообразным узором из отпечатков ногтя большого пальца. Стены и полы покрыты тонкой гипсовой обмазкой, кремовой или розовой по цвету, лощеной до блеска. Дома — значительной величины; при них — небольшие дворжики.

По кремневому инвентарю — это классический неолит Палестины (тахунийская культура). Данная стадия насчитывает в Иерихоне до 26 строительных горизонтов. Крайне интересны относящиеся к фазе В находки 10 черепов с лицом, «восстановленным» в гипсе. Лица раскрашены, глаза сделаны из раковин. Находка — явное свидетельство культа предков. Датирована фаза В (по C_{14}) 5850 ± 160 лет до н. э. и 6250 г. до н. э.

Более ранняя фаза А — также докерамический неолит — характеризуется округлыми в плане домами из типичных «плоско-выпуклых» кирпичей. Полы жилищ делались ниже уровня окружающей почвы. Открыта стена, защищавшая поселение (высота — 6 м) и перед ней — выбитый в скале ров шириной 8 м и глубиной 2,5 м. Стена снабжена конусовидной башней (диаметр основания — 12 м, диаметр верхней сохранившейся части — 9 м, высота — 9 м). Внутри башни оказалась лестница из 22 превосходно отделанных каменных ступеней. Стена датируется 6770 ± 210 лет до н. э.

Ниже залегают протонеолитические слои, образующие основное ядро телья, состоящие из бесчисленных последовательно сменявшихся полов с легкими холмиками — остатками хижин.

В северном конце телья найдены мезолитические слои, по материалу соответствующие первой стадии натуфийской культуры. Их даты: F-69 — 9850 ± 240 лет до н. э., F-72 — 9800 ± 240 лет до н. э.

Многочисленные находки злаков еще не определены, но уже выяснено, что среди костных остатков есть кости потенциально одомашненных животных — свиньи, овцы, козы и быка. Профессор F. Zeuner нашел свидетельство одомашнивания коз⁵⁰. Были домашние кот и собака⁵¹.

Для Европы на большую древность земледельческой культуры, по сравнению с культурой керамического неолита, впервые обратил внимание В. Милойич. Об этом сначала свидетельствовали находки пыльцы пшеницы в Вюртемберге (Федерзее), Чехии (Коммернское озеро), Австрии (Милльштетское озеро в Каринтии), Швейцарии (Бургешское озеро) и др., относящиеся к середине атлантического периода и даже времени бореального максимума.

Только в 1956 г. гипотеза о докерамическом земледельческом неолите получила подтверждение благодаря раскопкам В. Милойича в Фессалии, во время которых в глубоких слоях телья у Лариссы обнаружены слои с находками зерен злаков и костей домашних животных с остатками постоянных и прочных построек, с домами типа полуземлянок и наземных жилищ⁵². С тех пор ряд поселений докерамического неолита был найден в Юго-Восточной Европе, в первую очередь — Теохарисом в Фессалии, в Сескло⁵³ и Берчу — в Румынии⁵⁴, причем в неолитической датировке последних некоторые ученые сомневаются⁵⁵.

* * *

⁵⁰ F. E. Zeuner. The goats of Early Jericho. PEQ, № 86, 1955.

⁵¹ F. E. Zeuner. Dogs and cat the Neolithic of Jericho. PEQ, № 90, 1958.

⁵² V. Milošič. Die erste präkeramische bäuerliche Siedlung. «Germania», 34, 1956, стр. 208—210; его же. Präkeramisches Neolithikum auf der Balkanhalbinsel. «Germania», 38, 1960, стр. 322; его же. Bericht über Ausgrabungen in Thessalien in 1958. AA, 1959, Berlin, 1960, кол. 40.

⁵³ Theocharis. Thessalika I. 1958, стр. 70 и сл.

⁵⁴ D. Berciu. Neolithic preceramic in Balcani. SCIV, IX, № 1, 1958, стр. 91—98.

⁵⁵ C. S. Nicolescu-Ploșor. Discuții pe marginea paleoliticului de sfârșit și începuturilor neoliticului nostru. SCIV, X, N 2, стр. 291—336.

Первое общественное разделение труда, переход к земледелию и скотоводству, т. е. к производящей экономике, привели к невиданному до тех пор росту производительных сил и, как следствие этого, к значительному возрастанию населения.

Величина общины собирателей ограничивается доступным запасом пищи, количеством дичи, рыбы, съедобных корней и плодов на ее территории. И как бы человек ни старался, он не может увеличить добычи: всякое улучшение техники, повышение интенсивности охоты и собирательства приводит к прогрессирующему истреблению дичи, к уменьшению ее количества. При новой экономике возникли огромные возможности увеличения количества пищи; нужно лишь больше сеять и больше обрабатывать земли, чтобы получить большой запас пищи.

Присваивающей экономике свойственна очень низкая плотность населения (например, у аборигенов Северной Америки нормальная плотность населения — от 0,05 до 0,1 на 1 кв. милю). Производящая экономика повышает плотность населения. На островах Тихого океана в неолитических обществах плотность населения достигала 30 человек и более на 1 кв. милю, хотя здесь количество земли ограничено.

Рост населения отражался не столько на расширении поселений, сколько на увеличении их числа. Ведь при отсутствии средств перевозки продуктов поселения должны были размещаться вблизи полей, половина которых к тому же лежала под парами. Поэтому население в одном месте ограничивалось определенным количеством (300—400 человек), а избыток его принуждал создавать новое поселение.

Таким образом, мы можем считать вполне вероятным, что в первоначальном центре возникновения новой экономики образовался известный избыток населения и, как следствие этого, произошло расселение.

Очень рано начинается освоение аллювиальных долин, которые человек мог заселить, лишь овладев земледелием. «Земледелие не было «изобретением» народа, живущего рядом с одной из великих рек — Нилом, Тигром, Евфратом, Индом. Никто не стал бы спускаться в высыхающую болотистую страну Южной Месопотамии, чтобы практиковать земледелие, пока он еще не узал, каково оно. Только после этого он мог узнать и возможности дельты»⁵⁶. Движение ранних земледельцев вниз, в глинистые низины Тигра и Евфрата, в Южную Месопотамию приурочено к концу фазы Хассуна или раннему Халафу. В конце Халафского периода Нижняя Месопотамия уже заселена носителями культуры Эриду, но они не были там первым населением. Многочисленные находки микролитов (известные раньше и сделанные недавно) указывают на существование здесь более ранней культуры, вероятно, собирателей⁵⁷.

Продвижение культурных растений вниз, в аллювиальные долины с совершенно иными природными условиями (почвой, количеством осадков и пр.), с необходимостью искусственного орошения, оказало огромное влияние на эти растения, расшатало их наследственность и послужило импульсом для ряда мутаций. Вероятно, это резкое изменение экологии и вызвало к жизни разновидности, среди которых оказались устойчивые и более приспособленные к новым условиям. Г. Хельбек полагает, что таким путем возник шестирядный ячмень из двурядного культурного ячменя, открытого им в Джармо⁵⁸.

Совсем недавно получены свидетельства о другом пути расселения — вдоль южного побережья Анатолии, где при разведках открыта древнейшая расписная керамика и более древняя нерасписная керамика типа нео-

⁵⁶ M. Wheeler. The first town? «Antiquity», № 119, 1956, стр. 134.

⁵⁷ R. M. Adams. Factors, influencing the rise of civilization in alluvium illustrated by Mesopotamia. «City Invincible», Chicago, 1960, стр. 26, примеч. 2.

⁵⁸ H. Helbaek. Ecological effect of irrigation in Ancient Mesopotamia. «Iraq», XXII, «Ur in Retrospect», 1960, стр. 187—195.

литической из Мерсины. Раскопки в Хаджиларе Дж. Меллаарта позволяют связать древнейшую культуру расписной керамики типа Сескло в Греции с переднеазиатской расписной керамикой⁵⁹.

Гораздо менее известен третий путь расселения — через Киренаику по северному побережью Африки до Танжера. Но, видимо, об этом свидетельствуют результаты раскопок пещеры Naoua Fteah в Киренаике и пещеры в Танжере.

«Земледельцы, которые выращивали традиционные злаки и пасли традиционных животных, пересекли египетскую долину, чтобы заселить плодородные долины и равнины Северной Африки», — пишет известный антрополог К. Кун⁶⁰, принимавший участие в раскопках пещеры в Танжере в 1947 г. Этим, конечно, не исчерпываются все вероятные пути заселения, но в названных выше процесс проявился, пожалуй, наиболее ясно и четко.

Само расселение — далеко не простая миграция. Это сложный процесс, который лишь в последнее время начал более или менее определяться в глазах археологов благодаря новым открытиям, заполнившим существенные пробелы в знании.

С самого начала на этот процесс воздействуют, с одной стороны, разделяющие факторы (периферизация и локализация), а с другой, — объединяющие (общая традиция и диффузия). Но первые сразу же получают перевес, и в результате — распад расселяющейся культуры на локальные группы; чем позже ступень, тем больше таких групп возникает. Первоначально эти группы не имеют резких границ, черты одной постепенно увеличиваются, черты другой постепенно уменьшаются. Но чем дальше они расходятся, тем сильнее обособляются, тем резче становятся границы. Образуются новые, почти независимые, самостоятельные центры⁶¹.

Так, очень рано Средиземноморье становится центром керамики импрессо, вторичным центром, генетически связанным, вероятнее всего, с Сирийско-Киликийским неолитом. Действительно, в культуре Стентинелло, Мольфетта, Иберо-Мавританском неолите, в пещерах Каталонии и Валенсии, в Одаки-Магула в Греции, в Красной и Зеленой пещерах в Черногории и Герцеговине найдена характерная керамика этого типа.

Балканский полуостров становится центром древнейшей культуры расписной керамики: Сескло в Греции, Старчево в Сербии, Кремиковцы и Караново I в Болгарии, Главанешты в Румынии — вот названия отдельных локальных культур, входящих в этот центр, который, вероятно, связан генетически с Амуком В — Мерсином. В материалах этого круга культур мы находим эммер и одозернянку. Время существования этого центра — V тысячелетие до н. э.⁶²

Несомненно, с двумя указанными выше центрами связана генетически культура Кереш, а центр Сескло-Старчево-Кереш стал генетическим предком культуры линейно-ленточной керамики. С этой культурой новая, производящая экономика распространилась на огромные пространства Средней Европы — от Рейна на западе до Верхнего Днепра на востоке. Время

⁵⁹ Опубликовано предварительно в AS, VIII, 1958; IX, 1959; X, 1960; XI, 1961.

⁶⁰ С. Сооп. The story of man. New York, 1954, стр. 146.

⁶¹ Ср. E. F. Neustupný. Zur Entstehung der Kultur mit kannelierter Keramik. «Slovenská Archeologia», VII-2, 1959, стр. 260.

⁶² Вршник — культура Старчево III (?), поселок около Штипа: по Гейдельбергской лаборатории — 4915 ± 150 лет до н. э. Горня Тузла, округ Тузла — культура Старчево III: Grö-2059—4449 ± 75 лет до н. э. (H. Quitta. Zur Frage der älteren Bandkeramik in Mitteleuropa. PZ, XXXVII, 1960). Датировка культуры линейно-ленточной керамики доказывается целым рядом дат, в том числе — Вестеррегельн, округ Штасфурт: Grö-223—4250 ± 200 лет до н. э., и датировкой перехода от Винчи А к Винчи В, соответствующего переходу от культуры Кереш к культуре ранней Винчи, в которой появляются первые импортные, линейно-ленточные черепки, — 4010 ± 85 лет до н. э. Ср. H. T. Waterbolk. The 1959 Carbon-14 Symposium at Groningen. «Antiquity», XXXIV, № 133, 1960, стр. 15 и сл.

ее существования по С₁₄ — вторая половина V тысячелетия и рубеж V и IV тысячелетий до н. э.

Лишь позже (уже во времена второй дунайской культуры) лендельская культура или ее ответвления в Чехии и Моравии (моравская расписная и нерасписная керамика) дали начало образованию первой северной земледельческо-скотоводческой культуры — культуры воронковидных кубков, принеся на берега Балтийского моря новую форму экономики, эммер, однозернянку, карликовую мягкую пшеницу, голозерный ячмень, т. е. древнейшие злаки, культивировавшиеся в древнейшем центре возникновения земледелия, проделавшие столь большой путь со своей первоначальной родины и настолько изменившие свою экологию, что растения предгорий Ближнего Востока стали растениями равнин Северной Европы. Это произошло в начале суббореального периода или около середины IV тысячелетия до н. э. по С₁₄.

Распространение новых, прогрессивных методов экономики не обязательно связывать с расселением; оно могло осуществляться и путем влияния со стороны земледельцев, скотоводов и путем заимствования со стороны собирателей. Так оно распространялось всегда, когда бок о бок жили племена, стоящие на различных ступенях развития.

Классический и ясный пример — заимствование населением, оставившим культуру Эртебелле, хлебных злаков и домашних животных. С. Беккер, известный датский археолог, отмечает, что культура Эртебелле, несколько веков сохраняя характер охотничьей культуры, приобретает полированные орудия, культурные злаки, домашних животных и керамику⁶³.

* * *

Первое общественное разделение труда сделало возможным регулярный обмен. Во-первых, земледельческо-скотоводческие племена производили средства к жизни, качественно иные, чем племена собирателей, и, во-вторых, они могли производить этих средств больше, чем им было нужно для поддержания жизни. Этот излишек был еще мал, но уже его существование имело огромное значение.

Самым ранним предметом обмена на Ближнем Востоке был обсидиан. Он встречен уже в Джармо. По технологическим свойствам обсидиана можно установить, что он распространялся из нескольких центров.

Каждая группа простых производителей была экономически независимой от каких-либо соседей и теоретически могла существовать в полной изоляции. Тем не менее полная изоляция никогда не была реальна. Обмен осуществлялся и между соседними племенами, и этапным путем. На неолитическом поселении у Фаюмского озера есть раковины из Красного и Средиземного морей. В неолитической Европе прекрасные свидетельства обмена — браслеты из раковин *Spondylus Gaederoptus* в Юго-Восточной и Средней Европе, распространенные, главным образом, вдоль великого дунайского пути⁶⁴. Находки кладов заставляют думать, что велся обмен готовыми украшениями.

Племена — носители культуры воронковидных кубков разрабатывали залежи янтаря. В разных местах найдены клады, содержащие до 13 000 янтарных бусин⁶⁵.

⁶³ С. J. В е к к е r. The introduction of farming into Northern Europe. „Cahiers d'histoire mondiale“, II, № 4, 1955, стр. 749—769; е г о ж е. Probleme der neolithischen Kulturen in Nordeuropa von Anfang der Trichterbecherkultur bis zum Auftreten der Schnurkeramik. Symposium, consacré aux problèmes du Néolithique Européen, 1959, стр. 3—10.

⁶⁴ Г. К л а р к. Доисторическая Европа. М., 1953, карта на стр. 243, рис. 132.

⁶⁵ С. J. В е к к е r. The introduction..., стр. 759.

Еще Г. Коссина указывал на широкую область распространения орудий из полосатого галицийского кремня⁶⁶. Орудия из кремня, добываемого в Южной Дании, распространены вплоть до Северной Швеции⁶⁷.

Польские ученые составили карту распространения кремня из Кшеменок Опатовских⁶⁸.

Работа Энгельса показала, что первое общественное разделение труда создало условия, необходимые для второго крупного общественного разделения труда, для отделения ремесла от земледелия. Каждый член общества стал теперь производить продуктов больше, чем необходимо для поддержания его существования. Этот излишек позволил выделить специалистов, которые могли заниматься исключительно своим ремеслом и не участвовать в совместном добывании пищи остальными членами общества. «С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена,— товарное производство, а вместе с ним и торговля не только внутри племени и на его границах, но уже и заморская»,— писал Энгельс⁶⁹.

Лишь тогда, после второго общественного разделения, на высшей ступени варварства возникает город как качественно иная категория. Город определяется не величиной места, им занятого, не количеством его населения и не укреплениями. Многие неолитические и средневековые деревни в Европе и Азии имели стены, но это не делало их городами. Город характерен совершенно иным населением, чем в деревне. В нем основной элемент — не земледельцы, рыболовы и охотники, а профессиональные правители, должностные лица, духовенство, ремесленники и купцы, которые не добывают себе пищу, а живут на пище, добываемой для них земледельцами и скотоводами, главным образом, вне города. «Нет никакого засвидетельствованного примера общины дикарей, цивилизующейся, принимающей городскую жизнь или изобретающей письмо. Где бы города ни были построены, деревни дописменных крестьян существовали прежде. Таким образом, цивилизация где бы и когда бы она ни возникла, следовала за варварством»⁷⁰. Эти слова были написаны Чайлдом в 1950 г. в статье «Городская революция». Через 3—4 года после этого были открыты укрепленные поселения, объявленные городом, а их культура — цивилизацией, и эти города и их цивилизация оказались якобы созданными дикарями.

Между тем из всего сказанного выше ясно, что мы не можем вместе с К. Кеньон⁷¹ и М. Уилером⁷² считать поселения доисторического Иерихона А и В городом и даже зарождающимся городом, а культуру их обитателей — цивилизацией. Подобные утверждения ведут к отрицанию закономерности общественного развития. Недаром против них столь резко выступили такие крупные археологи, как Брейдвуд⁷³, Чайлд⁷⁴ и Вулли⁷⁵. «Цивилизация появилась как особое усиление культурной активности, возможности для которой создало эффективное производство пищи»⁷⁶.

Город как таковой начинает складываться в убедской культуре и ярко предстает в протописьменный период ок. 3400 г. до н. э. В это время гончарный круг уже вошел в употребление. Появились перевозочные средства (на колесах), изобиловали специальные ремесла. Здесь мы уже находимся

⁶⁶ G. Kossina. Meine Reise nach West- und Ostpreussen... «Mannus», IX, 1917, стр. 143—150.

⁶⁷ Г. Кларк. Указ. соч., карта на рис. 137, стр. 254; C. J. Becker. The introduction..., стр. 759.

⁶⁸ J. Kostrzewski. Pradzieje Polski. Poznań, 1949, карта стр. 41, рис. 10.

⁶⁹ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 169.

⁷⁰ «Town Planning Review», v. XXI, 1950, стр. 4.

⁷¹ К. Кеньон. Jericho and its setting...

⁷² M. Wheeler. Указ. соч., и в ответе Л. Вулли — „Antiquity“, № 120, 1956.

⁷³ R. J. Braidwood. Jericho and its setting..., стр. 73—80.

⁷⁴ V. G. Childe. Civilization, cities and towns. «Antiquity», № 121, 1957, стр. 36—38.

⁷⁵ L. Woolley. The first towns? «Antiquity», № 120, 1956, стр. 224, 225.

⁷⁶ R. J. Braidwood. Near Eastern prehistory, стр. 1419.

на рубеже цивилизации и видим такие ее признаки, как гончарный круг, приготовление растительного масла и вина, развитую обработку металлов, переходящую в художественное ремесло; здесь уж известны повозки и боевые колесницы, письменность, зачатки архитектуры как искусства и город с зубчатыми стенами и башнями, т. е. все те признаки, которые Энгельс считает характерными для этого периода ⁷⁷.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА В. С. ТИТОВА

А. Я. Брюсов отметил в своем выступлении, что доклад В. С. Титова показывает эрудированность автора, но страдает некоторым миграционизмом. А. Я. Брюсов продолжает считать керамику важнейшим признаком начала периода варварства и начала неолита. Он не может согласиться с существованием переднеазиатского очага происхождения древнейших культурных растений и домашних животных: по его мнению, дикая пшеница росла и в Европе (Швейцария), и в Европе жили дикие предки овец и коз. Он, вслед за Питтиони, считает, что процесс окультуривания растений потребовал тысячелетий и происходил раньше, чем процесс приручения животных.

Т. С. Пассек обратила внимание собравшихся на раннее появление неолитических земледельческо-скотоводческих племен на территории СССР, в частности на недавно открытую В. И. Даниленко южно-бугскую культуру. Определенные связи некоторых этапов этой культуры с Западом, в частности с культурой Кереш, достаточно хорошо определяет ее хронологическое положение. Т. С. Пассек полагает, что докладчику необходимо было бы больше уделить внимания вопросам социального и общественного развития племен, у которых происходило первое общественное разделение труда, на основе материалов планировки поселений и жилищ. Она подробнее остановилась на социально-экономической организации трипольских племен. В заключение Т. С. Пассек указала на вероятность того, что в различных областях развитие скотоводства и земледелия могло происходить по-разному.

Н. Я. Мерперт согласился с основными положениями доклада и подчеркнул соответствие их последним достижениям ближневосточной археологии. Ссылаясь на последние работы Брейдвуда, он указал, что наиболее вероятным районом происхождения земледелия является область «плодородного полумесяца», где процесс использования диких злаков и постепенный переход к их культивации ныне прослеживается в мезолитических и ранне-неолитических культурах. По мнению Н. Я. Мерперта, керамика ныне не может считаться решающим признаком начала неолита и перехода к новой исторической эпохе. Последние открытия в Иерихоне, на Кипре и на Балканах и выделение периода докерамического неолита с довольно высоким уровнем хозяйственного развития (культуры каменных чаш) достаточно четко освещают этот вопрос. Решает здесь переход к производящим отраслям экономики, а не наличие керамики. Она остается формальным и отнюдь не всеобщим признаком; керамика отсутствует в некоторых культурах и значительно более поздних эпох (например, в средневековой Скандинавии, где сосуды делались из мыльного камня). Н. Я. Мерперт, возражая А. Я. Брюсову, подчеркивает, что при выявлении основных предпосылок, обусловивших переход к новой исторической эпохе, следует иметь в виду не отдельные исключения и отклонения от основного пути развития, а сам этот путь и определившие его явления.

В. С. Титов, выступивший в конце заседания, заявил о невозможности согласиться с положениями, высказанными в выступлении А. Я. Брюсова. Ни у ячменя, ни у пшеницы нет диких предков в Европе

⁷⁷ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 25.

(исключая однозернянку на Балканах); дикие козы и овцы, судя по имеющимся данным, не жили в континентальной Европе в постплиоцене и голоцене, а находки пыльцы пшеницы в относительно древних горизонтах болот Средней Европы говорят лишь о раннем появлении здесь культурной пшеницы. Далее В. С. Титов указал, что при разработке принципов периодизации следует обращаться прежде всего к областям передовым и типичным в данный период, а не к тем, которые отстают в своем развитии (как, например, пережиточный лесной неолит Восточной Европы).

Что касается планировки поселений и архитектуры жилищ как источника для восстановления социально-экономического строя, то следует учесть, что поселения рассматриваемого времени лежат в глубине теллей, и когда раскопки доходят до них, остаются лишь небольшие по площади участки, не позволяющие судить о планировке поселений. Но можно сказать, что очень рано, уже в культуре Хассуна складывается типичный переднеазиатский и средиземноморский тип дома с внутренним двориком и комнатами вокруг него.

Ю. С. Гришин.

А. А. ФОРМОВ

О ХОЗЯЙСТВЕ ПЛЕМЕН МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПРИКУБАНЬЯ

Характеристика майкопской культуры в течение длительного времени строилась только на материалах погребений. Они позволили исследователям судить о погребальном обряде и культурных связях, о медных орудиях и керамике племен майкопской культуры, но не дали почти ничего для понимания особенностей их хозяйства. Орудия земледелия обычно не входили в состав погребального инвентаря. Единственный раз в майкопском погребении у с. Старый Лескен в Кабардино-Балкарии были обнаружены кремневые вкладыши серпа¹. Кости животных, если они и встречались в погребениях, при раскопках Н. И. Веселовского не были собраны и определены.

Мало нового дали также раскопки первых двух майкопских поселений. На Долинском поселении близ Нальчика найдены кремневые вкладыши серпов и зернотерки, но костные остатки в культурном слое сохранились очень плохо; встречено всего несколько костей крупного рогатого скота. Как ни странно, исследователи Долинского, отмечавшие плохую сохранность кости на стоянке, сделали из этого вывод, что животноводство в хозяйстве поселения играло небольшую роль². Мало убедительны и выводы Л. Н. Соловьева о хозяйстве обитателей Воронцовской пещеры близ Адлера. Костные остатки со стоянки не были определены. Тем не менее Л. Н. Соловьев писал о поселении сперва, что «основным занятием его обитателей была охота», а далее, — что у насельников пещеры уже «стал практиковаться отгон скота на лето в горы»³.

Из-за недостатка конкретных данных в обобщающей археологической литературе появились противоречивые заключения о хозяйственной базе, обусловившей высокий уровень развития майкопской культуры. Делались они или на основании косвенных данных, или путем переноса на майкопскую культуру сведений о хозяйстве в других энеолитических культурах.

Первое заключение, которое мы находим в литературе, сводится к признанию «значительной роли» охоты в хозяйстве населения майкопской культуры. «Охота занимала еще значительное место в хозяйстве, о чем свидетельствуют неоднократно находимые кремневые наконечники стрел

¹ Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинскую АССР. Ученые записки Кабардинского научно-исслед. института, т. IV, Нальчик, 1948, стр. 282—290, рис. 4.

² А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 192.

³ Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. Труды Абхазского института языка, литературы и истории, вып. XXIX, Сухуми, 1958, стр. 144.

(Майкопский курган, дольменные погребения ст. Новосвободной)»⁴. — пишет Н. В. Анфимов. По словам Е. И. Крупнова, «основой хозяйства племен майкопской культуры теперь стали земледелие и скотоводство при значительной роли охоты»⁵.

Второе заключение повторяет вывод А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого о малой роли животноводства в майкопском хозяйстве и определяющем значении земледелия. «В период энеолита мотыжное земледелие являлось главным занятием населения Северо-Западного Кавказа», — говорит Л. И. Лавров⁶.

Другие авторы, напротив, писали о «скотоводческом хозяйстве» в майкопской культуре⁷. Б. А. Латынин еще более конкретизировал это положение: «Майкопская культура... северная периферия древней кавказо-малоазийской культурно-исторической области, где отгонное на горные пастбища скотоводство еще в эпоху ранней бронзы получило ведущее значение в хозяйстве»⁸.

Проверка правильности этих положений стала возможной после раскопок майкопских поселений в верховьях р. Белой (т. е. в ближайших окрестностях Майкопа и Новосвободной), проведенных в 1958—1960 гг. Кубанской экспедицией Государственного Эрмитажа (начальник экспедиции — А. Д. Столяр) и Кубанским отрядом Северокавказской экспедиции Института археологии АН СССР (начальник отряда — А. А. Формозов).

Близ станицы Каменноостской исследованы три поселения — Мешоко, Скала и Хаджох⁹. На всех трех стоянках найдены гранитные и песчаниковые зернотерки. Особенно много их на стоянке Скала. В Мешоко найдены три, а в Скале — один кремневый вкладыш серпа. Много богаче материалы о животноводстве. Костные остатки сохранились на двух памятниках — Мешоко и Хаджох, причем в Мешоко их огромное количество: коллекция, собранная здесь только в 1958—1959 гг., включает 16 487 костей животных. Определение их Е. Л. Дмитриевой (при консультации В. И. Громовой) дало ценнейший материал для изучения хозяйства племени майкопской культуры.

Поселения Мешоко и Хаджох одновременны. В Мешоко — долговременном поселении с полутора-двухметровым культурным слоем найдено очень большое число каменных орудий, главным образом, плоских треугольных шлифованных топоров. Совершенно такой же топор входит в комплекс Майкопского кургана. В Мешоко и Майкопском кургане найдены и полностью сходные кремневые сегменты. Очень близка керамике Майкопского кургана тонкостенная лощеная неорнаментированная керамика из нижних слоев Мешоко. В этих слоях изредка встречается и керамика с рельефным криволинейным орнаментом (концентрические круги и т. д.), отражающим, видимо, влияние закавказского энеолита. В нижних слоях обнаружено также несколько сотен обломков каменных браслетов. В верхних слоях мы находим более толстостенную и обычно nelloщеную керамику с орнаментом в виде «жемчужника», аналогичным орнаменту на сосудах

⁴ „Очерки истории Адыгеи“, т. 1, Майкоп, 1957, стр. 21.

⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 67.

⁶ Л. И. Лавров. Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII века. Материалы по истории земледелия СССР. Сб. 1, М., 1952, стр. 222.

⁷ «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства». М., 1956, стр. 77.

⁸ Б. А. Латынин. Вопросы изучения майкопской культуры. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1959 год. Л., 1960, стр. 4.

⁹ А. Д. Столяр и А. А. Формозов. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае. СА, 1960, № 2; А. Д. Столяр. Мешоко — поселение майкопской культуры. Сб. материалов по археологии Адыгеи, т. II, Майкоп, 1961; А. А. Формозов. Археологические исследования пещер в верховьях р. Белой. В том же сборнике.

из Новосвободной. Каменных браслетов в этих слоях мало; здесь встречаются отсутствовавшие в более древних слоях капли меди.

Стоянка Хаджох содержит близкую описанной выше керамику с «жемчужным» орнаментом, однако относится не к одной эпохе с верхними слоями Мешоко, а к еще более позднему времени. Керамика Хаджох большей частью лощеная, а кремневые орудия и каменные браслеты вместе с ней не встречаются. Найден зато медный нож. Несколько сосудов из Хаджох аналогичны до тождества крупным бомбовидным сосудам из Новосвободной.

Можно синхронизировать Хаджох с Новосвободной, нижний слой Мешоко — с Майкопским курганом, а верхний слой Мешоко и близкую по материалу стоянку Скала относить к промежуточному времени.

Исследование костных остатков со стоянки Мешоко показало, что 89% костей принадлежит домашним животным и 7% — диким; 4% костей не могут быть с уверенностью отнесены к диким или домашним формам. Это, главным образом, остатки свиньи. Число костей домашней свиньи очень велико, а костей кабана — незначительно, поэтому, вероятно, большая часть не определенных точнее костей свиньи отойдет к домашним формам, и процент костей домашних животных еще повысится. Мы получили, таким образом, свидетельство малой роли охоты в хозяйстве поселения, особенно убедительное потому, что поселение находится в лесном районе, близ Кавказского заповедника, где и сейчас в изобилии водятся олени, косули и медведи. Состав дикой фауны Мешоко: кабан, сайга, косуля, благородный олень, медведь, лиса, лесная кошка, заяц, куница, барсук. За исключением сайги (которая, однако, может заходить в окраинные участки леса)¹⁰, все это лесные виды, указывающие на то, что естественно-географическое окружение стоянки мало отличалось от современного.

При раскопках стоянки Хаджох собрана значительно меньшая коллекция костей, но и в ней видно резкое преобладание костей домашних животных над костями диких. Здесь представлены олень, кабан, косуля, медведь, волк, гусь и утка.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что роль охоты в хозяйстве племен майкопской культуры, даже на ранних ее этапах, была невелика, а животноводство было уже развитым. Ошибочным представляется заключение Е. И. Крупинова, что в середине III тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе появились только «зачатки скотоводства»¹¹. Очевидно, не только в майкопской культуре, но и в более раннее неолитическое время животноводство имело в хозяйстве обитателей Северного Кавказа уже очень большое значение.

Попутно отметим, что данные о рыболовстве в наших материалах совсем скудны. На стоянке Мешоко найдены три костяных рыболовных крючка и одна кость крупной рыбы.

Коллекция фауны Мешоко дает представление и о составе стада: 50% костных остатков принадлежит свинье, 36% — корове, 14% — мелкому рогатому скоту и доли процента — собаке. Такое соотношение исключает возможность отгонного скотоводства, о котором писали Б. А. Латынин и Л. Н. Соловьев. Перед нами — состав стада с очень характерным для ранних энеолитических памятников преобладанием крупного рогатого скота и свиньи, незначительным числом мелкого рогатого скота и полным отсутствием лошади.

То же соотношение мы найдем и в поселениях Черноморского побережья. В Очамчире, по определениям В. И. Громова, больше всего найдено остатков коровы, меньше — свиньи и «совсем ничтожное» число костей

¹⁰ И. Г. Пидопличко. О ледниковом периоде. Вып. 2. Киев, 1951, стр. 66.

¹¹ Е. И. Крупинов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 37.

козы и овцы¹². На поселении Анаклия в устье Ингура, по определениям Н. К. Верещагина, обнаружено 258 костей быка, 103 кости свиньи и 47 костей козы¹³.

Близкие данные известны для памятников конца IV—III тысячелетий до н. э. в Приднестровье. На поселении Флорешти в Молдавии в слое культуры Боян найдены остатки 36 особей быка, 17 особей свиньи и всего 2 особи мелкого рогатого скота. В слое культуры линейно-ленточной керамики того же поселения представлены остатки 100 особей быка, 5 особей свиньи и 2 особи мелкого рогатого скота (определения В. И. Цалкина)¹⁴. На раннетрипольском поселении Лука-Врублевская на Днестре состав фауны особенно близок фауне Мешоко. По данным В. И. Бибиковой, 49% костей принадлежит свинье, 22% — быку, 17% — козе и 2% — овце¹⁵. То же соотношение костей разных видов домашних животных характерно для трипольского поселения Кринички¹⁶. Мало остатков мелкого рогатого скота и на трипольских стоянках Колодистое, Сабатиновка II, Петрены¹⁷.

Сходен состав стада поселения Мешоко и слоев эпохи неолита и бронзы в пещере Таш-Аир I в Крыму. В неолитическом слое этой пещеры найдены 193 кости свиньи, 23 кости быка и всего 1 кость мелкого рогатого скота, а в слое эпохи бронзы — 65 костей свиньи, 35 костей быка и 4 кости овцы¹⁸.

По свидетельству Г. Кларка, в Англии «на всех неолитических местонахождениях кости овцы встречаются редко или совсем отсутствуют, а свинья занимает второе место, уступая в численности только крупному рогатому скоту»¹⁹. Аналогичные данные приводятся Г. Кларком и для поселений Дании и Швейцарии; он отмечает, что с конца эпохи бронзы картина меняется, и в списках фауны стоянок второе место после крупного рогатого скота занимает овца, а свинья оттесняется на одно из последних мест. По мнению Г. Кларка, это связано с изменением естественно-географической среды на протяжении периода неолита и бронзы. Подобно зубрам и диким свиньям, их домашние потомки паслись в широколиственных и смешанных лесах и зависели от лесных ресурсов. Напротив, для мелкого рогатого скота лесной ландшафт был менее благоприятен, чем для свиней и коров. Г. Кларк полагает, что уничтожение лесов в процессе освоения новых и новых сельскохозяйственных участков вызвало перестройку скотоводческого хозяйства в эпоху бронзы. Освобожденные от леса пространства стали пастбищем для овец, а стада свиней сократились.

Отмеченная Г. Кларком тенденция в изменении состава стада прослеживается и по материалам раскопок в СССР. В частности, для Закавказья Б. Б. Пиотровский также пишет об увеличении роли мелкого рогатого скота на протяжении времени от энеолита до эпохи железа²⁰.

Необходимо, однако, учитывать, что в степных и полупустынных районах, где всегда были благоприятные условия для выпаса мелкого рогатого

¹² Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии. Труды Абхазского института истории, языка и литературы, вып. XV, Сухуми, 1939, стр. 92.

¹³ Н. К. Верещагин. Млекопитающие Кавказа. М.—Л., 1959, стр. 210.

¹⁴ Т. С. Пасек. Новые открытия на территории СССР и вопросы позднего неолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья. СА, 1958, № 1, стр. 43, 44.

¹⁵ В. И. Бибикова. Фауна раннетрипольского поселения Лука-Врублевская. МИА, № 38, 1953, табл. 1.

¹⁶ Там же, табл. 17.

¹⁷ Там же, стр. 444.

¹⁸ Е. Л. Дмитриева. Фауна крымских стоянок Замиль-Коба II и Таш-Аир I. МИА, № 91, 1960, табл. 2.

¹⁹ Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 124. См. также G. Clark. Sheep and swine in the husbandry of prehistoric Europe. «Antiquity», N 83, 1947, стр. 122—136.

²⁰ Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955, стр. 6—12.

скота и неблагоприятные для содержания свиней, уже в III тысячелетии до н. э. соотношение в стаде этих двух видов животных было иным, чем в лесных районах Поднестровья и Кавказа. Так, на поселении Михайловка на Днестре 59% костей принадлежит быку, 29% — мелкому рогатому скоту и только 0,5% — свинье²¹. Преобладание мелкого рогатого скота над крупным характерно для поселений культуры Анау²². В безлесных районах Западной Европы (Бретань, Оркнейские острова) на поселениях III тысячелетия до н. э. также встречается много костей мелкого рогатого скота и небольшое количество костей свиньи²³.

В тех районах Кавказа, где существовали более аридные условия, состав стада не мог быть таким же, как в лиственных лесах Западного Кавказа с обилием дубов и фруктовых деревьев. Если в лесах Западного Кавказа были благоприятные условия для разведения свиней, то в Дагестане открытые горные склоны были более пригодны для развития овцеводства. И на Каякентском, и на Джемикентском поселениях в Дагестане найдено большое число костей мелкого рогатого скота: в Джемикенте — 129 костей крупного рогатого скота и 458 мелкого²⁴. Преобладание костей мелкого рогатого скота отмечено и на энеолитическом поселении Элар в Армении²⁵. Таким образом, состав стада майкопского поселения Мешоко характеризует не просто ранний тип скотоводства, а скотоводство района, богатого лиственными лесами, благоприятного для содержания свиней и крупного рогатого скота и менее выгодного для развития овцеводства.

Очень интересно, что на позднемайкопской стоянке Хаджох соотношение видов домашних животных уже другое. Правда, коллекция фауны из Хаджоха неизмеримо меньше, чем из Мешоко, но все же вряд ли полученные цифры случайны. В Хаджохе найдено 38 костей быка, 108 костей мелкого рогатого скота, 83 кости свиньи и 5 костей собаки. Видимо, в майкопской культуре происходил тот же процесс увеличения численности мелкого рогатого скота и уменьшения роли свиноводства, который Г. Кларк отмечал для Западной Европы, а Б. Б. Пиотровский — для Закавказья.

Можно ли связывать этот процесс с вырубкой лесов майкопскими земледельцами? Нам представляется это рискованным. Ведь и сейчас исследованные поселения находятся в лесном районе. Для Армении есть некоторые данные о былой облесенности²⁶, и рост значения мелкого рогатого скота в стаде можно считать следствием уничтожения лесов земледельцами, но для майкопской культуры вероятнее говорить о другом. Мы знаем, что овца, дикие предки которой неизвестны на территории СССР, одомашнена относительно поздно. Весьма вероятно, что население Северного Кавказа позже познакомилось с овцеводством, чем с разведением коров и свиней, одомашненных еще в неолите, возможно, и на месте. Поэтому увеличение численности мелкого рогатого скота падает уже на конец майкопской культуры. Население Северного Кавказа могло заимствовать опыт развития овцеводства в более южных закавказских районах. Не исключено, что для конца майкопской культуры отгонное скотоводство, действительно, начало складываться, но отгон осуществлялся, скорее, не на горные пастбища, а в степные районы Прикубанья. На то, что степные участки были недалеко от исследованных поселений, указывает находка в Мешоко костей сайги.

²¹ А. И. Шевченко. Фауна поселения эпохи бронзы в с. Михайловка. КСИА, вып. 7, Киев, 1957, стр. 37.

²² В. М. Массон. Древнеземледельческие племена Южной Туркмении и их связи с Ираном и Индией. ВДИ, 1957, № 1, стр. 35.

²³ Г. Кларк. Указ. соч., стр. 128.

²⁴ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 36.

²⁵ Е. А. Байбуртян. Псевдонеолитические поселения Армении. ПИМК, № 1-2 1933, стр. 40.

²⁶ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 72, 73.

Подведя итоги анализу коллекций фауны из Мешоко и Хаджоха, мы можем сказать, что роль животноводства в хозяйстве носителей майкопской культуры явно недооценивалась. Сейчас исследователи энеолитической трипольской культуры, синхронной майкопской, склонны изменить оценку ей хозяйства, подчеркивая, что наряду с земледелием животноводство играло большую роль²⁷. Между тем материалы о земледелии Триполья гораздо обширнее. В сущности для суждения о земледелии майкопской культуры мы располагаем только несколькими кремневыми вкладышами серпов (в Закавказье их найдены сотни)²⁸ и несколькими десятками зернотерок; косвенным указанием служит большое число находок каменных топоров в Мешоко, Скале и Воронцовской пещере, употреблявшихся, вероятно, для расчистки полей от леса. Ни каменные, ни костяные мотыги пока не найдены. Г. Кларк пишет, что земледелие бывает «представлено в археологическом материале значительно полнее, чем пастушеское хозяйство, вследствие чего роль его, если судить по одним археологическим данным, может быть переоценена»²⁹. При тех небольших материалах о земледелии, которые известны для майкопской культуры, и при богатстве данных о животноводстве особенно сомнительным кажется утверждение о господстве мотыжного земледелия в хозяйстве энеолита Северного Кавказа.

Итак, материалы майкопских поселений Прикубанья опровергают мнение о крупной роли охоты в хозяйстве племен майкопской культуры, показывают, что роль животноводства была велика, что на ранних этапах этой культуры животноводство не могло быть отгонным и на протяжении времени происходила та же смена состава стада, которая наблюдается и во многих других районах³⁰.

²⁷ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. МИА, № 38, 1953, стр. 190.

²⁸ Так, на поселении куро-араксинского типа Квацхелеби на площади меньшей, чем в Мешоко, А. И. Джавахишвили и Л. И. Глonti нашли более 100 вкладышей.

²⁹ Г. Кларк. Указ. соч., стр. 123.

³⁰ В 1961 г. автор исследовал пещеру в 6 км. от Каменноостской. Костные остатки из майкопского слоя, синхронного стоянке Хаджох, принадлежат главным образом мелкому рогатому скоту. Наблюдения, сделанные в Хаджохе, следовательно, подтверждаются.

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Я. МЕРПЕРТ

РАСКОПКИ СЕРЖЕН-ЮРТОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В 1960 ГОДУ

Летом 1960 г. отряд Северокавказской экспедиции¹ продолжил исследования древнего поселения у с. Сержен-Юрт, Шалинского района, Чечено-Ингушской АССР. Поселение это было открыто в послевоенные годы местным краеведом М. П. Севостьяновым². В 1959 г. отряд Северокавказской археологической экспедиции, руководимый Р. М. Мунчаевым, провел первые раскопки поселения, вскрыв 140 кв. м в юго-западной его части. Уже во время этих работ собран разнообразный, яркий материал, относящийся в основном к переходному периоду от бронзового к раннему железному веку.

Для изучения этого важнейшего периода в древней истории Северного Кавказа бытовые памятники особенно важны. Они должны дать материал, необходимый для освещения значительнейших экономических и культурных явлений на грани двух эпох. Между тем поселения этого времени исследовались на Северном Кавказе еще недостаточно. Работы в большинстве ограничивались сборами материала на поверхности или сравнительно небольшими раскопками. И только в двух случаях можно говорить о широких раскопках, позволивших осветить многие стороны жизни древних поселений и давших обильный материал, принципиально важный для суждения о культурах позднего бронзового и раннего железного веков в центральной части Северного Кавказа. Я имею в виду исследования Алхастинского³ и Змейского⁴ поселений.

При изучении культуры указанных периодов во всем ее многообразии прежде всего встает вопрос о выделении локальных вариантов. И совершенно закономерно, что первые же раскопки Сержен-Юртовского поселения дали материал, обладающий и сходством с материалами Змейского и Алхастинского поселений, и несомненными отличиями от них. Это определило необходимость продолжения исследований памятника и проведения широких раскопок его.

Сержен-Юртовское поселение расположено к северу от села, на высоком холме с чрезвычайно крутыми склонами. Форма его овальная, вытя-

¹ Руководитель отряда — Н. Я. Мерперт, начальник экспедиции — Е. И. Крупнов.

² Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 164.

³ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Труды ГИМ, т. XII, М., 1941; его же. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. Труды ГИМ, т. XVII, М., 1949.

⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 148 и сл.

нутая с юго-запада на северо-восток; размеры площадки — около 125×63 м. Холм в среднем на 9 м возвышается над небольшим плато, которое в свою очередь на 6 м превышает уровень равнины, вклинивающейся здесь в предгорные районы. К югу и западу от поселения — пологие склоны отрога с рядом террас, на которых в 1959 г. Р. М. Мунчаевым обнаружены культурные слои с материалом, идентичным материалам поселения.

В 1960 г. для раскопок была избрана площадь, непосредственно примыкающая к раскопу 1959 г., чтобы полнее выявить культурный слой на юго-западном участке поселения. Здесь сплошной площадью вскрыто свыше 600 кв. м; вместе с раскопом 1959 г. раскрытая площадь культурного слоя приближается к 800 кв. м. Таким образом, исследуемая часть Сержен-Юртовского поселения уже сейчас превышает площадь Змейского (около 750 кв. м)⁵ и вскрытую часть Алхастинского поселений (400 кв. м)⁶.

Толщина культурного слоя на исследованном участке — около 0,8 м. В верхней части он перемешан неоднократно запашкой. До глубины 0,4 м культурный слой темный, серо-коричневый, влажный, с большими пятнами перегноя. Здесь насыщенность находками наиболее велика. Вначале находки, естественно, измельчены, но уже с глубины 0,2—0,4 м измельченность минимальна; нередко встречались крупные фрагменты горшков и даже почти полностью сохранившиеся сосуды. Особо следует отметить сравнительно частые находки металлических, каменных и костяных изделий. До глубины 0,4 м обнаружены многочисленные скопления угля и золы, иногда занимающие обширную площадь. Кроме того, с глубины 0,2—0,4 м и ниже до конца культурного слоя, на некоторых участках встречены завалы камней и обожженных глиняных блоков. Однако лишь в очень немногих случаях удалось зафиксировать правильное расположение строительных остатков. Почти всегда они беспорядочно разбросаны и прорезаны многочисленными ямами.

Пласты на глубине 0,4—0,8 м несколько отличаются от первых двух по цвету, характеру и насыщенности и составляют как бы второй, нижний слой поселения. Он глинистый, коричневый, плотный; насыщенность находками незначительна, особенно в нижней части, где обнаружены лишь единичные втопанные находки. Однако никакой стерильной прослойки между слоями нет; нет и четкого различия между находками — они одинаковы, а вернее, в равной мере перемешаны. Поэтому выделить последовательные напластования на поселении и наметить этапы его жизни на основании «вертикальной стратиграфии» невозможно (во всяком случае, на исследованном до сего времени участке).

Перемешанность культурного слоя связана с большим числом ям-хранилищ, сооруженных в период существования поселения и заполненных впоследствии оплывшим культурным слоем. Ямы буквально покрывают весь участок. Они составляют наиболее характерную черту его и, вероятно, поселения в целом.

В 1960 г. открыто 47 таких ям. Формы и размеры их различны; устья круглые, овальные и даже прямоугольные. Некоторые ямы — цилиндрической формы, неглубокие (до 0,5 м), лишены какой-либо специальной обкладки дна и стенок; другие же — более характерные и более многочисленные — крупнее и сложнее по устройству. Они — грушевидной формы, заметно расширяются ко дну, достигая диаметра 2—2,5 м (у дна) и глубины 2 м (от устья). Иногда у ям есть своего рода дромосы с одной или несколькими входными ступенями. Стенки в некоторых случаях тщательно выглажены специальным тесловидным инструментом, следы которого в виде вертикальных каннелюр шириной до 5 см прослеживаются достаточно

⁵ Е. И. Курпнов. Древняя история..., стр. 149, рис. 14.

⁶ Там же, стр. 156.

четко. В других случаях стены ям покрыты слоем глиняной обмазки или обложены кусками глиняных блоков, а у дна укреплены крупными камнями. Само дно тоже покрывалось толстым слоем глиняной обмазки, тщательно заглаженной, а иногда и обожженной. Никаких следов каменных закладов ям не обнаружено; вместе с тем многочисленные куски перегнившего дерева и угольные пятна в нижней части заполнения ям позволяют предполагать деревянные перекрытия. Устья ям находились во всех случаях примерно на одном уровне, на глубине 0,4 м. Таким образом, сооружение их совпадает с началом процесса наиболее активного накопления культурного слоя на поселении. При этом нижняя часть культурного слоя (0,4—0,8 м) оказывается прорезанной ямами, что позволяет говорить о периоде существования поселения, предшествовавшем сооружению ям.

Находки свидетельствуют о функциональных различиях между отдельными ямами. Некоторые из них, несомненно, служили для хранения мясных продуктов: в них найдены большие скопления костей домашних животных, иногда лежавших в правильном анатомическом порядке (остатки разрубленных туш). В одной из ям остатки туш лежали на специальных ступенях, покрытых плоскими каменными плитами. В других ямах обмазка стен и дна заставляет рассматривать их как зернохранилища. В некоторых ямах расчищены сплошные завалы керамики (в том числе — целых сосудов). Вообще же находки в ямах многочисленны и разнообразны: здесь и ожерелье из плоских перламутровых подвесок, и бронзовые изделия (стрелы, ножи, привески, перстень с двумя спиралями по концам, поясные бляхи), и костяные проколки, и роговые мотыги, мундштуки для удил, наверхия, и глиняные статуэтки, льячки, миниатюрные сосудики, и кремневые изделия, заготовки кремня и т. п.

Все эти вещи попали в ямы из разных частей культурного слоя: из нижних пластов — при сооружении ям, из верхних — в период функционирования, при дальнейших обвалах стенок, после окончания жизни на поселении. Поэтому заполнение ям так же перемешано, как и культурный слой между ними, причем при исследовании структуры последнего необходимо учитывать и выкиды из самих ям. В результате их сооружения вещи из нижнего слоя были выброшены вверх и перемешивались с вещами более позднего периода. Подчеркнем, что 47 ям, обнаруженных в 1960 г., занимали не менее трети всей вскрытой площади, а связанные с ними перекопы и выкиды охватывали практически весь исследованный участок. Все это обусловило перемешанность культурного слоя и очень затрудняло стратиграфические наблюдения при раскопках. Но, к счастью, на одном из участков раскопа все же удалось с определенной четкостью выявить членение культурного слоя и отделить основную — верхнюю — его часть, связанную с ямами и синхронную им, от более древней части, предшествовавшей периоду сооружения ям.

У самого юго-западного края поселения, на наиболее высоком участке холма, открыты остатки оригинальной и интересной постройки (рис. 1). Это пятиугольник со стороной примерно в 4 м. Основания стен были сложены из обожженных глиняных блоков, причем и форма блоков, и конструкция в целом очень необычны. Блоки сделаны из плохо перемешанной, комковатой глины с заметной растительной примесью (солома?); обожжены они слабо. Уложены блоки в два ряда по толщине стены. Основанием для них послужила полоса глины, обрамлявшая котлован, прорезавший тонкий почвенный слой и доходящий до материка. Очевидно, в качестве материала для этой полосы использовался глинистый выкид из котлована. Блоки каждого ряда имели свою форму. Внутренний ряд состоял из блоков, напоминающих желобчатые античные калиптеры (40 × 30 × 10 см). Одна сторона этого желоба была опущена вниз и перекрыла край подстилающей глиняной полосы, другая — обрезана ближе к перегибу; она примыкала к центральному ряду, который состоял из плоских прямоугольных блоков

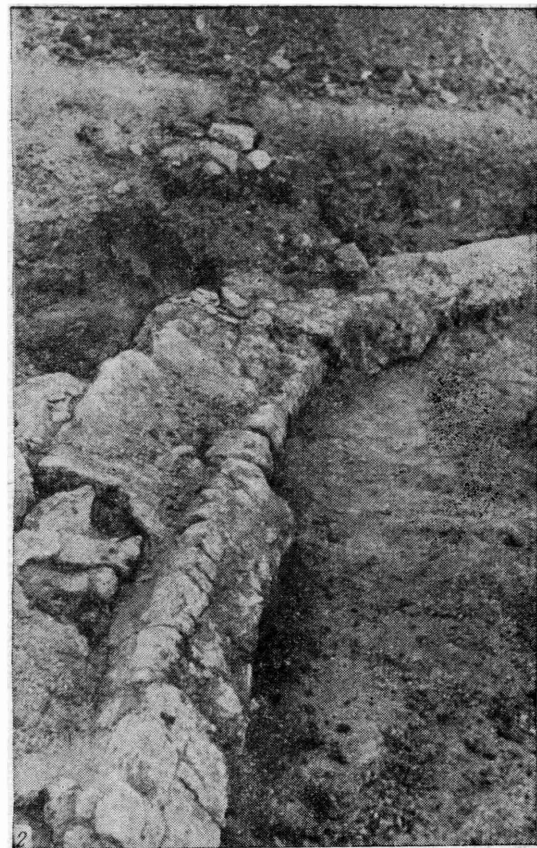
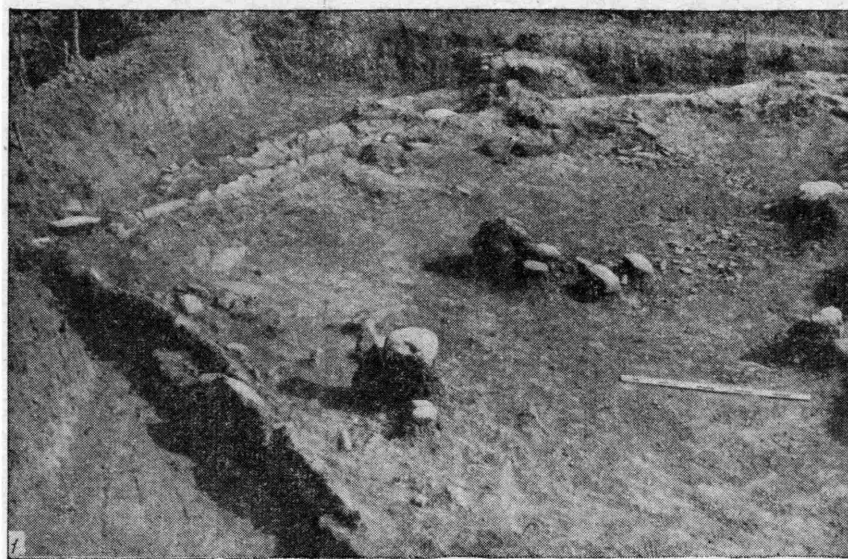

Рис. 1. Поселение Сержен-Юрт. Расчистка нижней части культурного слоя.

1 — общий вид остатков здания; 2 — глиняные блоки стены.

(40 × 30 × 8 см), снабженных на внутренней поверхности продольным ребром, усиливавшим крепление блока на глиняном основании стены. Наконец, блоки внешнего ряда в разрезе близки прямоугольному треугольнику. Короткий катет примыкал к краю блока центрального ряда и несколько выступал над ним. Весьма возможно, что с внешней стороны основание стены укреплялось также продольными бревнами: следы обгоревших бревен отмечались неоднократно.

Основания стен здания (которые лишь условно можно назвать фундаментом) по углам были укреплены дополнительной системой блоков и выкладками из больших камней, причем на двух углах среди камней лежали зернотерки. Сами стены также были сложены из глиняных блоков, развал которых расчищен по обе стороны от «фундамента». Открытая внутри здания перегородка была глинобитной, основу же ее составлял ряд вертикальных столбов.

Полом здания служила материковая глина, покрытая слоем мелкой гальки. В центре постройки и у стен ее открыты очаги, окруженные вертикально вкопанными плоскими камнями. Зольно-угольный слой очагов придает темную окраску почти всему полу здания. Вблизи очагов обнаружены большие завалы керамики, среди которой следует отметить фрагменты красноглиняных, хорошо обожженных сосудов с «пачкающим черепком», абсолютно нехарактерных для основной — верхней — части культурного слоя. Возник вопрос о соотношении открытого сооружения с основным культурным слоем и ямами-хранилищами. Его удалось в какой-то мере разрешить после расчистки пола зданий и вскрытия завалов стен.

В ходе расчистки обратили на себя внимание следы нарушения «фундамента» и отсутствие некоторых участков стен, части внутренней перегородки и всего юго-восточного угла здания. Оказалось, что все эти нарушения связаны с ямами, сооруженными на месте дома; часть их разрушила стены, перегородку и т. д. Это, безусловно, свидетельствует о том, что ямы вырыты после того, как здание прекратило существование и было разрушено. Возможно, что два периода в жизни поселения — «период здания» и «период ям» — разделялись весьма значительным промежутком времени. Во всяком случае, для «создателей ям» здание было уже своего рода археологическим объектом; остатки его были перекрыты землей. Иначе трудно объяснить сооружение ям на крайне неудобных и трудоемких участках — на месте угла здания, над прочными конструкциями и т. п. Характерен и другой факт; линии стен в верхней части культурного слоя не прослеживаются; строительные остатки представлены здесь отдельными пятнами и беспорядочными скоплениями, очевидно, в результате выброса из ям. Следовательно, верхняя часть культурного слоя наслаивалась на уже нивелированные временем остатки здания.

На участке здания стратиграфические наблюдения были наиболее полными. Они подтверждены данными (правда, более отрывочными и менее четкими), полученными и на других участках. Восточнее здания открыт угол другого дома, как бы обрезанный рядом ям. В некоторых случаях расчищены завалы строительных остатков между ямами и у их краев. В стенках отдельных ям отмечены остатки сооружений из глиняных блоков, прорезанных при рытье. Наконец, некоторые дополнительные данные получены в результате наблюдения за распределением находок по площади раскопа; наиболее архаичные вещи концентрировались близ ям, из которых они выброшены при перекопах.

Все это свидетельствует о длительности жизни поселения, о возможности выделения двух периодов его существования, что подтверждается и анализом находок. Уже с самого начала раскопок бросалось в глаза незаконное сочетание столь разнородных элементов, как железные серпы и кремневые вкладыши серпов; бронзовое тесло, характерное для начала I тысячелетия до н. э., и грубые каменные тесла, распространенные в энео-

лите и начале бронзового века; развитые формы двушипных бронзовых стрел с длинным черенком и архаичные кремневые наконечники в виде треугольника с вогнутым основанием и т. п. Стратиграфические данные внесли ясность в этот вопрос и позволили отделить находки основной части культурного слоя, связанной с созданием ям, от более ранних вещей, синхронных постройке из глиняных блоков.

Из немногочисленных находок нижнего слоя укажу прежде всего на обломки красноглиняных сосудов, которые по форме, качеству глины, обжигу и оформлению поверхности заметно выделяются из основной массы керамики поселения. Это грушевидные горшки с мягким перегибом тулова и уплощенным дном; поверхность их шероховатая, красная или красно-бурая, обжиг ровный, черепок пачкающий. Черепки таких сосудов, а также красноглиняных остродонных мисок с налетами встречались, главным образом, на территории здания, в нижних пластах.

К нижнему же слою должны быть отнесены многочисленные кремневые вкладыши серпов, с зубчатым рабочим краем (рис. 2—1—8), архаичные кремневые ножи, каменные зернотерки, найденные во вторичном использовании среди остатков здания и в ямах, и шаровидные наконечники булав из эмеевика (рис. 2—9), один из которых явно не закончен производством: сверлина его не доведена до конца⁷.

Вопрос о дате первого периода жизни поселения требует тщательной разработки. Предварительно же можно высказать самые общие соображения. Конструкция постройки оригинальна и не находит прямых аналогий ни на Кавказе, ни на Ближнем Востоке. Однако отсутствие котлована для основания стен и закрепление нижних блоков на обрамлявшей внутренней котлован полосе глины могут быть учтены как архаичный признак. Для красноглиняных сосудов с «пачкающим черепком» есть достаточно близкие аналоги среди керамики энеолита и раннего бронзового века Северного Кавказа (например, среди находок в культурных слоях Долинского и Лугового поселений, а также в Бамутских курганах, исследованных Р. М. Мунчаевым). Треугольные наконечники стрел с выемчатым основанием, остроконечники, массивное тесло с односторонне отесанным рабочим краем и перехватом у обуха, разнообразные вкладыши с прямым и с зубчатым рабочим краем — все эти находки полностью согласуются с отношением первого периода жизни поселения к энеолиту или, скорее, к началу бронзового века⁸.

Менее определенно датируются шаровидные каменные булавы, трижды встреченные во время раскопок. Период бытования булав этого типа на Северном Кавказе очень велик — он охватывает весь бронзовый век. Но появились они сравнительно рано: округло-грушевидная сверленная гематитовая булава найдена в насыпи одного из Цалкинских курганов и отнесена Б. А. Куфтиным к материалам старшей группы погребений⁹. Поэтому не исключена возможность принадлежности булав к нижней части культурного слоя и, следовательно, к первому периоду жизни поселения.

Второй слой поселения представлен несоизмеримо полнее, и вопрос о его дате может быть решен гораздо точнее.

Среди многочисленной керамики — сосуды очень многих форм; в числе их можно указать большие толстостенные корчаги, крупные одноручные кувшины, высокие и низкие горшки, кубки, миски с петлевидными ручками, кружки. Все сосуды — лепные, плоскодонные; обжиг довольно высокий, хотя в отличие от ранней керамики, черепок в изломе не одноцветный,

⁷ Возможно, производство булавы было прекращено, так как поверхность ее оказалась нарушенной случайным сколом.

⁸ Отмечу хотя бы поразительное сходство кремневых вкладышей серпов с такими же вкладышами, найденными на известном Долинском поселении.

⁹ Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 24, рис. 12.

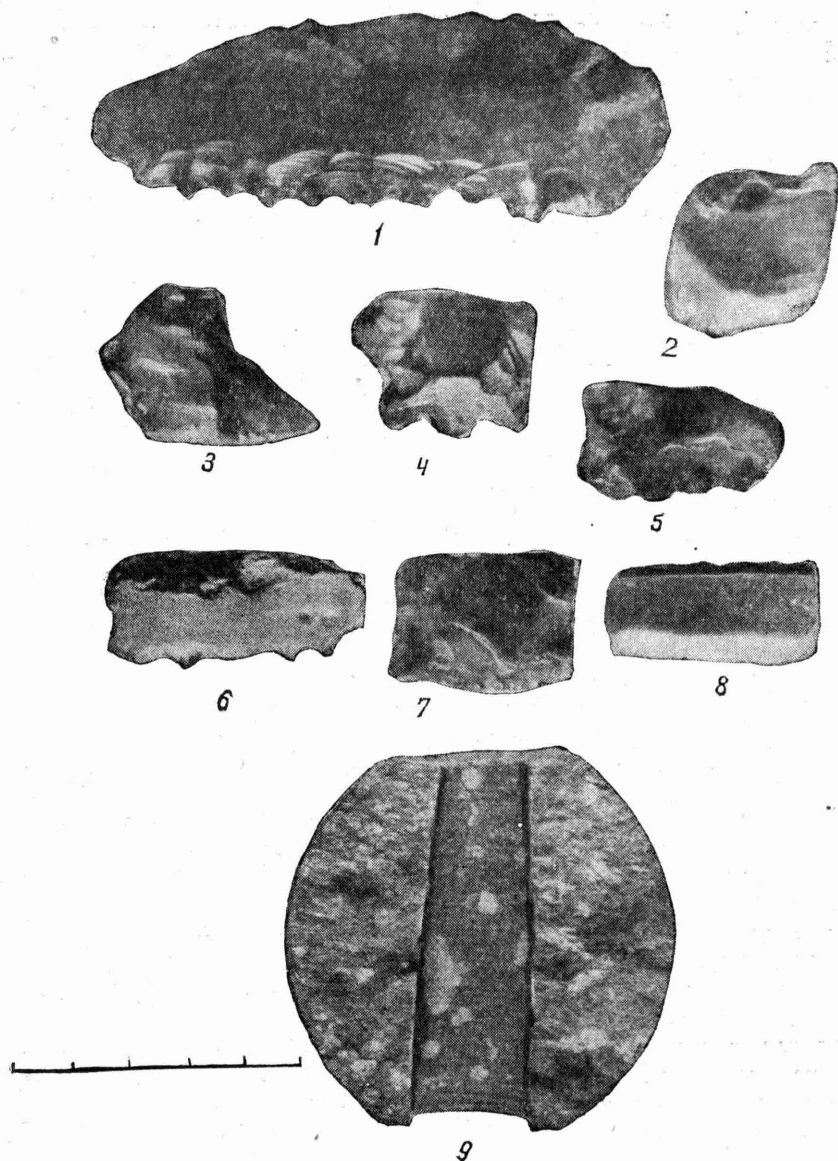

Рис. 2. Кремневые вкладыши серпов из нижней части культурного слоя (1—8) и каменная булава (9)

а слоистый. Наиболее распространенный орнамент — рельефный: на-
 лепные валики по венчику и тулову, прямые и волнистые, украшенные
 шипковыми вдавлениями или круглыми ямками; змеевидные валики, тонко
 обработанные ленты по ребру тонкостенных чаш; вертикальные двойные
 и тройные налеты по бокам больших и малых сосудов; трёхпалые фигуры;
 фигурные налеты на ручках кувшинов; комбинации шишечек («сосков»):
 ногтевые вдавления и т. п. Вся эта керамика достаточно четко сопостав-
 ляется с сосудами из могильников Северного Кавказа, относящихся к
 первой четверти I тысячелетия до н. э., — например, из Нестеровского¹⁰,

¹⁰ Например, миски без ручек и с петлеобразными ручками (Е. И. Крупнов. Древ-
 ния истории..., стр. 476, табл. LXI), кружки (там же, стр. 475, табл. LV), горшки.

Лугового¹¹, могильника Исти-су¹²; некоторые формы находят аналогии на Змейском и Алхастинском поселениях¹³. Это сопоставление крайне важно для датировки памятника. Но в целом керамический комплекс Сержен-Юртовского поселения оригинален и отличен от комплексов, указанных выше. Можно отметить, например, почти полное отсутствие нарезных узоров, обычных для керамики Змейского и Алхастинского поселений.

Весьма интересны прекрасно выполненные статуэтки животных (рис. 3—1—7). Они реалистичны и, несмотря на небольшие размеры (от 2 до 6 см), детально передает характерные особенности различных видов домашних животных. Более всего изображений баранов, далее следует лошадь; кроме того, встречены фигурки собаки и свиньи. На некоторых статуэтках резко подчеркнуты половые признаки изображенных животных; это исключает возможность отнесения статуэток к детским игрушкам. Такому предположению противоречит и число статуэток: их более ста, и найдены они почти на каждом участке раскопа. Более вероятна связь статуэток с определенным культом. Подобного рода культовые статуэтки были чрезвычайно широко распространены у различных групп племен (прежде всего — земледельческо-скотоводческих), начиная с позднего неолита вплоть до средневековья. В качестве же ближайших аналогов серженюртовским статуэткам можно указать глиняные фигурки животных, найденные на Алхастинском поселении в Ассинском ущелье¹⁴.

Изготавливались статуэтки на месте, о чем свидетельствуют найденные в 1960 г. заготовки для них, не обожженные и не законченные обработкой.

Среди материалов Алхастинского поселения находят аналогии и пинтадеры — глиняные штампы или печатки, найденные во время раскопок 1960 г. Все три экземпляра — с одним рисунком в виде трех концентрических колец. Р. М. Мунчаевым в 1959 г. встречена пинтадера с крестообразным рисунком. Рисунки алхастинских пинтадер более разнообразны¹⁵.

Следует упомянуть другие керамические изделия: миниатюрные пятиконечные звезды с отверстием в центре (рис. 3—12), простые пряслица в виде низких цилиндров¹⁶ и «модельки колес» (рис. 3—14), распространенные на Северном Кавказе от эпохи энеолита до периода перехода от бронзового к железному веку¹⁷; глиняные «катушки» (рис. 3—9), маленькие льячки¹⁸ и миниатюрные сосудики (рис. 4).

Бронзовые изделия довольно многочисленны (рис. 5). В числе орудий — однолезвийные ножи, шилья, иглы, а также характерной формы топоры-тесла с выступами, широко распространенные в Закавказье и отчасти на Северном Кавказе в бронзовом и раннем железном веках¹⁹. Примером аналогичных находок в Закавказье могут служить тесла из Лечхумского клада, из Кара-Булака²⁰, а на Северном Кавказе — из Березовского

¹¹ Миски, горшки, кувшины с налепами (там же, стр. 479, табл. LIX).

¹² Кувшины с налепными шишечками (О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950).

¹³ Крупные сосуды с налепными валиками (Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 159, рис. 20).

¹⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 156, 157, рис. 18, 4—6.

¹⁵ Там же, стр. 157, рис. 19.

¹⁶ Ср. Нестеровский могильник (Е. И. Крупнов. Древняя история..., рис. 51, 2).

¹⁷ Наиболее поздние экземпляры известны на Змейском и Алхастинском поселениях (Е. И. Крупнов. Древняя история..., табл. IX, 7 и XXVIII, 4).

¹⁸ Ср. Нестеровский могильник (там же, табл. XXIX, 8).

¹⁹ Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. Вестник Гос. музея Грузии, т. VIII-B, 1944, стр. 30 и сл.; О. М. Джапаридзе. Цхинвальский клад. Вестник Гос. музея Грузии, т. XVI-B, 1950, стр. 104, рис. 4, d; Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 197 и сл.

²⁰ Экспозиция ГИМ; А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, вып. VI, 1911, табл. IV, 6; Г. М. Асланов; Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур, Баку, 1959, стр. 74, табл. XXXVIII, 1; J. de Morgan. La préhistoire orientale, v. II, Paris, 1937, стр. 207, рис. 205.

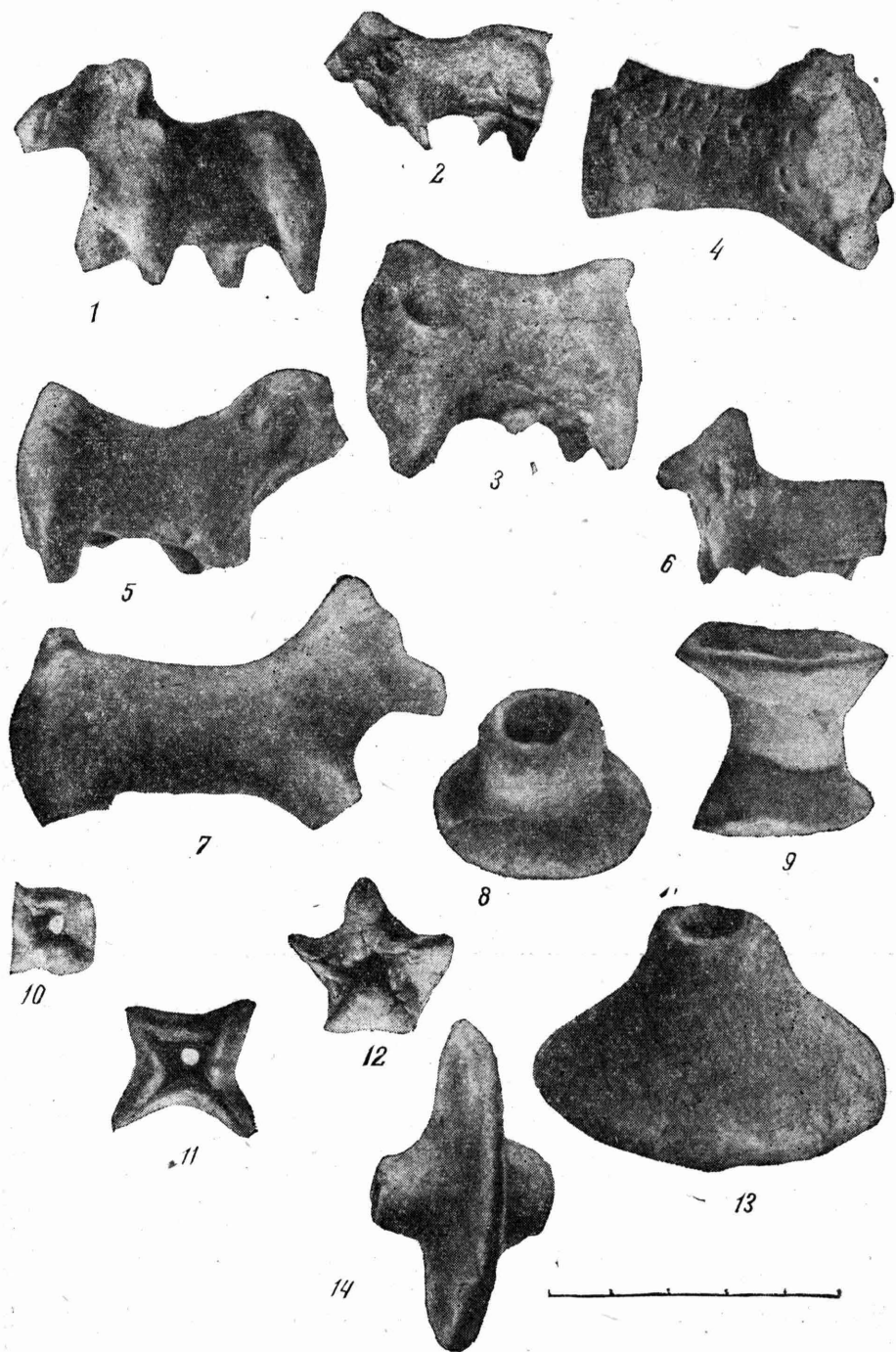

Рис. 3. Керамические изделия из верхней части культурного слоя.
 1—7 — статуэтки животных; 8, 9 — блоки; 10—12 — украшения; 13, 14 — модельки колес.

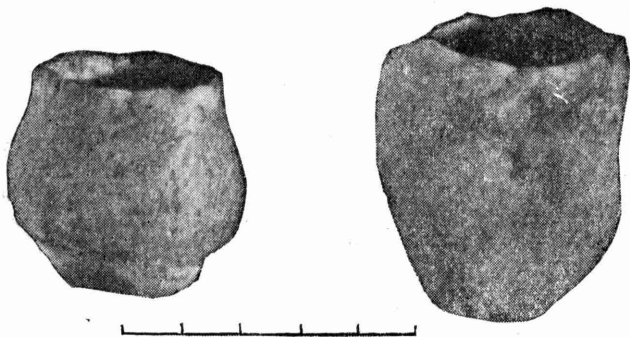

Рис. 4. Миниатюрные сосуды из верхней части культурного слоя

могильника²¹. Из предметов вооружения следует назвать наконечники стрел. Их два типа, близких друг другу: уплощенные, овальные в сечении, с опущенными крыльями и длинным, круглым в сечении, черенком и еще более плоские, треугольные, с плоским же черенком («площички»). Такие стрелы тоже были распространены в первой половине I тысячелетия до н. э. и в Закавказье (Бешташенский могильник, Кара-Булак, Самтаврский могильник), и на Северном Кавказе (Фаскау, Березовский могильник). С ними связано формирование некоторых типов железных наконечников стрел, найденных в Нестеровском и Кумбултском могильниках.

Бронзовые украшения представлены среди находок 1960 г. многочисленными спиралями, обоймами, выпуклыми овальными бляхами с отверстиями для нашивания²², плоским перстнем со спиралями на концах²³, простым разомкнутоконечным перстнем и т. д.

О несомненном наличии металлургии железа свидетельствуют находки обломков железных серпов и ножей.

Широко представлены изделия из кости и рога. Это мундштуки для удил, большие роговые мотыги, молоты, шилья, навершия, обоймы. Есть наконечники стрел двух типов. Первый — уплощенный, с опущенными крыльями и длинным черешком — очень близок соответствующему типу бронзовых стрел и вместе с ними служит датирующим признаком. Аналогии ему известны среди материалов Закавказья и Северного Кавказа конца II тысячелетия — первой четверти I тысячелетия до н. э. (Самтавро, Беахни-Куп у Чми, Змейское поселение)²⁴. Второй тип наконечника — пирамидальный, втульчатый, с отверстием в боковой грани. Близкие наконечники найдены в Кумбултском могильнике²⁵. Особо следует отметить большое число заготовок и полуфабрикатов, свидетельствующих об активном местном производстве костяных и роговых изделий.

К «основному» культурному слою относятся и каменные изделия — зернотерки, массивные песты для дробления руды, точильные камни и т. д.

Дата основного сержен-юртовского комплекса устанавливается достаточно четко по указанным выше аналогиям с материалами хронологически определенных памятников Закавказья и Северного Кавказа. Наиболее

²¹ А. С. Уваров. Каталог собрания древностей, вып. IV—VI. М., 1907, стр. 9, рис. 5, № 31; Е. И. Крупнов. Древняя история..., табл. XII, 3.

²² Ср. Нестеровский могильник (там же, рис. 49, 6, 7).

²³ Форма, широко распространенная; абсолютные аналогии известны среди материалов Нестеровского и Лугового могильников (Е. И. Крупнов. Древняя история..., рис. 48, 26; рис. 50, 9).

²⁴ Б. А. Куфтун. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1944, стр. 75, рис. 85; Е. И. Крупнов. Материалы Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 6, рис. 21, 1.

²⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 229, рис. 33, 3—5.

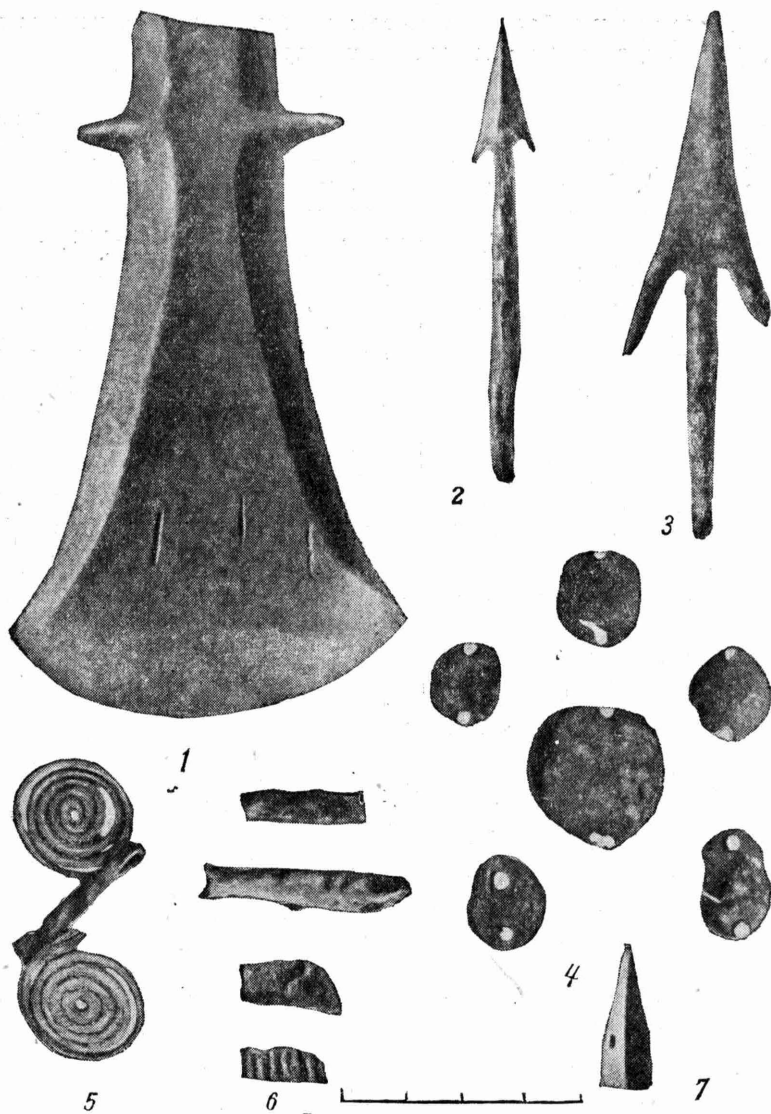

Рис. 5. Металлические и костяные изделия из верхней части культурного слоя.

1 — тесло бронзовое; 2 — стрела костяная; 3 — стрела бронзовая; 4 — нашивные пластинки;
5 — перстень бронзовый со спиралями; 6 — прошивки; 7 — костяной наконечник стрелы.

важны здесь комплексные аналогии с материалами Алхастинского и Змейского поселений. Они дают возможность отнести второй и, несомненно, наиболее активный период жизни поселения к IX—VIII вв. до н. э. Огромное число ям-хранилищ, занимающих практически весь исследованный участок, позволяет полагать, что в этот период холм служил убежищем для населения окрестных открытых селищ. Убежище было труднодоступным, укреплено самой природой, но не исключена возможность и дополнительных искусственных укреплений. Об этом свидетельствуют остатки рва у южного края поселения. В конце указанного периода поселение, очевидно, подверглось нападению и было разгромлено. Эти события оставили постоянно встречавшиеся следы пожара, многочисленные каменные ядра от пращей и, наконец, наспех совершенное у края поселения захоронение человека. Рядом с сильно скорченным на правом боку скелетом, буквально

втиснутым в мелкую и небольшую овальную яму, лежало массивное глиняное ядро, которым, возможно, и был убит погребенный.

Приложение

Данные определения костных остатков из раскопок поселения Сержен-Юрт в 1960 г. (исследованы 1622 кости, определено 995 экземпляров)¹

Виды животных	Из энеолитического жилища		Из слоя IX—VIII вв. до н. в.	
	количество костей	количество особей	количество костей	количество особей
Крупный рогатый скот	35	3	468	14
Мелкий » »	14	3	112	8
Свинья	34	5	262	22
Лошадь	—	—	32	2
Собака	—	—	2	1
Благородный олень	1	1	13	2
Косуля	1	1	2	1
Кабан	—	—	3	1
Куница	—	—	4	2
Выдра	—	—	3	2
Птица	—	—	9	—

¹ Определение произведено проф. В. И. Цалкиным.

В. И. МАРКОВИН

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В УЩЕЛЬЕ РЕКИ АРГУН

В 1959 г. Аргунский отряд Северокавказской археологической экспедиции¹ продолжал работы в районе сёл Асланбек-Шерипово и Советское (ущелье р. Аргун). Исследовались памятники эпохи бронзы и периода средневековья.

Как известно, на Северном Кавказе очень слабо изучены поселения эпохи бронзы. Их перечислить нетрудно: Долинское поселение у г. Нальчика (работы 1930—1933 гг. А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого), Алхастинское поселение у с. Алхасте на р. Ассе в Ингушетии (работы 1937—1939 гг. Е. И. Крупнова), Змейское поселение у станицы Змейской на р. Терек в Северной Осетии (работы 1957 г. Е. И. Крупнова и Д. В. Деопик). Поэтому каждые новые раскопки поселений имеют большое научное значение². Раскопки поселения эпохи бронзы у с. Асланбек-Шерипово³ начаты нами в 1957 г., когда была обнаружена часть жилого комплекса. Культурные остатки залегали на значительной глубине. Профиль центральной части комплекса включает дерновый слой (0,—0,15 м), глину (0,15—1 м), культурный слой (1—2,2 м), материк (мергелевая скала).

Культурный слой содержал опромное количество глиняной обмазки, угля (некоторые крупные куски угля сохраняли форму балок), глинистых шлаков, каменных плит, костей животных. На глубине 1,4—1,7 м от дневной поверхности обнаружена мощная площадка из обожженной глины — пол какого-то сооружения. Тщательно фиксировавшиеся завалы камней, угольных балочек, глиняной обмазки позволили восстановить конструкцию жилища. Эта турлучная постройка (с деревянным плетеным каркасом, обмазанным глиной) была почти квадратной (более 5 × 5 м) и несколько углублена в грунт. Анализ углей от упавших балочек показал, что они делались из тополя (*Populus*) и дуба (*Quercus*)⁴.

Неровности материка, на котором стояло сооружение, были подправлены каменной вымосткой, поверх которой, — возможно, для тепла — был положен мелкий хворост (на камнях найдены угольки), обильно обмазанный глиной. Жилище в передней (южной) части перегороджено каменной стеной на две половины; в западной части располагался очаг в виде неглубокой ямы, выложенной по дну камнями (раскоп 1957 г.). С северо-восточной стороны жилища, вероятно, был устроен навес длиной 3 м и шириной около 1,5 м, от которого сохранились три каменных упора-глыбы. В западной части жилища найдены обломки зернотерок, керамика, медная пластинка и пр.

¹ Начальник отряда — В. И. Марковин.

² С 1958 г. в Дагестане исследуется Верхне-Гунибское поселение (работы В. Г. Котовича и В. М. Котович).

³ В. И. Марковин. Археологические работы в Аргунском ущелье. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961, стр. 49, 50.

⁴ Определение углей произведено Г. Н. Лисицкой. Часть углей не удалось определить.

Жилище сгорело. Анализ ошлакованных кусков глины показал, что они представляют собой керамическую массу, образовавшуюся при температуре около 1000° С⁵. Такая температура при пожаре вполне возможна.

Судя по находкам, население занималось земледелием (зерноотерки) и скотоводством. Определение костных остатков из раскопа 1959 г. дало следующие результаты⁶.

Крупный рогатый скот	78	костей от 3 особей
Мелкий » »	26	» » 4 »
Свинья	16	» » 3 »
Косуля	2	кости от 1 особи

При сравнении этих данных с данными раскопок 1958 г.⁷ можно сделать вывод о преобладании в составе стада крупного рогатого скота.

Датировать жилой комплекс можно только ориентировочно — серединой или второй половиной II тысячелетия до н. э. На это указывают керамика (черная с большим количеством сланца) и терочники, близкие найденным на Карабудахкентском поселении в Дагестане⁸.

В 1958 г. были завершены и раскопки Гатын-Калинского могильника эпохи бронзы, уже известного в литературе⁹. Могильник расположен близ с. Асланбек-Шерипово у каньона р. Верды-ахк. Общая площадь раскопов 1958—1959 гг.—670 кв. м. В 1959 г. вскрыто 21 погребение (№ 16—36), из них погребения № 24, 25, 26, 30 и 36 — в склепах, № 17, 23 и 29 — в сооружениях, напоминающих каменные ящики, № 16, 18, 19, 31, 35 — в ямах; могилы № 20—22 оказались кенотафами.

Могильные сооружения, независимо от их конструкции, располагались друг за другом четырьмя довольно правильными рядами, вытянутыми с юго-запада на северо-восток. В каждом ряду насчитывается 5—8 могил, ориентированных длинной осью с северо-запада на юго-восток (за исключением двух склепов — № 14 и 24, направленных с юго-запада на северо-восток). Несмотря на одинаковую ориентировку могил, ритуал погребений различен (ориентировка костяков неодинаковая, положение их скорченное и вытянутое; обнаружены расчлененные костяки). Очень интересны могилы-кенотафы (№ 20—22). Это ямки округлой формы (1,1 × 0,9 м и чуть меньше, при глубине их в 0,8—0,4 м), обложенные по краям каменными плитами, поставленными на ребро (рис. 6). Необычная форма сооружений, отсутствие в них костей, наличие лишь отдельных угольков, мелких кусочков керамики (только над могилой № 21 найдена целая глиняная мисочка) позволяют сделать вывод, что эти ямки могли служить кенотафами — «вместилищами душ» умерших на чужбине. Могилы-кенотафы известны в памятниках эпохи бронзы. Таковы каменные ящики, открытые И. С. Гумилевским у г. Пятигорска¹⁰ и В. И. Канивцем у с. Миатлы¹¹. Они характерны и для эпохи раннего железа, судя по находкам в Березовском и Нестеровском могильниках¹². И сейчас еще у населения Северного Кавказа бытует обряд устройства кенотафов.

⁵ Анализ петрографа О. Ю. Круг.

⁶ Определение костей произведено В. И. Цалкиным.

⁷ В. И. Марковин, Указ. соч., стр. 50.

⁸ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ с. Карабудахкент. МИА, № 68, 1958, стр. 173 и сл.

⁹ Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 107—119; его же. Новые данные по древней и средневековой истории Северного Кавказа. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 107—109; В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 50—54, рис. 14—16; его же. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, № 93, 1960, стр. 64—66, рис. 27, 28.

¹⁰ Архив ИА АН СССР, дело № 580 за 1951 г.

¹¹ В. И. Канивец и С. С. Березанская. Курганы бронзового века на Сулак. Материалы по археологии Дагестана, т. I. Махачкала, 1959, стр. 64, 65.

¹² Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 189, 411

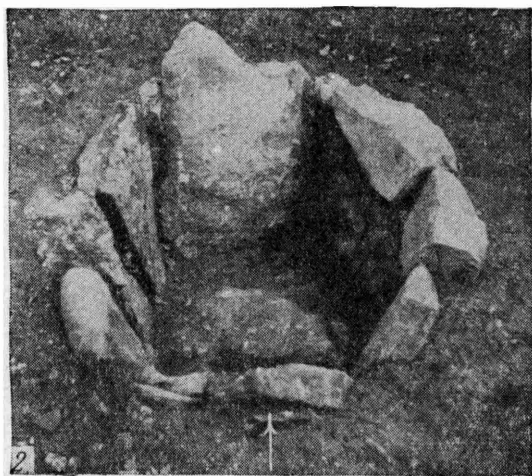
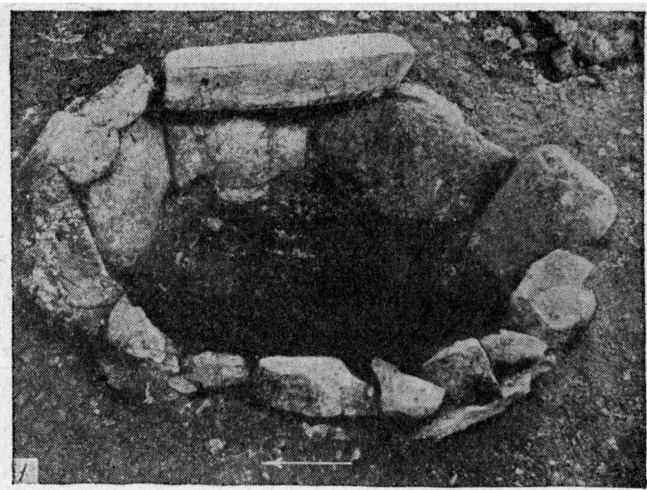

Рис. 6. Могильник Гатын-Кале. Могилы-кенотафы.
1 — погребение № 20; 2 — погребение № 22.

На вскрытой территории могильника обнаружены остатки каменной стены, сложенной насухо, тянувшейся с запада на восток на 7,35 м. Ею, вероятно, ограничивался древний некрополь, так как за пределами ограды могил не оказалось. Наиболее интересны погребения № 30, 31 и 33. Кратко остановимся на их описании.

Погребение № 30 (коллективное; рис. 7—1). Могильное сооружение — склеп, сложенный насухо (2,2×1,67 м при глубине кладки в 1,15 м). На глубине 0,15 м от его поверхности обнаружены отдельные человеческие кости, фрагменты керамики. Ниже на 0,1 м найден обломок молоточной части каменного топорика (рис. 8—3). Далее, на глубине 0,5—0,7 м, отмечены три человеческих черепа (сильно фрагментированы), отдельные кости взрослых людей и ребенка. Целая грудка человеческих костей с шестью черепами расчищена в северо-восточном углу склепа. Среди костей найдены сосуды, глыба белоснежного кальцита и отдельные угольки. Западную половину могилы занимал скелет высокого мужчины, лежавший на спине, головой на северо-северо-запад; руки протянуты вдоль

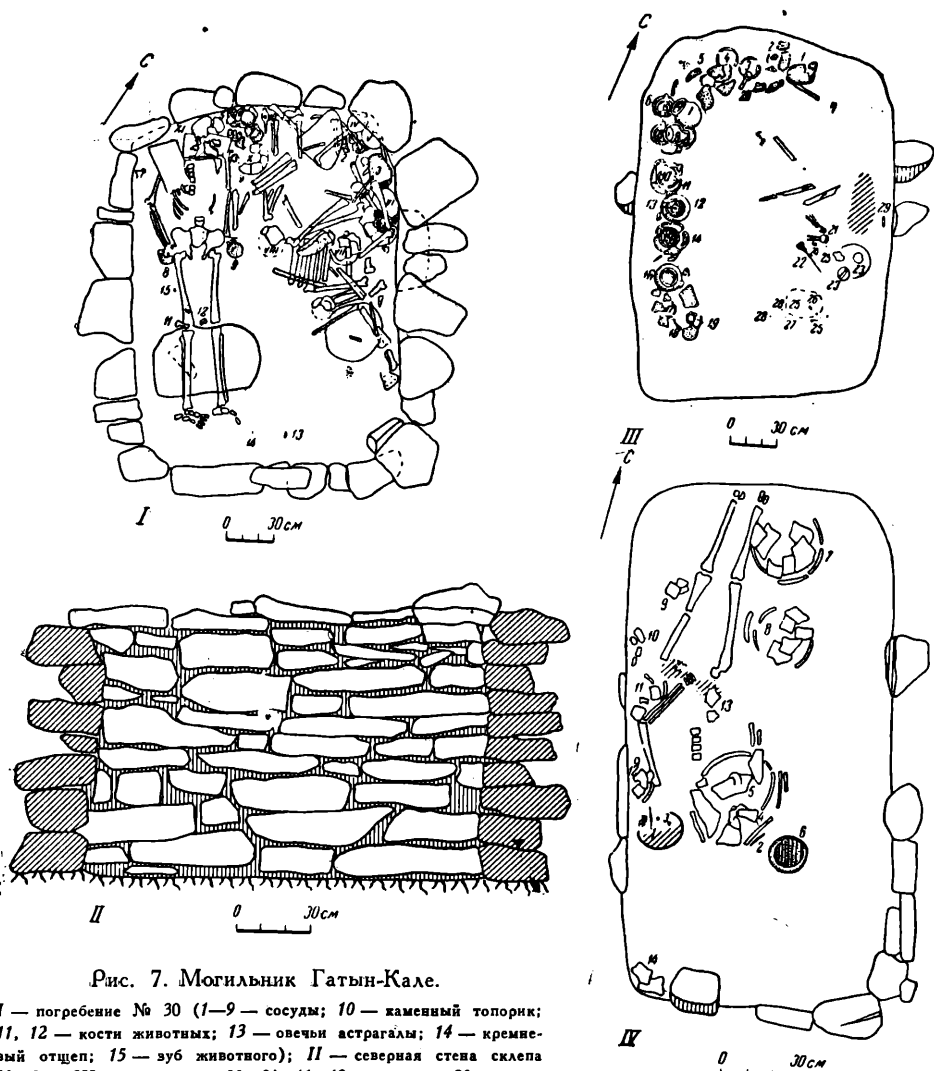

Рис. 7. Могильник Гатын-Кале.

I — погребение № 30 (1—9 — сосуды; 10 — каменный топорик; 11, 12 — кости животных; 13 — овечьи астрагалы; 14 — кремневый отщеп; 15 — зуб животного); II — северная стена склепа № 30; III — погребение № 31 (1—19 — сосуды; 20 — кость животного; 21 — бронзовые многовитковые браслеты; 22 — бронзовая булава; 23 — каменная булава; 24 — бронзовые подвески; 25 — пастовые бусы; 26 — височные кольца; 27 — бронзовые бусы; 28 — сердоликовые бусы; 29 — бронзовое шило); IV — погребение № 33 (1, 2 — бронзовые шилья; 3 — височные кольца; 4 — бронзовый топор; 5—14 — сосуды).

туловища. Под череп, кости плечевого пояса и берцовые кости ног были подложены плиты. На костях правых руки и ноги обнаружены следы красной охры. Возле кистей рук стояло по небольшому сосудику, у лица — еще три сосуда и топорик из темно-зеленой змеевиковой породы (рис. 8—7); рядом лежал еще один человеческий череп. Возле костяка, помимо того, найдены кремневый отщеп, кость свиньи, зуб травоядного животного, угольки и зола.

Погребение № 31 (в грунтовой яме $2,3 \times 1,65$ м, глубиной 1,7 м от дневной поверхности; рис. 7—III). По длинным сторонам яма оконтурена несколькими камнями. Вдоль западной длинной стороны устроена сплошная стена из 19 сосудов, поставленных в ряд. В восточной части могилы обнаружены останки погребенного. Костяк лежал на правом боку; ноги подогнуты, руки — у лица; ориентировка на юго-юго-восток. Возле разбитого черепа найдены бронзовые височные кольца в полтора оборота и бусы — цилиндрические пастовые, гагатовые (бочковидные) и сердоли-

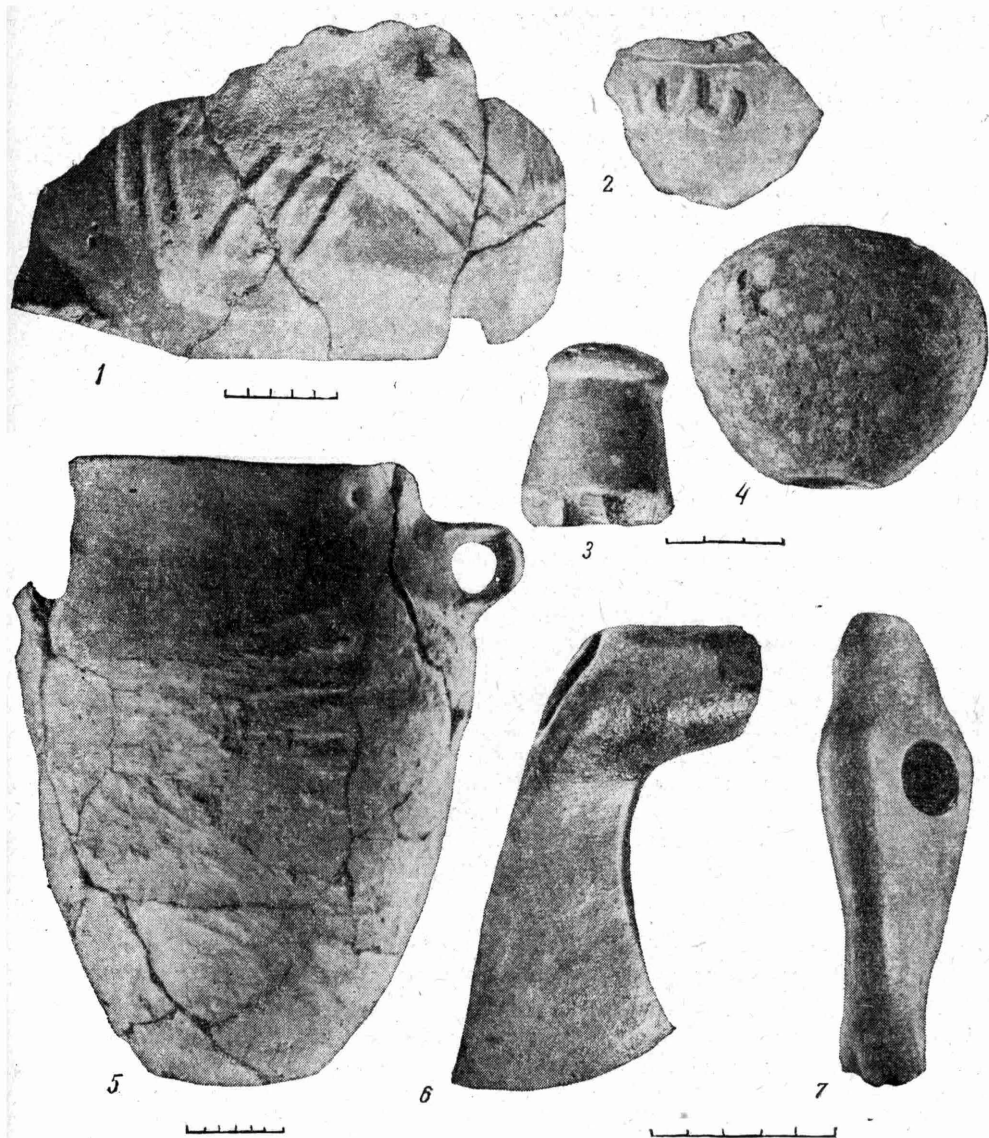

Рис. 8. Могильник Гатын-Кале. Инвентарь погребений.

1 — фрагмент сосуда (погребение № 16); 2 — фрагмент сосуда (погребение № 30); 3 — молоточная часть каменного топорика (погребение № 30); 4 — диоритовая булава (погребение № 31); 5 — сосуд (погребение № 36); 6 — бронзовый топор (погребение № 33); 7 — каменный топорик (засежок; погребение № 30).

ковые (рубленые). Рядом обнаружена диоритовая булава, разбитая на две половины (рис. 8 — 4); возле булавы лежал бронзовый клинышек, придерживавший ее на древке. У рук костяка и в области груди — две бронзовых круглых подвески, пастовые бусы и два бронзовых многовитковых браслета. У каменной восточной стены найдено бронзовое четырехгранное шило. В засыпке могилы и у костей прослеживались угольки.

Погребение № 33 (в яме размером $2,1 \times 1,08$ м, глубиной 1,45 м от дневной поверхности; рис. 7 — IV). В западной части могилы лежал головой на юг вытянутый костяк, вероятно, мужчины. Левая рука его, слегка согнутая в локте, покоилась на лобковых костях, правая — отставлена в сторону. В области черепа найдены височные подвески, бронзовое

четырёхгранное шило, уголки, у левого плеча — обломки сосуда. Правую руку прикрывал крупный сосуд, под которым лежали бронзовый проушной топор (рис. 8—6) и второе шило. Два сосуда стояли у правой ноги. Большая часть могилы пустовала.

Таковы наиболее интересные и вместе с тем типичные для могильника Гатын-Кале погребения. Инвентарь их разнообразен; в большинстве случаев это сосуды самых различных форм, с черной и красноватой лощеной поверхностью, но многие образцы посуды покрыты грубой обмазкой со следами пальцев мастера (рис. 8—5). Найдены высокие сосуды с венчиком-раструбом, низкие приземистые горшки, сосуды-кружки и пр. Внутри самых крупных сосудов для жидкостей почти всегда были небольшие сосудики — глиняные кружки. Сосуды большей частью — без орнамента, только отдельные из них покрыты одиночными налепами-шишечками, налепами в виде рожков и т. д. (рис. 8—1, 2). Единичные экземпляры орнаментированы узором в виде углов и даже волны.

Массовыми находками можно считать бронзовые височные кольца в полтора оборота, подвески-кольца с ушками, булавы с навершиями в виде волют (рогов) и дисков. Упомянутые находки каменного топорика (его длина — 12,88 см, лезвийная часть — 4,2 см), булавы (высота — 6,4 см, диаметр — 7 см) со слегка коническим сверлением (2—1,9 см) и бронзового топора (длина — 12,8 см, лезвие — 6,5 см) — уникальны. Топорик из эмеевиковой породы (рис. 3—7) — это вариант гладких топориков кабардино-пятигорского типа, характерных для второй четверти и середины II тысячелетия до н. э.¹³ Грушевидная булава относится ко второму типу булав (по Е. И. Крупнову)¹⁴. Датировать их трудно, но, как пишет Е. И. Крупнов, они «не выходят за пределы II тысячелетия до н. э.»¹⁵ Бронзовый топор (проушной) — редкая находка для территории Чечено-Ингушетии и соседнего Дагестана. Известны лишь два таких топора — из Андреевской долины г. Грозного (обнаружен в разрушенном кургане)¹⁶ и из кургана № 1 (группа VI) у с. Миатлы на р. Сулак в Дагестане¹⁷. Зато в Северной Осетии проушные топоры найдены в довольно большом количестве. Можно предположить, что с территории Осетии они проникли и в ущелья Аргуна и Сулака. Датировать эти предметы можно первой половиной II тысячелетия до н. э.¹⁸

Могильник Гатын-Кале — памятник эпохи бронзы, важный для всего Северного Кавказа. Сочетание черт северокавказской культуры эпохи бронзы, особенно ярко проявляющихся в обряде погребения, могильных сооружениях и металле, с чертами древних дагестанских культур, представленных в Дагестане такими первоклассными памятниками, как могильники Карабудахкент II, Гоно и др. (что прослеживается ярче всего в керамике), — и создает то своеобразие, которое позволяет считать Гатын-Кале характерным для зоны взаимосвязей и контактов древних племен Северного Кавказа и Дагестана. Могильник Гатын-Кале, так же как и курганный могильник Миатлы, позволяет наметить пути перехода к каякентско-хорочоевской культуре I тысячелетия до н. э., изучение которой так важно для выяснения истории племен Северо-Восточного Кавказа эпохи раннего железа. Сохранение древних неолитических традиций в инвентаре Гатын-Кале — также немаловажная черта для воссоздания картины перехода от неолита к эпохе бронзы.

¹³ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, № 93, 1960, стр. 99, 100, рис. 44.

¹⁴ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 44.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Музей г. Грозного.

¹⁷ В. И. Канивец и С. С. Березанская. Указ. соч., стр. 80, табл. III, 1.

¹⁸ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 200.

Д. А. КРАЙНОВ

КУХМАРСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК

В 1959—1960 гг. Верхневолжской археологической экспедицией проведены широкие исследования древних памятников Верхнего Поволжья. Особое внимание было уделено изучению Кухмарского курганного могильника. Это один из крупнейших родовых могильников Верхнего Поволжья. Находится он на северо-восточном берегу Плещеева озера, в 7 км от г. Переславля и в 1 км к западу от дер. Криушкино, Ярославской области. Расположен он в восточной части удлиненного холмообразного возвышения коренного берега озера на высоте 20 м над его уровнем (рис. 9). С запада и северо-запада холм омывает речка Кухмарь, от которой могильник и получил свое название.

Впервые исследования велись здесь в 1939 г. Я. В. Станкевич и П. Н. Третьяковым. В четырех курганах, раскопанных ими, обнаружены круглодонные и плоскодонные глиняные сосуды (рис. 10—6, 7) и несколько бронзовых (медных) украшений (браслет, перстень, спиральное височное кольцо и др.)¹.

За годы работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР проведено изучение внешнего вида могильника и раскопана 21 курганная насыпь.

В 1959 г. выявлены 44 курганных насыпи, а в 1960 г. удалось установить еще 28 насыпей, трудно отличимых, едва заметно возвышающихся над поверхностью. По-видимому, количество курганов было значительно больше. Форма и размеры их различны. Большая часть курганов — овальной формы, меньшая — округлой. От времени многие насыпи деформировались (расплылись), а некоторые почти сравнялись с современной поверхностью холма. Среди существующих курганов есть крупные и мелкие. Диаметр их колеблется от 4,8 до 16 м, а окружность — от 15 до 45 м. Высота также различна — от 0,26 до 2 м.

У всех курганов есть ровики и перемычки разной величины. Количество ровиков и перемычек неодинаково — от 2 до 4.

Курганы тянутся на вершине холма по площади длиной около 300 м и шириной от 20 до 100 м. Интересно само расположение их в виде цепочки, вытянутой с северо-запада на юго-восток. Эта ориентировка могильника, по-видимому, имеет какое-то ритуальное значение, потому что большинство могильных ям под курганами ориентировано так же. Обращает на себя внимание и расположение курганов группами. Возможно, это не случайно, и группы объединяют семейные курганы на родовом могильнике.

Следует отметить, что крупные насыпи есть только в трех центральных группах, что, по-видимому, также имеет какой-то смысл, тем более что эти группы находятся на самом высоком месте холма. По количеству курганов, разбросанности их на большой площади, расположению группами

¹ Вещи хранятся в Ярославском государственном музее-заповеднике.

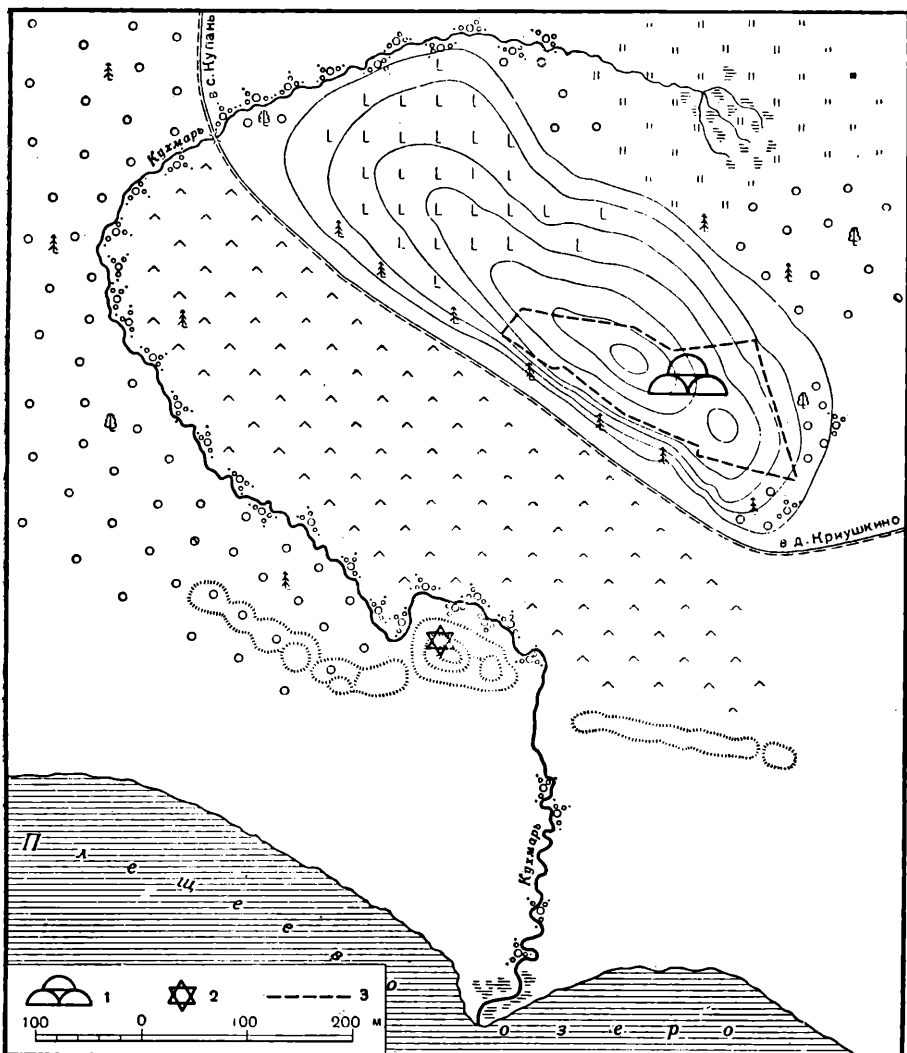

Рис. 9. План расположения Кухмарского курганного могильника и Кухмарской стоянки
 1 — курганный могильник; 2 — стоянка; 3 — граница могильника.

и пр. можно судить о продолжительности времени бытования могильника и о одновременности погребений.

Строение курганных насыпей более или менее одинаково. Все они дернованы. На некоторых росли деревья (или были пни). Под дерном, линии горизонта, насыпь состоит из песка и камней; материк в западной и восточной частях могильника — глина, а в центральной — в основном песок с гравием. Под всеми курганами линия древнего горизонта или уровень погребенной почвы отмечается золистой прослойкой толщиной от 5 до 10 см. На месте могильных ям эта прослойка прерывается или иногда сдается по бокам могильной ямы (рис. 11—III).

Всего под 21 насыпью обнаружено 24 могильных ямы, т. е. под каждой насыпью — по одной яме и только в кургане № 11 — две и в кургане № 13 — три ямы². Основные могилы всегда находились под центром

² Все курганы раскапывались «на снос» с оставлением двух перекрещивающихся ремычек (бровок), ориентированных по странам света. Номера курганам давались по их обнаружения.

Рис. 10. Сосуды из Кухмарского могильника.

1, 8 — из кургана № 1; 2, 6, 7 — из раскопок П. Н. Третьякова; 3, 10 — из кургана № 24; 4 — из кургана № 17; 5 — из кургана № 6; 9 — из кургана № 11; 11 — из кургана № 52.

насыпи. В курганах № 11 и 13 дополнительные ямы были в боковой части. Насыпи перекрывали ямы погребений, и только в кургане № 13 погребение № 2 — впускное. Форма и размеры могил различны. Восемнадцать ям — прямоугольной формы и лишь четыре — овальные или подпрямоугольные со срезанными углами (форма двух не прослежена). Размеры ям неодинаковы. Самая большая — $2,4 \times 1,7$ м и самая маленькая — $1,1 \times 0,65$ м (см. сравнительную таблицу на стр. 55). Большинство ям достигало в среднем длины около 2 м и ширины от 1,5 до 0,8. Ко дну ямы уменьшались в размере³. Глубина их также различна — от 0,3 до 0,85 м.

Вокруг некоторых ям видны темные зольно-углистые окаймляющие полосы, что может быть или остатком могильных деревянных сооружений, или результатом распыления золы и углей из кострищ. В погребении № 1

³ По форме и размерам могильные ямы близки абашевским памятникам Чувашии и Марийской АССР (см. А. Х. Халиков. Новые памятники абашевской культуры в Волго-Вятском междуречье. СА, 1959, № 2, стр. 152, табл. 3; стр. 155).

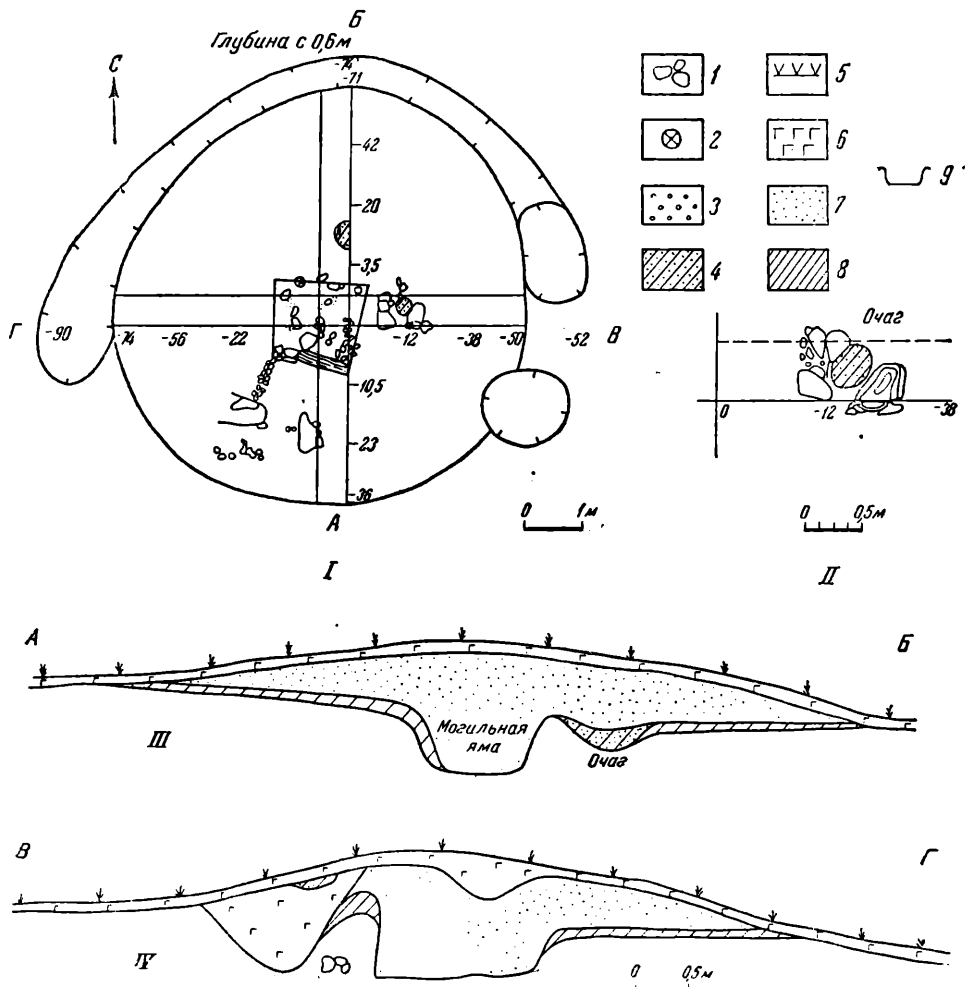

Рис. 11. План и профили кургана № 6.

1 — план кургана № 6; II — план очага; III, IV — профили кургана № 6; 1 — камни; 2 — керамика; 3 — угли; 4 — черные пятна с углем; 5 — дерн; 6 — гумус; 7 — песок; 8 — темная гумусная прослойка; 9 — могильная яма.

кургана № 13 в юго-восточном углу на глубине 1,35 м от верха встречена углистая «полоса» — прослойка длиной 28 см, шириной 8 см и толщиной 10 см.

В некоторых курганах прослежены выбросы земли из ям, резко выделяющиеся на общем фоне почвы. В курганах № 1, 13, 18, 24 и 25 сохранилась обмазка стенок и дна ямы глиной; особенно хорошо она видна в погребении № 1 кургана № 13. Толщина обмазки — 4—20 см.

Ориентировка могильных ям неодинакова, но преобладает направление с северо-запада на юго-восток, т. е. та же, что и ориентировка самого могильника, и реже — с запада на восток и с севера на юг.

Могильные ямы заполнены желтовато-серой почвой с большим количеством углей, рассыпанных по всей яме отдельными угольками и кучками. Но темный цвет заполнения могил зависел, по-видимому, не только от углей и золы, а и от каких-то разложившихся органических веществ. Во всех могильных ямах костяки отсутствуют, и только в погребении № 1 кургана № 13 в юго-восточном краю ямы на глубине 2 м обнаружен небольшой обломок кости, по-видимому, от черепа.

Сравнительная таблица погребений из курганов Кухмарского могильника

№ кургана	№ погребения	Могильные ямы				Керамика в могильной яме	Керамика вне ямы	Находки вещей в яме
		размеры в метрах	глубина, в метрах	форма ямы	ориентировка ямы			
1	1	1,8 × 1,4	0,45	Прямоугольная	СЗ—ЮВ	3 сосуда ¹	—	—
2	1	1,5 × 0,65	0,59	»	З—В	—	—	—
6	1	1,6 × 1,2	0,32	»	СЗ—ЮВ	1 сосуд в обломках	1. Обломки сосуда у очага 2. Обломки сосуда в ровике	1 шильце медное
7	1	1,7 × 1,6	0,84	Овальная	То же	—	Обломки сосуда вокруг ямы	—
8	1	2,4 × 1,2	0,4	Прямоугольная	С—Ю	—	—	—
10	1	1,75 × 1,6	—	»	То же	—	—	—
11	1	1,95 × 1,05	0,35	»	СЗ—ЮВ	Обломки 1 сосуда	Обломки того же сосуда над погребением	—
	2	1,9 × 0,8	0,35	»	То же	—	—	—
12	1	2,2 × 1,15	0,8	»	»	—	—	—
13	1	2,4 × 1,7	0,56	»	»	1 сосуд	—	—
	2	1,8 × 1	0,2	»	»	—	—	—
	3	1,6 × 0,8	0,44	»	С—Ю	—	—	—
15	1	1,85 × 1,4	0,7	»	То же	1 сосуд в обломках	—	1. Браслет медный 2. Кремневый осколок
17	1	2 × 1,6	0,6	Овальная	СЗ—ЮВ	Обломки 1 сосуда	—	—
18	1	2,5 × 1,5	0,4	Прямоугольная	С—Ю	—	Обломки сосуда около очага	1. Кремневая пластинка 2. Кремневые осколки
24	1	1,5 × 1	0,5	»	З—В	2 сосуда	—	1. Розетка медная 2. Пронизка медная
25	1	2,05 × 1,05	0,85	»	СЗ—ЮВ	—	Обломки сосуда	—
29	1	2 × 1,5	0,65	»	То же	—	—	—
33	1	0,8 × 0,8	0,3	»	»	—	—	—
42	1	1,8 × 0,9	0,6	»	»	—	—	—
44	1	—	—	—	—	—	—	Кремневая пластинка
50	1	—	0,7	Овально-круглая	З—В	—	—	—
51	1	1,5 × 1	0,5	Прямоугольная	То же	—	Обломки сосуда около очага	Медный перстень
52/53	1	2,3 × 1,8	0,6	Овальная	СЗ—ЮВ	1 сосуд	—	Кремневые отщепы

¹ 2 сосуда — в обломках

Из 24 погребений только в тринадцати найдены вещи. Встречаются они в могильных ямах и вне их. Это медные изделия, кремневые отщепы и глиняные сосуды.

Вещи, сосуды и обломки сосудов обнаружены в разных местах могил и вокруг них под курганными насыпями. Надо отметить, что медные изделия из курганов № 15 (браслет), № 6 (шильце) и № 24 (бляшка-розетка и пронизка) найдены около сосудов. Некоторые сосуды лежали на боку или стояли, а колоколовидный сосуд в кургане № 24 стоял вверх дном. В курганах № 1, 6, 7, 11, 15, 18 и 25 оказались черепки глиняных сосудов в разных местах могил, или за пределами их под насыпями, у кострищ, или в насыпях под погребениями, а иногда и в ровиках около кострищ. В погребении № 1 кургана № 1 была выкопана ямка размером 35×50 см, достигавшая дном уровня на 10 м ниже дна могильной ямы. В ней найдена часть большого сосуда (рис. 10 — 8). В кургане № 11 черепки сосуда (рис. 10 — 9) стали встречаться с глубины 0,24 м и до глубины 0,71 м. По-видимому, сосуд был поставлен над погребением на засыпке настила и потом рухнул в яму.

Наряду с описанными выше деталями обряда захоронения, прослежены под курганными насыпями и другие детали: каменные ограждения вокруг могильных ям, очаги, кострища, остатки деревянных столбов около ям и остатки столбов вокруг курганов.

Каменные ограждения вокруг могильных ям — очень интересная деталь обряда. В той или иной мере такие ограждения встречены во всех курганах (за исключением № 1, 17 и 25). Почти во всех насыпях камни разной величины — от мелких до очень крупных — начинают встречаться с глубины 0,2—0,3 м, а иногда прямо под дерном, но они не набросаны случайно, а идут по кругу, как бы очерчивая могильную яму. Больше всего камней на уровне могильных ям. Камни расположены вокруг могил в виде овала (курган № 24) или прямоугольника (курган № 6). Такое расположение заставляет думать, что это остатки каких-то сооружений, разрушенных при сооружении курганов. В кургане № 6 (рис. 11 — 1) по одной стороне могильной ямы камни поставлены на ребро и носят следы подтески. В кургане № 18 также найдены камни с подтеской. Иногда встречаются два ограждения — наружное и внутреннее. Внутри камни кладутся по углам могильных ям. В насыпях № 13 и 24 обнаружены остатки каменных столбов, которые, вероятно, высились над курганами.

Вторая интересная деталь — очаги, найденные в курганах № 6, 11, 12, 13, 15, 18, 24, 51 и 52/53. Очаги и кострища — одной из главных деталей обряда погребения в могильнике. Они обнаружены в разном количестве (от двух до четырех) на углах могильных ям. Как правило, начинаются они на линии древнего горизонта и кончаются на разной глубине ниже горизонта. Ямка очага всегда заполнена золой и углями и окружена камнями. Мощность очажных заполнений различна — от 0,15 до 0,4 м. В очажных ямах, кроме золы и углей, ничего не найдено. Особо интересны очаги в курганах № 6 и 51. Очаг в кургане № 6 находился в 0,5 м от восточного края могильной ямы (рис. 11—II). Здесь непосредственно под дерном и до глубины 1,05 м прослежена коническая яма диаметром (вверху) 1 м; нижняя часть ее конуса сходилась в очаг № 1. В ней сверху и донизу встречались угли и темное зольистое заполнение. На глубине 0,35 м обнаружен верх большого, сильно потрескавшегося камня (8×25×30—40 см). Рядом с ним оказались более мелкие камни. От верха камней и до дна очага было 0,7 м.

В кургане № 51 на глубине 0,5 м от поверхности под черным слоем углей и золы открыт очаг иного строения. Диаметр его — 0,3×0,4 м. Он сделан в виде конического сосуда, составленного из 10 каменных плиток преимущественно треугольной формы. Толщина углистого слоя в нем — 0,25 м. Мощные заполнения очагов, потрескавшиеся камни, окружавшие очаги, и пр. свидетельствуют о продолжительности их существования.

Наряду с очагами, вокруг могильных ям обнаружены и кострища — во всех курганах без исключения. Все кострища расположены по периферии ям на уровне горизонта и углублены ниже его на 10—15 см. Как и в очагах, в них оказались мощные угольные и зольные скопления и прокаленная почва, что также указывает на продолжительное горение. Встречены кострища прямоугольной формы (0,8×0,6 м и больше — курганы № 1, 11, 24 и др.) и округлые, диаметром около 0,5 м, с углистым слоем в 25—20 см. Мощные кострища открыты и в ровиках за пределами насыпей (курганы № 6 и 7). Очевидно, их разжигали после засыпки могильных ям и сооружений кургана. Подобные кострища встречены в абашевских памятниках Чувашии⁴ и могильниках Волго-Вятского междуречья⁵.

Еще одна важная деталь — округлые в плане и конические в разрезе «пятна», рассматриваемые нами как остатки деревянных столбов. Наличие этих столбов доказывается коническим очертанием их концов, определенной глубиной, темным заполнением «пятен», иногда с угольками. Такие «пятна» обнаружены во многих курганах около могильных ям (курганы № 1, 6, 11, 13, 17 и др.). Диаметр «пятен» свидетельствует о довольно мощных столбах. Они прослежены и за пределами курганов (курган № 6). По-видимому, вокруг насыпей были изгороди.

Как указано выше, находки в погребениях встречались редко. Медные украшения, найденные в курганах № 15, 24 и 51, включают обычные для абашевской культуры вещи: бляшку-розетку (курган № 24; рис. 12—4); пронизку в виде трубочки из уплощенной проволоки, согнутой в спираль (курган № 24; рис. 12—5); браслет с незамкнутыми концами, трехгранный в сечении (курган № 15; рис. 12—1) и перстень из уплощенной проволоки (курган № 51; рис. 12—2); упомянем также шильце четырехгранное из кургана № 6 (рис. 12—3). Подобные и даже тождественные вещи, за исключением перстня, встречаются в абашевских могильниках Чувашии⁶. Спектральный анализ бляшки, пронизки, браслета и шильца показал, что они изготовлены из меди с незначительными примесями, из которых лишь мышьяк и серебро поднимаются до десятых долей процента. По мнению Е. Н. Черных⁷, производившего анализ, эти вещи по химическому составу относятся к абашевской культуре. Перстень, найденный в углисто-золистом слое ямки вне погребения (на глубине 29 см; курган № 51), изготовлен на медной основе с очень сложным химическим составом (так называемый «розовый томпак» со значительными примесями свинца и олова). Е. Н. Черных считает, что этот перстень по своему составу не находит аналогий в изделиях бронзового века и, скорее, относится к позднейшему времени. Возможно, он попал случайно в курган и датируется мерянским временем⁸.

Из других находок надо отметить небольшое количество кремневых изделий: пластинку с ретушью на конце и по краям; пластинку, обломанную с двух концов, с резовыми сколами по краям (курган № 18), и кремневые осколки, найденные в курганах № 15, 18 и 52/53. Первые две вещи и осколки обнаружены в погребениях.

В 12 курганах (№ 1, 6, 7, 11, 13, 15, 17, 18, 24, 25, 51 и 52/53) найдены сосуды в целом виде (курганы № 1, 13, 17, 24 и 52/53) и в обломках.

⁴ В. Ф. С м о л и н. Абашевский могильник в Чувашской республике. Чебоксары, 1928, стр. 22; О. А. К р и в ц о в а - Г р а к о в а. Абашевский могильник. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 94.

⁵ А. Х. Х а л и к о в. Указ. соч., стр. 154.

⁶ О. А. К р и в ц о в а - Г р а к о в а. Указ. соч., стр. 96, 97, рис. 40; А. Х. Х а л и к о в. Указ. соч., стр. 164, рис. 9, 14.

⁷ Е. Н. Ч е р н ы х. Результаты спектрального анализа металлических изделий из Кухмарского могильника. Архив ИА АН СССР (в отчете Верхневолжской экспедиции за 1960 г.).

⁸ Мерянское селище V—VI вв. н. э. расположено у северного подножия того же холма, что и Кухмарский могильник; большое селище находится у устья р. Кухмарь (верхний слой Кухмарской стоянки).

Встреченные сосуды разнообразны по форме и размерам; среди них есть баночные, колоколовидные, шаровидные и острореберные.

Сосуды баночной формы найдены в 3 экземплярах (курганы № 1 и 24 и один — из раскопок П. Н. Третьякова). Все они низкие, плоскодонные и небольших размеров. У двух из них — прямые стенки; один несколько расширен к горлу (рис. 10—1—3). Все они толстостенные, толщина стенок —

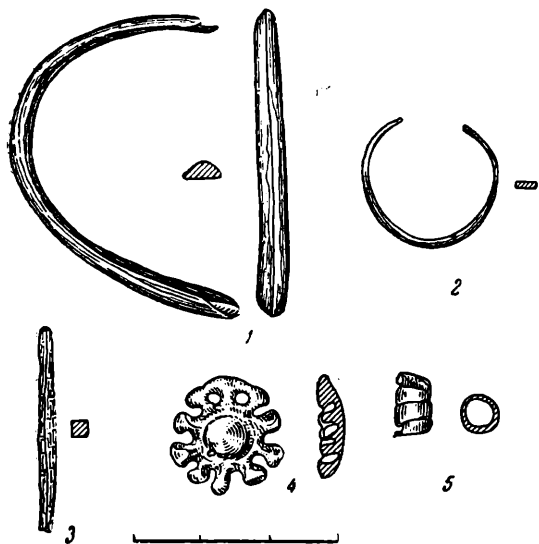

Рис. 12. Медные украшения и шильце.

1 — браслет (курган № 15); 2 — перстень (курган № 51);
3 — шильце (курган № 6); 4 — бляшка-розетка (курган № 24);
5 — пронызка (курган № 24).

от 0,5 до 0,9 см. Цвет — черный (закопченный). Орнамента нет, но один сосуд снаружи и внутри заштрихован гребенкой при зачистке. Снаружи бороздки идут вертикально ко дну (рис. 10—1). Эти сосуды найдены только в погребениях в юго-восточной части могильных ям. Баночные формы характерны для волжско-вятского варианта абашевской культуры⁹, но встречаются и в Чувашии, в Алгашинских¹⁰ и Абашевских курганах¹¹. Колоколовидные сосуды в целом виде обнаружены только в 2 экземплярах (курганы № 24 и 52/53). Диаметр горла их превышает диаметр тулова.

Сосуд из кургана № 24 (рис. 10—10) можно выделить как пример переходной формы (от круглого дна к плоскому). Цвет сосуда серо-желтый. В нескольких местах он закопчен; внешняя поверхность и внутренние стенки покрыты беспорядочной штриховкой (полосы и бороздки идут в разные стороны) от заглаживания гребенкой. Сосуд из кургана № 52/53 (рис. 10—11) круглодонный. Шейка непосредственно переходит в тулово, суживающееся книзу. Цвет черепка серо-желтый. По низу шейки вокруг сосуда идут две параллельных бороздки. Наружная поверхность покрыта продольными штрихами от заглаживания. К этому же типу сосудов следует отнести и часть верха сосуда из раскопок П. Н. Третьякова 1939 г. (рис. 10—7).

Колоколовидные сосуды часто встречаются в памятниках абашевской культуры на Волге, например, — в могильнике у с. Алгаши¹², в Васюковском¹³ и Абашевском могильниках¹⁴, во II Валоватовском¹⁵ в могильнике у дер. Катергино¹⁶, в кургане у дер. Пепкино¹⁷ и др. В абашевских памят-

⁹ А. Х. Халиков. Абашевские памятники Марийской АССР. МИА, № 97, 1961, табл. 1; е го же. Новые памятники абашевской культуры..., стр. 160, рис. 7, 1—4.

¹⁰ П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, стр. 35.

¹¹ В. Ф. Смолин. Указ. соч., стр. 52, рис. 17.

¹² К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале. СА, XXI, М., 1954, стр. 80, рис. 24, 12.

¹³ Там же, рис. 24, 21.

¹⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 95.

¹⁵ А. Х. Халиков. Абашевские памятники Марийской АССР, табл. III.

¹⁶ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, № 97, 1961, стр. 72, рис. 20, 4, 9.

¹⁷ А. Х. Халиков. Коллективная абашевская могила в кургане у дер. Пепкино. Доклад на секции бронзы пленума ИА АН СССР 7 апреля 1961 г.

никах Южного Урала (с. Баланбаш) также встречаются колоколовидные сосуды¹⁸. Особенно близки типу сосудов Кухмарского могильника колоколовидные из могильников Волго-Вятского междуречья¹⁹; отличаются они от приведенных аналогий только отсутствием орнамента. Этот тип сосудов (с заштриховкой) А. Х. Халиков считает наиболее ранним среди керамики абашевской культуры.

Сосуды шаровидные — широкогорлые, с высоким венчиком-раструбом, — встречаются в Кухмарском могильнике в 2 экземплярах и в обломках (3 сосуда). Два целых сосуда найдены в курганах № 13 и 17, сосуда в обломках — в курганах № 1 и 11.

Особо интересен круглодонный сосуд из кургана № 13 (рис. 13). Цвет поверхности желтый, местами видна закопченность; внутри — черный от копоти. Тулово шаровидное, шейка идет сильным раструбом наружу и (в отличие от колоколовидных сосудов) поставлена под углом к тулову. Почти вся наружная поверхность сосуда покрыта отпечатками мелкозубчатого штампа в виде косо-вертикальных насечек (7 рядов), разграниченных зигзагообразными линиями из насечек того же штампа. Вверху два раза идут по одной зигзагообразной линии, ниже — три раза по три зигзага, а внизу насечки разграничены четырьмя волнистыми бороздками, нанесенными тем же зубчатым штампом. Сосуд интересен еще и тем, что на внутренней стороне шейки нанесен крайне сложный рисунок (рис. 14—5).

По верху венчика идут косые насечки, ниже — зигзаг (волна?) и затем шесть рисунков: изображение рыбы, пораженной гарпуном; сложный предмет, возможно, рыболовная снасть (вентирь, верша и пр.?), и в ней — пойманная рыба; изображение рыбы; гарпун пятишипный; ромб, по-видимому изображающий рыбу; еще одно очень условное изображение рыбы (?). Возможно, весь рисунок носит пиктографический характер. Прямыми аналогий ему нет.

В кургане № 17 найден небольшой сосуд подобной же шаровидной формы с высокой шейкой-раструбом (рис. 10—4). Сосуд был желтым, но сильно закопчен. Снаружи видна штриховка от заглаживания.

Подобная близкая форма сосудов есть в Балановском могильнике (О. Н. Бадер), в фатьяновском Тимофеевском могильнике²⁰ и в фатьяновском погребении на стоянке у дер. Николо-Перевоз²¹. В абашевских могильниках подобные сосуды (без орнамента) найдены в Вилатове II и близкие, но с меньшей шейкой, — в курганах Волго-Вятского междуречья (Туруново, Тапшер и др.)²².

Рис. 13. Сосуд из кургана № 13.

¹⁸ К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 60, рис. 8, 2, 4, 5, 8.

¹⁹ А. Х. Халиков. Новые памятники абашевской культуры..., стр. 158, 159, рис. 5, 7—12.

²⁰ Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1960 г. Архив ИА АН СССР.

²¹ В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз. Труды ГИМ, Археологический сборник. М., 1960, стр. 33, рис. 3, 7, 9.

²² А. Х. Халиков. Новые памятники абашевской культуры..., стр. 158, 159, рис. 5, 13—18.

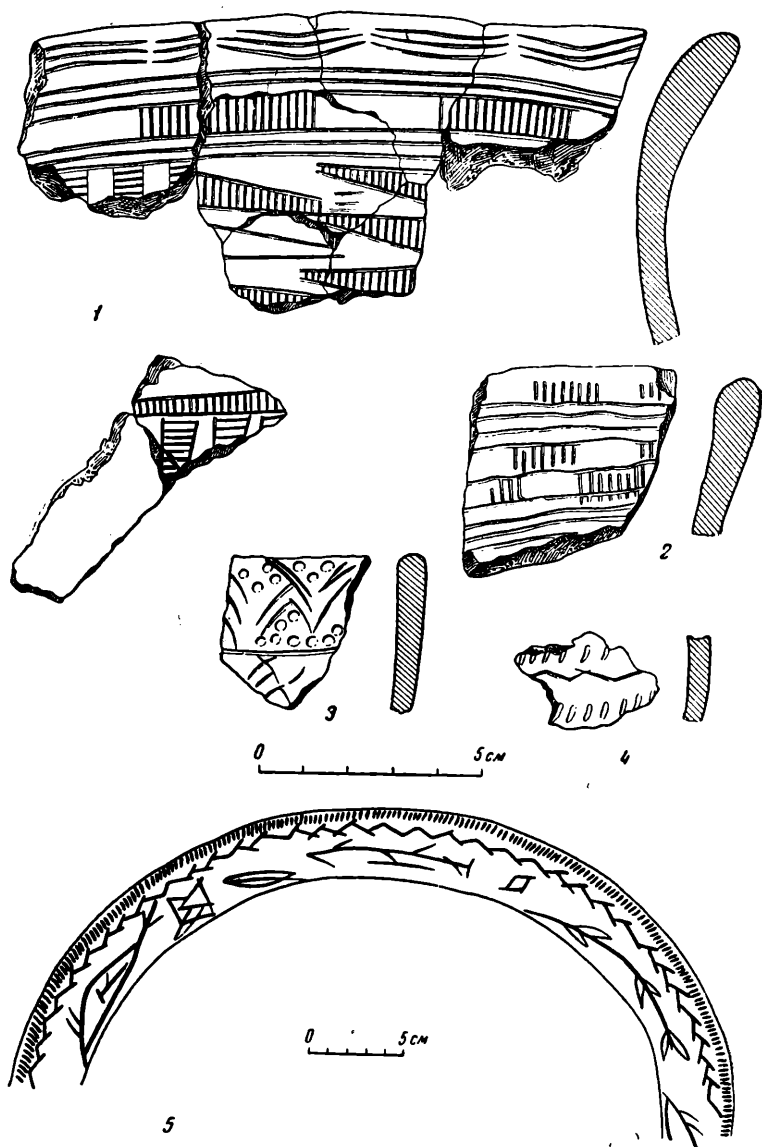

Рис. 14. Обломки сосудов (1—4) и рисунок на сосуде (5).

1 — из кургана № 7; 2 — из кургана № 25; 3 — из кургана № 18; 4 — из кургана № 15;
5 — рисунок на сосуде из кургана № 13 (см. рис. 13).

Близок по типу описанным выше сосуд из погребения № 1 (курган № 1). Его шейка также отогнута наружу. По низу шейки и плечикам нанесен орнамент в виде 3—4 бороздок, характерных для абашевских сосудов. На шейке — сквозное отверстие (рис. 10—8).

К этому же типу, по-видимому, следует отнести сосуд (в обломках) из кургана № 11 (рис. 10—9). Сосуд желтый, местами закопчен; снаружи, и внутри заштрихован. Обломки таких же сосудов обнаружены в курганах № 1, 6 и 51.

Совершенно иной по форме остророберный сосудик со слегка уплощенным дном²³, найденный около очага № 1 в кургане № 6. Он очень неболь-

²³ Сосуд реставрирован в нижней части, а верхняя остается неясной, но, по-видимому, он имел обычную форму, встречающуюся в абашевских памятниках.

ших размеров, орнаментирован вертикальными нарезками по ребру, а верху идет нарезной зигзаг с 3—5 горизонтальными нарезками над вершинами треугольников зигзага (рис. 10—5). Сосуды такой формы найдены на селищах Баланбаш²⁴ и Мало-Кизыльском²⁵, в урочище Частые курганы²⁶, в Башкирии в могильнике Метев-Томак²⁷, а памятниках Волго-Вятского междуречья²⁸ и могильниках абашевской культуры в Чувашии²⁹. Этот тип встречается всюду в абашевских памятниках, но сосуд из Кухмарского могильника ближе к найденным в чувашских памятниках: на нем ребро идет ниже середины и дно уплощенное.

К этому же типу надо отнести сосуд, обнаруженный на Кухмарском могильнике в 1939 г. (рис. 10—6)³⁰. Он близок острореберным; его дно несколько уплощено, почти вся внешняя поверхность покрыта орнаментом, нанесенным мелкозубчатым штампом. Подобные по форме сосуды известны и в Абашевском могильнике³¹.

Несколько особняком стоит тонкостенный небольшой сосудик с фатьяноидным орнаментом в виде двух косо-вертикальных насечек штампа и зигзага между ними (рис. 14—4). Сделан сосуд из глины с примесью толченой раковины.

В курганах № 7 и 25 вне погребений встречены орнаментированные черепки (рис. 14—1, 2), которые относятся к большим толстостенным колоколовидным сосудам. Цвет их — желтый; шейки плавно переходят в тулово. Орнамент на них сложный, состоящий из зигзагообразных бороздок, чередующихся вертикальных нарезок, расположенных группами между горизонтальными бороздками, и здесь же — тройные «лесенки», нанесенные вертикально и горизонтально. По наблюдениям А. Х. Халикова, такие сосуды всегда встречаются только в насыпях курганов, как, например, в погребениях Виловатово II³². Подобные мотивы орнаментики часто отмечаются и на посуде из других абашевских памятников (Абашевский и Васюковский могильники, селище Баланбаш и др.). Что касается обломков сосуда из кургана № 18 (рис. 14—3), то нанесенный на них орнамент в виде небольших круглых ямок и треугольников также характерен для абашевской культуры. Неглубокие круглые ямки были излюбленным элементом орнамента абашевцев.

Итак, в результате исследования Кухмарского могильника прослежены следующие особенности обряда погребения:

1. Могильные ямы выкапывались в грунте на небольшую глубину. Их единообразная ориентировка с северо-запада на юго-восток (в основном) свидетельствует об установившемся обряде погребения. Эта ориентировка наблюдалась на разных краях могильника (курганы № 1 и 24).

2. Отсутствие костяков в могильных ямах и мощные очаги и кострища вокруг могил приводят к мысли о трупосожжении, но в могильных ямах и в окружающих их очагах и кострищах нет кальцинированных костей, что исключает возможность бытования этого обряда. Наоборот, некоторые факты свидетельствуют о трупоположении: во-первых, — находка фрагмен-

²⁴ К. В. С а л ь н и к о в. Указ. соч., стр. 80, рис. 24, 26.

²⁵ Там же, рис. 24, 27.

²⁶ П. Д. Л и б е р о в. Курганы и поселения эпохи бронзы в урочище Частые курганы. Доклад на секторе неолита и бронзы ИА АН СССР в марте 1961 г.

²⁷ А. В. З б р у е в а. Могильник Метев-Томак. КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 28—36.

²⁸ А. Х. Х а л и к о в. Новые памятники абашевской культуры..., стр. 158—160, рис. 6, 1, 2, 4, 7, 8, 10, 11, 12 (из могильников Нартасы, Туруново и Кугунур).

²⁹ А. Х. Х а л и к о в. Новые памятники абашевской культуры..., стр. 160. Автор упоминает о сходных сосудах в могильниках Абашево, Тауш-Касы, Алгаши, Васюково, Пикшик, Катергино.

³⁰ Коллекция Ярославского государственного музея-заповедника, № 14516.

³¹ О. А. К р и в ц о в а - Г р а к о в а. Указ. соч., стр. 94, рис. 38.

³² А. Х. Х а л и к о в. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР, табл. III.

та черепа в погребении № 1 кургана № 13, в юго-восточном крае могильной ямы, т. е. там, где большей частью находится череп в абашевских захоронениях; во-вторых,— разные размеры могильных ям, которые, по-видимому, выкапывали с учетом роста погребяемого; в-третьих,— темное заполнение могильных ям, получившее свой цвет не только от присутствия углей, а скорее, от сгнивших скелетов, одежды и дерева; наконец,— расположение сосудов в северо-западной части ямы — в ногах. Добавим, кроме того, что во многих абашевских могильниках кости тоже плохо сохраняются³³.

3. Залегание на линии горизонта вокруг могильных ям значительного зольного слоя, большое количество углей в могилах (скоплениями и одиночных), очаги и кострища, прокаленность почвы под ними, растрескавшиеся от продолжительного накаливания крупные очажные камни, угольки в насыпи курганов и мощные кострища в ровиках,— все это свидетельствует о большом значении огня в ритуале захоронений Кухмарского могильника, что также характерно для погребального обряда абашевских племен³⁴.

Костры, по-видимому, продолжали гореть в ровиках долгое время и после насыпки курганов, а над очагом № 1 (курган № 6) с самого верха шла воронка, заполненная углями; возможно, и этот очаг горел после устройства насыпи. Анализ углей из очагов и кострищ курганов № 6, 7, 15, 51 и 52/53 показал, что угли в основном принадлежат сосне и в небольшом количестве — лиственным породам.

4. Впервые прослежены ограждения из камней вокруг могильных ям и присутствие камней в насыпи, свидетельствующих о каких-то сооружениях вокруг могил и под ними. Остатки каменных «столбов» (курганы № 13 и 24) также подтверждают это. Округлые рыжевато-темные пятна, сходящие на конус, прослеженные около могильных ям,— это, возможно, остатки каких-то деревянных сооружений («идолов» и пр.).

5. Могильные ямы, по-видимому, некоторое время стояли открытыми, что подтверждается «затеками» зольного слоя по их краям и наличием в заполнении большого количества углей. Затем, могилы, вероятно, как-то перекрывались и присыпались землей и камнями. Очаги и кострища продолжали гореть, и около них совершались поминки, о чем свидетельствуют находки обломков глиняной посуды (курганы № 6, 7, 18, 51 и пр.) и сосудов над присыпанными могилами (курганы № 1, 11 и 52/53). Курганы насыпались, видимо, по истечении определенного срока, требуемого обрядом, так как в подавляющем большинстве курганов — только по одному погребению. Затем зажигались костры в ровиках и опять совершались поминки (находки обломков сосудов в ровиках).

6. Вокруг могил были деревянные ограждения; столбы от такой ограды хорошо прослежены за пределами кургана № 6. Подобные столбы обнаружены Н. Я. Мерпертом при раскопках курганов у с. Пикшик, Чебоксарского района, Чувашской АССР³⁵.

7. Находки обломков глиняных сосудов, разбитых преднамеренно, вокруг могил и в ровиках указывают на обряд неоднократных поминок или жертвоприношений в течение длительного времени и на обычай бить посуду и разбрасывать ее вокруг могильной ямы, а после сооружения курганов — вокруг них. В этой связи следует отметить находки камней около разбитых сосудов в могилах.

По полученным данным можно с уверенностью отнести исследуемый памятник к абашевской культуре. Вместе с тем необходимо отметить в нем и особые, отличительные черты (форму и орнаментику сосудов, каменные

³³ О. А. Кривцова - Гракова. Указ. соч., стр. 95; А. Х. Халиков. Новые памятники абашевской культуры..., стр. 152, 153, 155.

³⁴ О. А. Кривцова - Гракова. Указ. соч., стр. 94; В. Ф. Смолин. Указ. соч., стр. 32; А. Х. Халиков. Новые памятники абашевской культуры..., стр. 151.

³⁵ Н. Я. Мерперт. О так называемых Абашевских курганах. Доклад на секторе неолита и бронзы ИА АН СССР в 1959 г.

ограждения, очаги и пр.), заставляющие причислить его к особому варианту абашевской культуры — северо-западному. Судя по штриховке (заглаживанию) поверхности сосудов, что считается ранним признаком, большому количеству круглодонных сосудов и химическому составу металлических изделий, — Кухмарский могильник следует отнести к ранней стадии абашевской культуры; это также подтверждается фактами бытования здесь фатьяновских традиций (расположение могильника на холме, камни вокруг могил, грунтовые могильные ямы и их форма, обмазка могил глиной, посыпка в них углей, круглодонность сосудов, общие мотивы в орнаментике).

Существование памятников абашевской культуры на берегах Плещеева озера, вдали от ее центров, неизбежно ставит перед исследователем вопрос о причинах появления здесь подобных памятников. Нам представляется, что их происхождение должно быть увязано с памятниками балановского варианта фатьяновской культуры. Как раз вокруг Плещеева озера во многих местах обнаружены отдельные находки балановской керамики (на стоянках Польцо³⁶ и у Вашутинского озера³⁷), а на поселении и могильнике Дикариха найдено значительное количество балановской керамики позднего типа³⁸. Если еще прибавить находки балановской керамики на стоянке Николо-Перевоз³⁹ и сосуды с баланоидной орнаментикой из могильников Московской группы (Истринского, Протасовского, Верейского и Буньковского), то получается, что там, где распространены фатьяновские памятники балановского типа, находятся и абашевские ранние (Чувашия).

Наши исследования по фатьяновской культуре⁴⁰ показали, что балановские племена двигались по Окско-Клязьминской речной системе к востоку и осели на Волге (Чувашия). Возможно, в районе этой речной системы они продолжали бытовать и позже, на что указывают находки поздних балановских вещей; бассейн же Переславского озера как раз входит в эту речную систему. Находки памятников абашевской культуры в пределах этой системы не одиноки (Огубь, Калужской области⁴¹, курганы абашево-фатьяновского типа⁴² близ дер. Петриха, раскопанные П. С. Савельевым, стоянка Подборица-Щербининская⁴³ и др.).

Совпадение территории распространения ранних памятников абашевской культуры с ареалом балановских невольно ставит вопрос о каких-то взаимоотношениях и даже преемственности в их развитии. По-видимому, фатьяновские памятники балановского типа были (наряду с другими) одним из основных компонентов в создании абашевской культуры, возникшей в какой-то связи с экспансией срубных племен в область племен — создателей восточного варианта фатьяновской культуры. Вопрос о возникновении абашевской культуры так же сложен, как и проблема происхождения фатьяновской. Мы не собираемся в данной статье решать их. Дальнейшие исследования в области истоков фатьяновской культуры приведут нас к решению этой проблемы.

³⁶ Коллекция Переславского районного музея. См. А. Я. Никитин. Отчет о работах на неолитическом поселении Польцо в Ярославской области в 1958 г. Архив ИА АН СССР, № 1772.

³⁷ И. К. Цветкова. Отчет о раскопках стоянки на Вашутинском озере под г. Переславлем в 1959 г. Архив ИА АН СССР, № 1914.

³⁸ А. Я. Никитин. Отчет Переславского отряда Верхневолжской экспедиции в 1959 г. Стоянка Дикариха. Архив ИА АН СССР.

³⁹ Коллекция ГИМ из раскопок Б. С. Жукова; В. М. Раушенбах. Указ. соч., стр. 33, рис. 3, 2—5.

⁴⁰ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. Свод археологических источников СССР. М., 1961.

⁴¹ В. А. Гордцов. Огубь. Курганы Малоарского района, Калужской области. Коллекция ГИМ, № 5474.

⁴² А. А. Спицын. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, 1905, стр. 77.

⁴³ И. К. Цветкова. Новый памятник волжской культуры близ г. Переславля-Залеского. Тр. ГИМ, М., 1960, стр. 50; е е же. Стоянка Подборица-Щербининская. СА. 1961, № 2.

И. И. АРТЕМЕНКО

ПОСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕДНЕПРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Поселения бронзового века на территории Верхнего Поднепровья впервые были обнаружены в 1924—1932 гг. в результате обследований, произведенных К. М. Поликарповичем¹, Н. А. Лявданским², А. Д. Коваленей³ и С. С. Шутовым⁴ на Верхнем Днестре и Соже.

На основании изучения керамики, собранной на обследованных поселениях, К. М. Поликарпович высказал мнение о близости их памятникам фатьяновской культуры⁵.

В 1945 г. Т. С. Пассек, характеризуя памятники среднеднепровской культуры, выделила для территории Верхнего Поднепровья особую днепро-деснинскую группу памятников⁶; сейчас мы считаем возможным относить их к днепро-деснинскому варианту среднеднепровской культуры. Однако до последнего времени ни одно из поселений днепро-деснинского варианта среднеднепровской культуры не подвергалось археологическим раскопкам.

В 1956—1959 гг. Белорусским отрядом Верхнеднепровской археологической экспедиции Института археологии АН СССР, под руководством автора, проведены раскопки на поселениях бронзового века в урочищах Завалье, Иванское, Борок-Семиновский⁷ у с. Лучин, Рогачевского района; у с. Малье Роги⁸, Жлобинского района, Гомельской области, и у г. Быхова⁹, Могилевской области.

Наиболее интересно и важно для характеристики поселений днепро-

¹ К. М. П а л і к а р п о в і ч. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа. Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кніга 5. Працы катэдр археалёгіі, т. I, Менск, 1928; е го ж е. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа. Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кніга 11. Працы Археалёгічнай камісіі, т. II, Менск, 1930.

² Н. А. Л я в д а н с к и й. Некоторые данные о каменном веке и о культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. Смоленск, 1927; Н. А. Л я у д а н с к і. Археалёгічныя досьледы у вадаразборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі у Смаленскай губэрні. Працы Археалёгічнай Камісіі, т. II, Менск, 1930.

³ А. Д. К о в а л е н ь. Археалёгічныя разьведкі у Магілеускай, Бабруйскай і Менскай акругах. Працы Археалёгічнай камісіі, т. II, Менск, 1930.

⁴ К. М. П а л і к а р п о в і ч. Досьледы культур каменнага і бронзавага пэрыяда у усходняй Беларусі. Працы Археалёгічнай камісіі, т. II, Менск, 1930.

⁵ К. М. П а л і к а р п о в і ч. Археалёгічныя памяткі. Працы катэдр археалёгіі, т. III, Менск, 1932, стр. 249.

⁶ Т. С. П а с с е к. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

⁷ Завалье — раскопки 1956—1957 гг.; Иванское и Борок-Семиновский — раскопки 1957 г.; материал хранится в ГИМ.

⁸ Раскопки 1958 г. см. И. И. А р т е м е н к о. Из археологических работ в Верхнем Поднепровье в 1958 г. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961.

⁹ Раскопки 1959 г. Материал хранится в Могилевском областном краеведческом музее.

деснинского варианта среднеднепровской культуры поселение Ксендзова Гора у г. Быхова, Могилевской области.

Под названием «Ксендзова Гора» среди местного населения известен песчаный задернованный бугор, расположенный в пойме правого берега Днепра, на расстоянии примерно 4 км к югу от г. Быхова. В этом месте Днепр образует дугообразную извилину. Бугор заметно возвышается над окружающей местностью и хорошо виден на большом расстоянии. Высота его над поймой — 4,5 м, от уровня воды в Днепре — 8,38 м. Бугор — удлиненной формы (длина его к моменту раскопок — 55 м), ориентирован по длине с востока на запад. Вершина его уплощена. Южный склон пологий, северный — крутой. Западная часть бугра на протяжении более 30 м разрушена в результате выборки песка для строительства. Восточная сторона размывается водами Днепра.

Поселение на Ксендзовой Горе впервые обследовал К. М. Поликарпович в 1928 г.¹⁰ В 1959 г. с западной стороны бугра заложено два раскопа общей площадью 420 кв. м. Раскоп I (284 кв. м) заложен у края бугра, где при обследовании в наибольшем числе встречались фрагменты керамики и кремневые орудия. В восточной части его количество находок, по сравнению с западной частью, значительно уменьшалось. Для определения восточной границы поселения в 7 м от первого раскопа заложен второй площадью 136 кв. м. Длина его с юга на север составила 34 м, ширина с востока на запад — 4 м.

На площади раскопа II найдено лишь несколько фрагментов керамики и отщепов кремня. Толщина культурного слоя — 5—7 см. Таким образом, от поселения сохранилась лишь небольшая часть общей площадью примерно 450—500 кв. м. Стратиграфия раскопа I следующая: под дерновым покровом и слоем желтого песка, толщина которого равнялась 0,2—0,25 м, залегал песок темно-серого цвета; в нем и были сосредоточены находки — керамика и кремневые орудия. Толщина культурного слоя достигала 0,3—0,35 м. Ниже шел желтый песок без находок. На глубине 0,5—0,6 м удалось обнаружить 14 ям от столбов (диаметр — 20—30 см, глубина — 30—35 см), 3 очажных ямы и 3 очага, сложенных из камней (рис. 15).

Очажные ямы — овальные или округлые углубления в желтом песке, заполненные золой или мелкими углями. По длине они ориентированы с юга на север. Очажная яма № 1 (квадраты 13—14) — овальная; длина ее — 1,1 м, ширина — 0,4—0,78 м, глубина — 0,2 м. Очажная яма № 2 (квадраты 14—15 и 18—19) — округлая; диаметр ее — 0,8 м, глубина — 0,35 м. В заполнении ее найден обожженный кремневый наконечник стрелы треугольной формы. Рядом с очажной ямой обнаружена яма от столба. Очажная яма № 3 (квадрат 26) была овальная, длиной 1,2 м, шириной 0,7 м, глубиной 0,4 м.

Интересны сложенные из камней очаги. Они также ориентированы по длине с юга на север. Очаг № 1 (квадрат 1) обнаружен на глубине 0,45 м. Он сложен из трех крупных гранитных обломков, причем два из них лежали параллельно друг к другу, а третий — перпендикулярно к ним с северной стороны. Очаг № 2 (квадрат 50), открытый на глубине 0,6 м, состоял из двух крупных камней, положенных параллельно на расстоянии 17 см. Между камнями — ямка, углубленная в желтый песок на 15 см. Очаг был заполнен золой и древесным углем. По определению Г. Н. Лисицыной, древесный уголь — осины. На очаге найдены обломки плоскодонного сосуда баночной формы. Поверхность сосуда — желто-серого цвета; в глиняной массе — примесь песка и кварца. На наружной и внутренней поверхностях заметны штрихи от сглаживания; на дне и стенках сосуда — нагар.

Очаг № 3 (квадрат 62) обнаружен на глубине 0,6 м. Он сложен из 11 мелких камней и одного крупного. Длина очага — 55 см, ширина — 15 см,

¹⁰ К. М. П о л и к а р п о в и ч. Досліддя культур каменнага і бронзавага пэрыядау..., стр. 265.

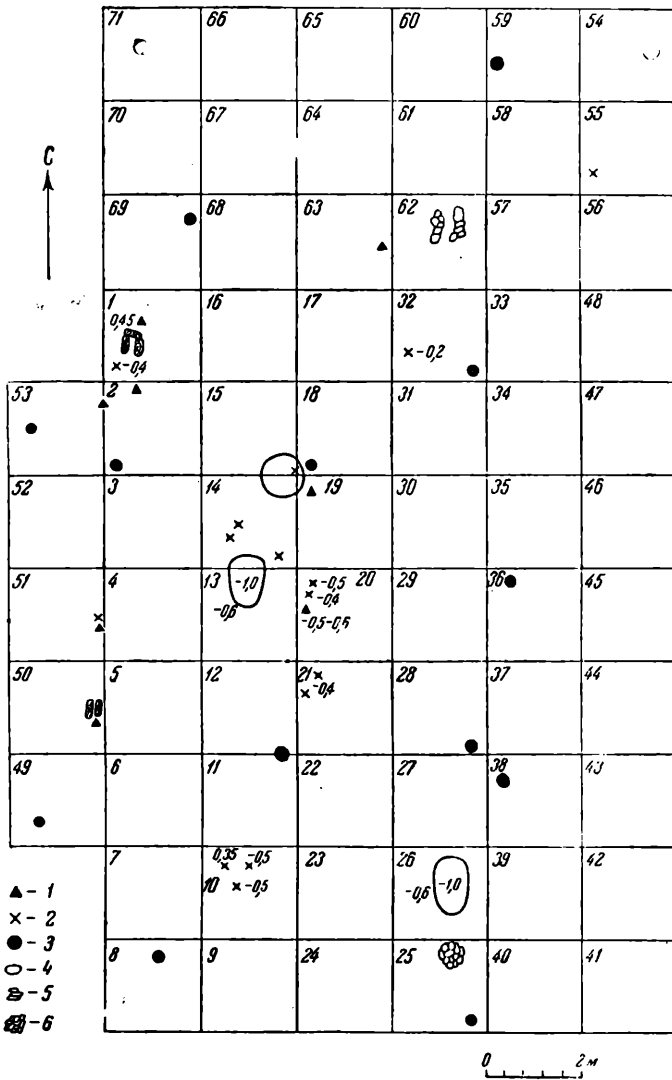

Рис. 15. План раскопа 1 на поселении Ксэндзова Гора.

1 — скопления керамики; 2 — кремневые наконечники стрел; 3 — ямы от столбов; 4 — очажные ямы; 5 — очаги из камней; 6 — выкладка из камней

глубина — 18 см. Очаг был заполнен золой и древесным углем. По определению Г. Н. Лисицкой, древесный уголь принадлежал сосне. На глубине 0,6 м обнаружена (квадрат 25) округлая выкладка из камней, плотно прилаженных друг к другу. Расположение выкладки (ее диаметр — 0,8 м) вблизи очажной ямы позволяет думать о каком-то ее хозяйственном назначении.

Ямы от столбов, очаги и очажные ямы, обнаруженные на поселении Ксэндзова Гора, очевидно, относятся к наземным жилищам, определить планировку которых невозможно.

В результате раскопок поселения на Ксэндзовой Горе получен небольшой, но очень интересный материал, относящийся к эпохе бронзы. При толщине культурного слоя 0,3—0,35 м насыщенность его находками сравнительно слабая. Кремневые орудия и керамика концентрировались, главным

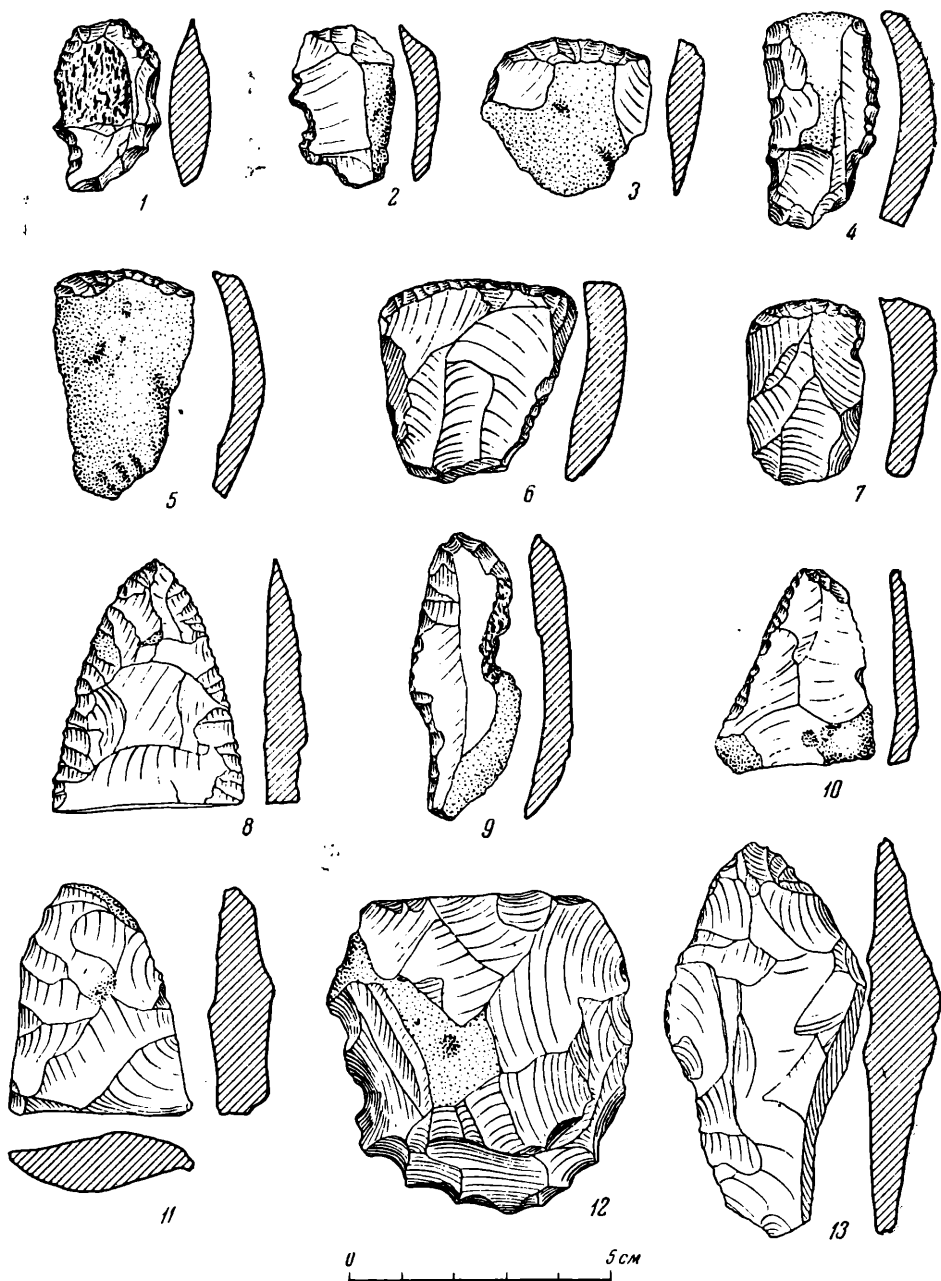

Рис. 16. Кремневые орудия с поселения Ксандзова Гора.

1—7 — скребки; 8 — обломок наконечника копья; 9, 10 — ножи; 11 — обломок каменного топора; 12 — скребло; 13 — заготовка наконечника дротика.

образом, у очагов. На поселении найдено 76 орудий из кремня и камня, 120 отщепов и кусков кремня и 228 фрагментов керамики.

Кремневые орудия изготовлены из темно-серого и серого мелового кремня. Среди них наиболее многочисленны скребки (35 экземпляров) на обломках пластин и на отщепах различной формы, с сохранившейся меловой коркой (рис. 16 — 1—7). Среди скребков есть 3 экземпляра с вогнутым рабочим краем (рис. 16—1, 2). Скребла (10 экземпляров) изготовлены на

крупных, массивных отщепах и кусках кремня. Рабочий край обработан короткими, но широкими продольными сколами (рис. 16—12).

Ножи (5 экземпляров) сделаны на тонких пластинах с ретушью по одному из краев со стороны спинки (рис. 16—9, 10).

Клиновидные топоры представлены 4 обломками верхней части. Сечение их овальное и линзовидное (рис. 16—11).

Весьма интересны кремневые наконечники стрел.

На поселении их найдено 12 экземпляров. Наконечники обработаны струйчатой ретушью. По форме их можно разделить на листовидные (рис. 17—1, 7), ромбовидные (рис. 17—2, 3), треугольные с намечающимся черешком (рис. 17—4, 5) и треугольные с выемкой в основании (рис. 17—8—11). По количеству преобладают треугольные, с выемкой в основании. Этот тип характерен для памятников бронзового века. Но вместе с ними найдены наконечники ромбовидной формы, которые встречаются обычно на поздненеолитических стоянках Верхнего Поднепровья. Можно предполагать, что находки на поселении бронзового века поздненеолитических типов наконечников стрел указывают на существование

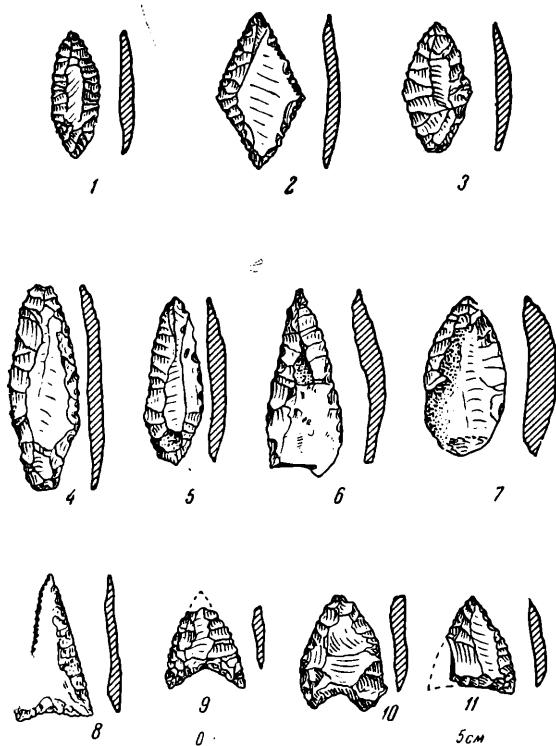

Рис. 17. Кремневые наконечники стрел с поселения Ксендзова Гора

каких-то контактов между племенами бронзового века и поздне-неолитическим населением Верхнего Поднепровья.

На поселении найдены также две заготовки, по-видимому, наконечников дротиков (рис. 16—13) и один обломок наконечника копья листовидной формы, обработанного плоской двухсторонней ретушью (рис. 16—8).

Среди орудий из камня — обломок (обушная часть) каменного топора, гранитный отбойник шаровидной формы и обломок зернотерки.

Наиболее интересна и важна для характеристики поселений бронзового века Верхнего Поднепровья керамика. На поселении Ксендзова Гора она представлена фрагментами 18—20 сосудов, которые можно разделить на 3 группы.

К первой группе относятся сосуды с прямым, отогнутым наружу, горлом, округлым туловом и, по-видимому, плоским дном. Толщина стенок — 0,8 см. Поверхности сосудов красновато- или серовато-коричневого цвета. Глиняная масса сильно песчанистая, с примесью мелкого кварца. Сосуды изготовлены ручным способом. Обжиг неравномерный, часто встречаются темные пятна. Наружная и внутренняя поверхности сосудов носят следы тонкой штриховки от заглаживания, — по-видимому, пучком травы. Орнамент покрывает только верхнюю часть сосуда. Он нанесен перевитой веревочкой, линейным и зубчатым штампом, палочкой, обмотанной ниткой или

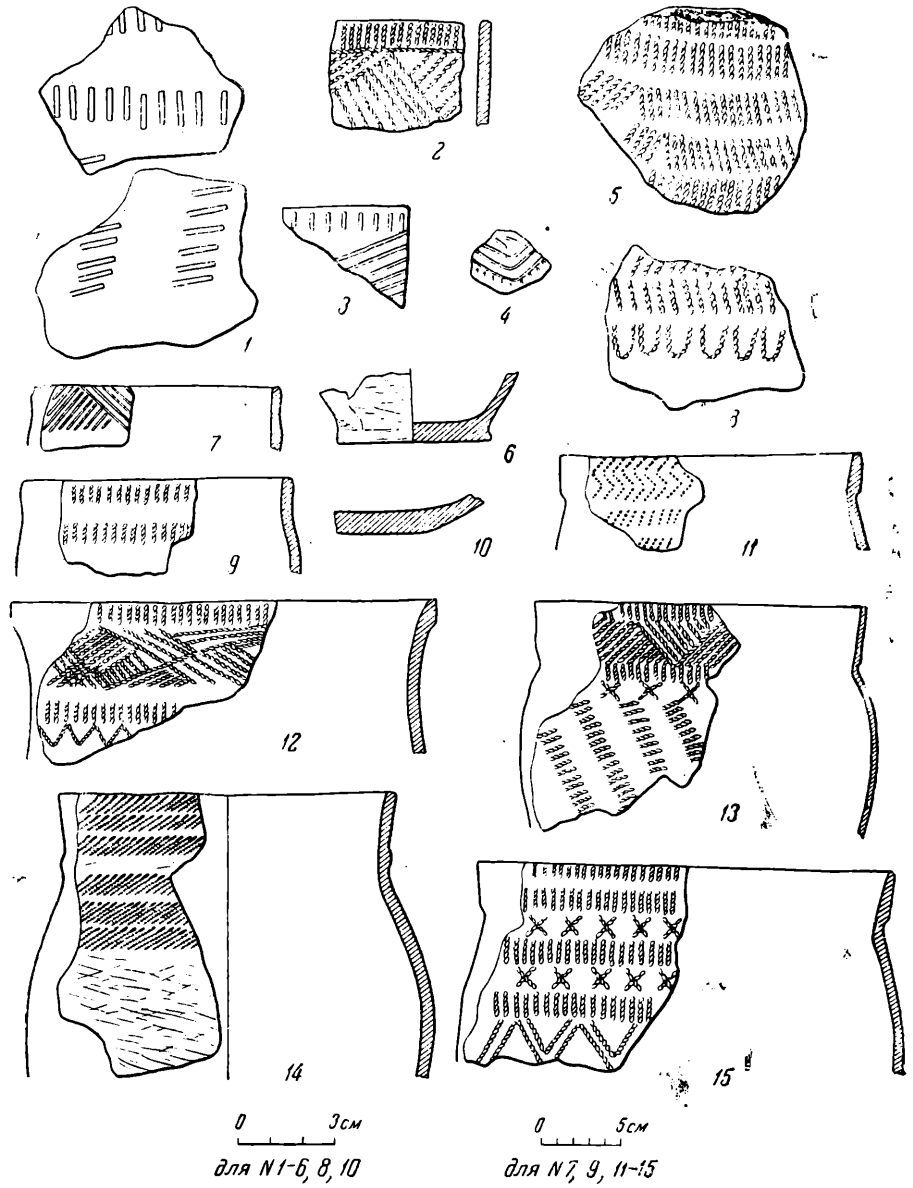

Рис. 18. Керамика с поселения Ксандзова Гора (1—15).

тонким шнуром, нарезными линиями. Узор образует заштрихованные треугольники, елочку, систему косых и горизонтальных рядов (рис. 18—1, 5, 7—9, 11—15). Первая группа на поселении наиболее многочисленна: к ней можно отнести фрагменты 13—14 сосудов. В связи с тем, что на сосудах этой группы заметны следы нагара, а в погребениях аналогичные сосуды не встречаются, считаем возможным отнести намеченную нами первую группу к типу керамики, характерной только для поселений днепро-деснинского варианта среднеднепровской культуры.

Вторая группа представлена всего лишь одним сосудом, неорнаментированным, плоскодонным, баночной формы, с прямыми сверху и суживающимися ко дну стенками. Поверхность — желто-серого цвета; в глиняной массе — примесь песка и кварца. На внутренней и наружной поверхностях заметны штрихи — следы сглаживания, по-видимому, травой; на дне и

стенках — следы нагара (рис. 18—6). На поселениях сосуды этого типа встречаются в единичных экземплярах. На поселениях в урочище Завалье у с. Лучин, Рогачевского района, Гомельской области обнаружены фрагменты 5 аналогичных сосудов; у дер. Малые Роги, Жлобинского района, Гомельской области¹¹ найден один сосуд баночной формы. В погребениях аналогичные сосуды встречаются обычно вместе с керамикой днепро-деснинского варианта среднеднепровской культуры. Они известны из раскопок грунтового могильника на Соже в урочище Стрелица у дер. Рудня-Шлягинская, Ветковского района, Гомельской области¹². В кургане, раскопанном автором в 1960 г. в пойме Днепра, у дер. Ходосовичи, Рогачевского района, Гомельской области встречено погребение, сопровождавшееся одним сосудом баночной формы¹³. Таким образом, керамика второй группы встречается и на поселениях, и в погребениях днепро-деснинского варианта среднеднепровской культуры.

К третьей группе керамики поселения на Ксендзовой Горе можно отнести фрагменты от 4—5 сосудов, которые по форме и технике обработки отличаются от посуды первой группы. Сосуды этой группы тонкостенные (толщина стенок — 0,4—0,5 см), с хорошо заглаженной поверхностью. Глиняная масса плотная, с небольшой примесью песка. Поверхность — желтого и серого цвета. У сосудов — высокое прямое, отогнутое наружу горло, шаровидное тулово и округлое или уплощенное дно¹⁴. Орнамент расположен только по горлу или доходит до половины высоты сосуда. Так же как и на керамике первой группы, узор состоит из нарезных линий и отпечатков перевитой веревочки, образующих горизонтальные ряды или соприкасающиеся сторонами заштрихованные треугольники (рис. 18—2—4). Сосуды третьей группы из поселения на Ксендзовой Горе находят полные аналогии в керамике из погребений днепро-деснинского варианта среднеднепровской культуры. Керамика третьей группы на поселениях встречается в значительно меньшем количестве, чем первой группы, а в погребениях она обычна, и поэтому ее можно считать керамикой, характерной для погребений днепро-деснинского варианта среднеднепровской культуры.

Поселение на Ксендзовой Горе — первое на территории Верхнего Поднепровья однослойное поселение среднеднепровской культуры, подвергшееся археологическим раскопкам. Материал, полученный в результате раскопок, дает возможность выделить на территории Верхнего Поднепровья большую группу поселений, культурные слои которых обычно не однослойны и относятся к позднему неолиту и эпохе бронзы. К таким памятникам следует прежде всего отнести поселение в урочище Завалье у с. Лучин, уже упоминавшееся нами. Оно расположено с северной стороны села, на краю боровой террасы, возвышающейся над поймой на 1,6—1,8 м, на расстоянии 250 м от берега Днепра. Культурный слой здесь прослеживается на площади 170 × 30 м. Впервые поселение обследовал А. Д. Коваленя¹⁵ в 1928 г. Собранную на поверхности керамику он датировал эпохой неолита и бронзы.

В 1956—1957 гг. на поселении были проведены раскопки общей площадью 310 кв. м. Культурный слой мощностью 0,2—0,25 м залегал под растительным покровом на глубине 15—20 см. Он состоял из темно-серого песка с вкраплением мелких углей. Ниже шел желтый песок без находок. В результате раскопок собраны керамика и кремневые орудия. В культурном слое фрагменты разных типов керамики располагались совместно на

¹¹ Раскопки автора в 1956—1957 гг. Материал хранится в ГИМ.

¹² Раскопки автора в 1958 г. Материал хранится в Гомельском областном краеведческом музее. См. И. И. А р т е м е н к о. Указ. соч.

¹³ Раскопки Е. Г. Галановой в 1954 г. Сосуд хранится в Гомельском областном краеведческом музее.

¹⁴ Сосуды хранятся в Гомельском областном краеведческом музее.

¹⁵ А. Д. К о в а л е н я. Указ. соч., стр. 151.

различной глубине. Данных для разделения культурного слоя на разновременные горизонты пока нет. Но здесь наблюдается явное смещение двух одновременных слоев — эпохи неолита и бронзы, часто встречающееся в условиях песчаных почв.

Керамика по форме и технике обработки резко разделяется на два комплекса.

Неолитическая керамика представлена сосудами с коническим или яйцевидным дном, слегка выпуклым туловом и с прямыми или немного сведенными в верхней части стенками. Венчики прямые или отогнутые наружу. Края венчиков часто бывают тоньше стенок, толщина которых — 0,7 — 0,9 см. Поверхность — желтого и красновато-коричневого цвета. В глиняной массе — примесь песка и кварца. Встречается также в небольшом количестве растительная примесь. Внутренняя поверхность обычно заглажена зубчатым штампом. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда и дно или только верхнюю часть. Как правило, на всех сосудах под венчиком с наружной стороны нанесен ряд глубоких круглых ямок. Орнамент состоит из отпечатков гребенки, поверхностных ямочных вдавлений, оттисков конца палочки, обмотанной ниткой или тонким шнуром («лапчатый»). Он образует горизонтальные и диагональные ряды, елочные композиции, вертикальные прямые или зигзагообразные пояски, разделенные неорнаментированными зонами (рис. 19 — 1—4). По характеру керамики стоянку можно датировать поздним неолитом — концом III тысячелетия до н. э.

Керамику бронзового века из урочища Завалье, так же как и керамику с поселения Ксендзова Гора, по формам и технике обработки можно разделить на три группы. К первой группе относятся плоскодонные сосуды с округлым туловом и отогнутым наружу горлом. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда или только верхнюю часть. Он состоит из отпечатков линейного штампа и сложенной вдвое перевитой веревочки (рис. 19 — 7—9, 13—15). Есть фрагменты, украшенные по краю венчика или в месте соединения шейки с туловом ногтевыми вдавлениями, которые комбинируются с отпечатками линейного штампа (рис. 19 — 5, 6). К этой группе сосудов, по-видимому, следует отнести многочисленные фрагменты с кружковым орнаментом, комбинирующимся с отпечатками линейного штампа (рис. 19—16). Вторая группа керамики поселения Завалье представлена фрагментами от 5—6 сосудов, плоскодонных, баночной формы, с прямыми, суживающимися книзу, стенками. Края венчиков наискось срезаны внутрь. На обеих поверхностях — следы тонкой штриховки от заглаживания, по-видимому, травой (рис. 19—17). Керамика третьей группы тонкостенная, хорошо обожженная, с небольшой примесью песка в тесте. Цвет изнутри — черный или серый, снаружи — желтый, серый, коричневый. Орнамент состоит из отпечатков веревочки, линейного штампа и прочерченных линий. Он образует горизонтальные ряды и соприкасающиеся сторонами заштрихованные треугольники (рис. 19 — 10—12).

Кремневые скребки, ножи, наконечники стрел и другие орудия, найденные на поселении Завалье, разделить на два одновременных комплекса значительно труднее, чем керамику. Но все же наконечники стрел (3 экземпляра) треугольной формы, с прямым основанием и выемкой в нем, могут быть отнесены к комплексу бронзового века. Этим же временем можно датировать и два обломка кремневых полированных клиновидных топоров, овальных в сечении. На поселении обнаружены два кострища овальной формы с большим количеством золы и древесного угля (размеры кострищ — 1,9×0,87 м, 1,3×0,6 м). При расчистке кострищ в золе найдены фрагменты керамики бронзового века.

Очень интересны остатки наземного жилища с очагом в центре. Очаговая яма — чашевидной формы (диаметр ее — 0,6 м, глубина — 0,22 м); вокруг нее на площади 3,75×3 м открыто большое скопление золы, древесного угля и обгоревшей древесной коры, образовавшееся, видимо, от

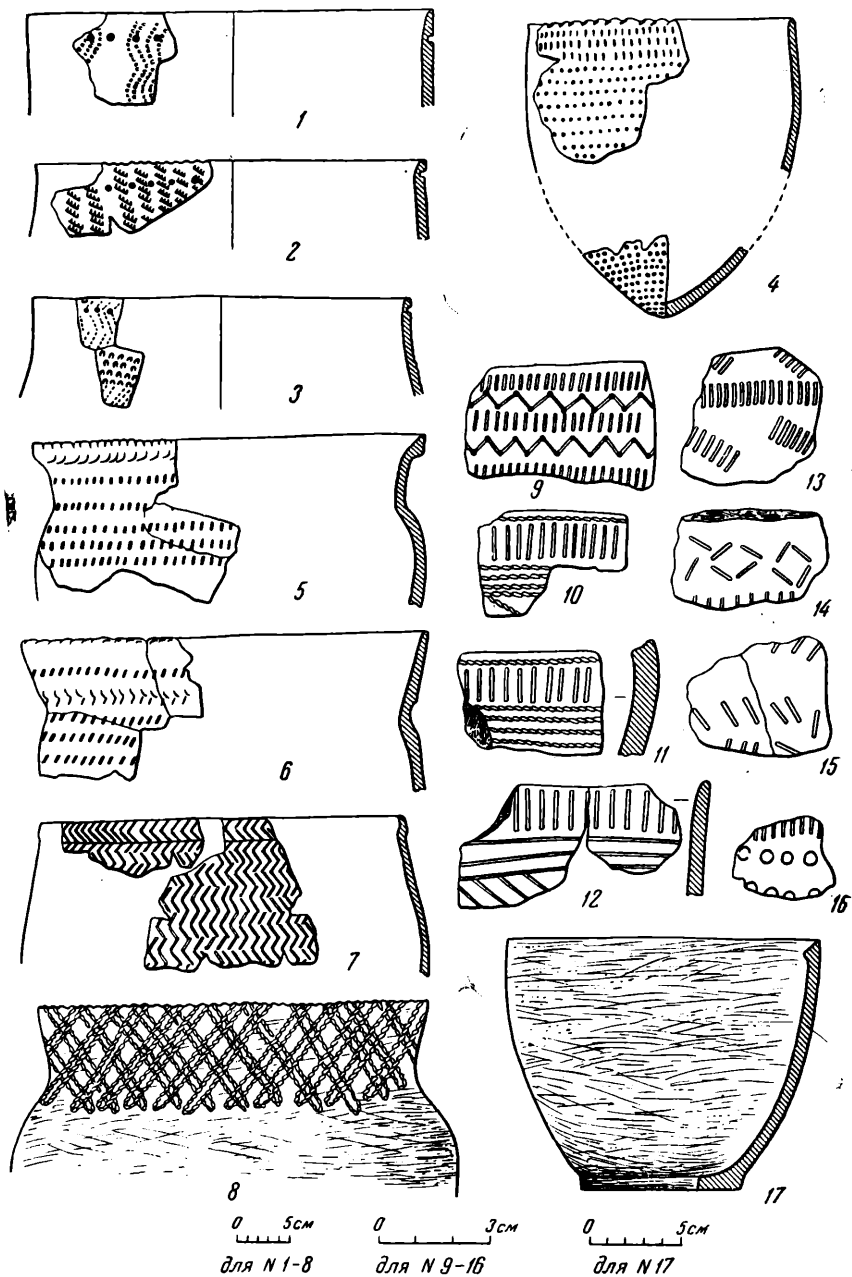

Рис. 19. Керамика с поселения Завалье.

1—4 — неолитическая керамика; 5—17 — керамика среднеднепровской культуры

сгоревшей кровли жилища. При расчистке золы и обгоревшего дерева найдены фрагменты керамики среднеднепровской культуры. Вблизи очажной ямы обнаружены также 8 сгоревших столбов, длина которых, судя по сохранившимся остаткам — 1,8—2,2 м. Диаметр ям от столбов — 0,25—0,3 м, глубина ям — 0,3—0,8 м. К сожалению, по сохранившимся остаткам невозможно установить форму и размеры жилища.

Таким образом, в результате раскопок на поселениях Ксендзова Гора и Завалье можно считать установленной постройку на поселениях днепро-

деснинского варианта среднеднепровской культуры наземных жилищ с очагами внутри. На Соже из разведок К. М. Поликарповича¹⁶ в 1924—1932 гг. известно около 40 поселений, на которых вместе с неолитической керамикой встречена керамика среднеднепровской культуры. Среди них следует отметить поселения в урочище Замостевье и дер. Присно, у дер. Ухов, у поселка Пролетариат, в урочище Наддача, у дер. Юрковичи, в урочище Чечуровка, у дер. Рудня-Шлягинская, Ветковского района Гомельской области; в урочище Бурьяка у дер. Каменка, Славгородского района, Могилевской области, между Лоевом и Сусловкой, Лоевского района, Гомельской области, на которых была собрана большая коллекция посуды, относящейся к описанным выше трем группам керамики эпохи бронзы, известным для поселений Ксендзова Гора и Завалье¹⁷. На Десне поселения среднеднепровской культуры открыты в урочище Бельнец на левом берегу Днепра, напротив дер. Подлужье, Жуковского района, Брянской области¹⁸, в урочище Черепеньки в г. Брянске, у дер. Сапычи, Погарского района и у дер. Лопушь, Выгоничского района, Брянской области¹⁹. Находки керамики среднеднепровской культуры (по-видимому, эта керамика происходит с поселений) известны у дер. Золотники, Олишевского района у дер. Евминки, Остерского района, Черниговской области²⁰. На Сейме у дер. Волинцево, Путивльского района, Сумской области Д. Т. Березовец во время раскопок в 1948 г. славянского городища обнаружил керамику среднеднепровской культуры, происходящую, по-видимому, с разрушенного поселения²¹. Аналогичная керамика обнаружена Т. Н. Никольской в 1959 г. в верховьях Оки, на городище железного века у дер. Лужки, Кромского района, Орловской области. По сообщению Т. Н. Никольской, керамика среднеднепровской культуры на городище концентрировалась по краю мыса²².

На Припяти из разведок Ю. В. Кухаренко нам известны находки керамики среднеднепровской культуры у дер. Велемичи, Давид-Городокского района и у деревень Горновое и Терebin, Пинского района²³.

Новые местонахождения керамики среднеднепровской культуры расширяют наши представления о территории распространения памятников, характеризующих эту культуру. В настоящее время можно установить топографические условия расположения поселений днепро-деснинского варианта среднеднепровской культуры. Преобладающее число их находится в пойме реки, на песчаных дюнах или останцах (Ксендзова Гора, Борок-Семиновский, Малые Роги, Замостевье, Чечуровка, Наддача и др.). Известны также поселения, расположенные по краю боровой террасы (Завалье, Бельнец и на высоких мысах, вдающихся в пойму (Иванское, Невасино, Волинцево, Лужки и др.).

На основании анализа керамики устанавливается несомненная культурная общность перечисленных выше поселений и известных на Верхнем Днестре (Могилев, Ходосовичи, Большая Зимница), Соже (Стрелица, Печуры, Беседки), Десне (Бельнец, Белые Берега, Куракин Бор, Мыс-Очкинский) и Неруссе (Брасово) погребений днепро-деснинского варианта среднеднепровской культуры.

¹⁶ См. указанные работы К. М. Поликарповича на стр. 64, сноски 1 и 4 данного сборника.

¹⁷ Материал хранится в секторе археологии Института истории Академии наук Белорусской ССР.

¹⁸ Раскопки М. Е. Фосс в 1954 г. Материал хранится в ГИМ.

¹⁹ Ф. М. Заверняев. Поселения эпохи бронзы на Десне. КСИА АН УССР, вып. 10, 1960, стр. 65.

²⁰ Материал хранится в ИА АН УССР.

²¹ Там же.

²² Материал хранится в Орловском областном музее. Пользуюсь случаем выразить Т. Н. Никольской глубокую признательность за информацию о находках керамики среднеднепровской культуры.

²³ Приношу глубокую благодарность Ю. В. Кухаренко за ценные сведения о памятниках бронзового века Припятского Полесья.

А. И. МЕЛЮКОВА

КУРГАН УСАТОВСКОГО ТИПА У СЕЛА ТУДОРОВО

В 1959 г. Скифский отряд Молдавской экспедиции в поисках могильника, одновременного поселению эпохи поздней бронзы, исследованному в 1958—1959 гг. у с. Тудорово, провел раскопки одного из курганов в группе, находящейся на расстоянии около 0,5 км от поселения.

На возвышенном плато к западу от с. Тудорово (Каушанского района, Молдавской ССР), на поле Кырнекар расположено 8 курганных насыпей, вытянутых неправильной цепочкой с севера на юг, на расстоянии 35—45 м друг от друга. В результате распашки курганы сильно расплылись, границы и формы их нечеткие. Большинство насыпей едва заметно на современной поверхности, и только три из них достигают 1,5—2 м высоты.

Для раскопок избран курган в центре группы — на заброшенном винограднике. Насыпь неправильной сферической формы (вершина уплощена), высотой 1,28 м от современной поверхности, диаметром около 20 м — состояла из чернозема. Ровик вокруг не обнаружен. В северной поле вскрыты остатки каменного кольца шириной около 2 м, которым было обложено основание насыпи. Сохранились крупные и более мелкие известняковые плиты и камни без каких-либо следов обработки. В южной поле камней не оказалось; возможно, они были выбраны при глубокой распашке под виноградник.

В насыпи, главным образом, в юго-западном секторе, на разной глубине встречены обломки лепных сосудов усатовского типа, с характерным веревочным орнаментом, из глины с примесью толченых раковин. Наряду с ними, найдено 6 фрагментов стенок эллинистических амфор.

В кургане обнаружены 10 погребений и центральная могильная яма, ограбленная в древности.

Могильная яма основного погребения, для которого был сооружен курган, находилась почти под центром насыпи, в южной ее половине. Она вырыта в материковом суглинке; выкид довольно широким кольцом окружал ее на уровне древнего горизонта (рис. 20). На слое выкида из могилы отмечен тлен от тростникового настила, на котором лежал слой сгнившего дерева. При расчистке удалось установить, что деревянные плахи или бревна были положены в два ряда, перекрывая друг друга, причем один ряд лежал в направлении с северо-востока на юго-запад, второй — с юго-востока на северо-запад. По-видимому, это остатки перекрытия могилы. Над самой ямой оно не сохранилось, так как было разрушено при ограблении. Может быть, по краю яма была окружена каменным кольцом, или камни, наряду с тростником и деревом, служили для перекрытия могилы. Во время ограбления часть этих камней попала на дно ямы, другая часть находилась в ее засыпи, а третья была выброшена на насыпь. В заполнении могилы и грабительского хода, который шел в северо-восточной поле кургана, встречены разрозненные человеческие кости и фрагменты боль-

шого сосуда, сделанного из коричневато-оранжевой глины и хорошо обожженного.

В засыпи могильной ямы на глубине 0,4 м от древней поверхности обнаружен непо потревоженный скелет ребенка, очень плохо сохранившийся.

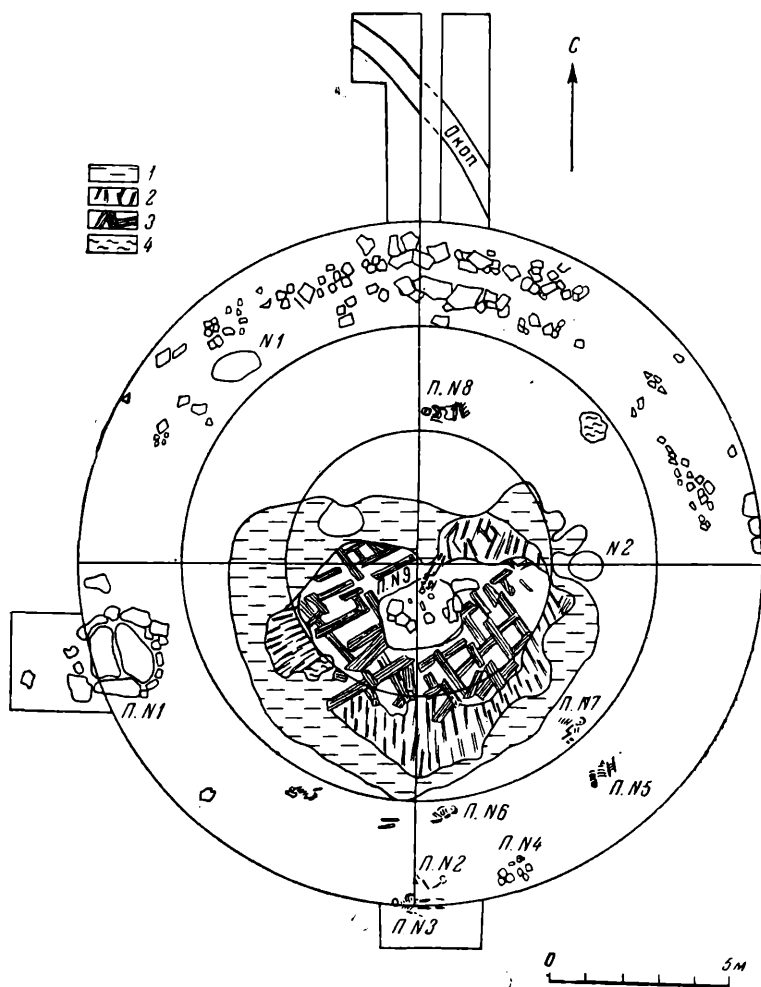

Рис. 20. План кургана № 1 у с. Тудорова.

1 — материковый выкйд; 2 — тростниковая подстилка; 3 — деревянный настил; 4 — остатки кострища; № 1, 2 — культовые ямы.

По-видимому, это погребение совершено после ограбления могилы. Судя по уцелевшим костям, младенец был положен на левом боку, головой на юго-восток. От скелета остались лишь незначительные обломки черепной крышки и часть грудной клетки.

В засыпи могилы найдены часть каменного сверленого топора, медное шило (рис. 21 — 3), медное долото (рис. 21 — 1), обломок медной пластины или ножа (рис. 21 — 2).

Могильная яма, ориентированная с востока-северо-востока на запад-юго-запад, прямоугольная в плане, размером 2,25×2 м, с закругленными углами, была углублена в материке на 1,55 м (от уровня древнего горизонта). Стенки ее были вертикальными, дно — плоским и ровным; на нем не сохранилось никаких следов погребения. В центре лежал кусок красной охры. У восточной стены обнаружены 4 небольших ямки для

столбов, вероятно, служивших опорой для перекрытия; у западной стены найдены два крупных известняковых камня.

Очевидно, также до сооружения курганной насыпи совершено погребение № 1 под юго-западной полой кургана, в овальной могильной яме. По краю, на уровне древнего горизонта, яма была окружена кольцом из камней, а сверху покрыта двумя массивными известняковыми плитами,

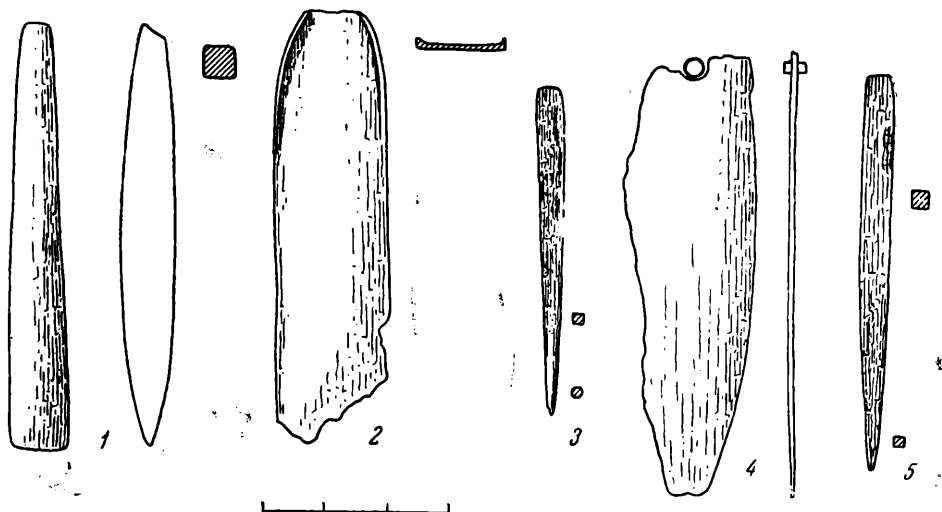

Рис. 21. Медные изделия из центральной могильной ямы и из погребения № 1.

1 — долото; 3, 5 — шилья; 2, 4 — обломки ножей (?) (1—3 — из центральной могилы; 4, 5 — из погребения № 1).

осевшими под собственной тяжестью внутрь могилы. Размеры одной плиты — $1,8 \times 1,1 \times 0,45$ м, второй — $1,7 \times 0,9 \times 0,3$ м. Плиты, как и камни, окружавшие устье, были неровными, без следов дополнительной обработки. Камни стояли на ребре несколько наклонно, образуя как бы воронку, расширяющуюся сверху.

Могильная яма длиной 2,5 м, шириной 2,1 м, вытянута с востока на запад, ко дну несколько суживалась ($2,25 \times 1,82$ м). Она вырыта в материковом суглинке на глубину 1,3 от уровня древней дневной поверхности. Дно ровное и плоское; на нем в центре ямы лежал скелет женщины (?), на спине, ноги согнуты, голова обращена на восток (рис. 22). Череп покоился лицевой частью на левом плече. Правая рука была согнута в локте и положена на грудь, левая — согнута в локте и вытянута вперед; кисть ее повернута к черепу. На тазовых костях лежал большой камень. Таз полностью разрушен. От ног уцелели лишь бедренные кости. Судя по их положению, ноги были согнуты в коленях и повернуты на левый бок. Кости скелета очень плохо сохранились, особенно череп. Скелет окрашен красной охрой.

У левого плеча обнаружен медный нож, сильно окислившийся и фрагментированный (рис. 21—4). Слева у черепа найдены две подвесочки из коренных молочных зубов оленя. Возле южной стенки стояли 4 больших сосуда (рис. 22; рис. 23—5, 6; рис. 24). Пятый сосуд вместе с упавшей с него крышкой находился у западной стенки (рис. 23—3, 4). Недалеко от него оказалось медное шило (рис. 21—5). У правого локтя лежал кусок красной охры. Под сосудом № 1 обнаружено 59 подвесок из коренных молочных зубов оленя (рис. 25—1).

В норе суслика, на дне могилы, была найдена амфорная ручка, затащенная зверьком, по-видимому, из верхних слоев курганной насыпи и не имевшая никакого отношения к погребению.

С этими двумя основными погребениями или только с центральной

могилой связаны две культовые ямы. Одна из них (№ 1) находилась в северо-западном секторе кургана. В плане она была неправильно-овальной формы и ориентирована по длинной оси с востока на запад. Длина ее — 1,3 м, ширина в центре — 0,9 м; яма была углублена в материк на 0,1 м. На дне, в центре прослеживалось округлое пятно золы, диаметром около 0,5 м. У западного края пятна лежали 2 камня со следами копти, а у восточного — фрагмент трипольского расписного сосуда; второй фрагмент того же сосуда найден в центре зольного пятна. У восточной стенки ямы расчищены 2 скопления обломков этого сосуда (сосуд склеен; рис. 23—1). К востоку от зольного пятна, рядом с ним, лежали 3 обломка кости ноги крупного животного.

Яма № 2 была расположена в 4,5 м от центра кургана на запад. В плане она — неправильно-округлая, диаметром 0,9 м; ко дну она суживалась. Дно заглублено в материковый суглинок на 1,75 м от уровня древнего горизонта; заполнение составлял чернозем с суглинком. На дне никаких находок не оказалось, но в заполнении у юго-западной стенки найден небольшой лепной сосудик с орнаментом в виде ряда горошин под венчиком и маленькой петельчатой ручкой (рис. 23—2). В глине — примесь толченых ракушек, поверхность заглажена; цвет сосуда серовато-коричневый.

Под насыпью обнаружены 2 кострища; одно из них вскрыто на древней дневной поверхности, на расстоянии 5 м от центра кургана по его оси на север и 3,75 м от оси на восток. В плане оно овальное и ориентировано с северо-запада на юго-восток; длина его — 0,9 м, ширина — 0,7 м. В кострище были обожженные кости, среди которых преобладали обломки трубчатых костей мелких животных. Здесь же найдены 3 фрагмента стенок кухонных сосудов (усатовского типа) из глины с примесью толченых ракушек.

Остатки второго кострища находились на выкиде из центральной могильной ямы на расстоянии 3,5 м по оси кургана на юг и 3 м от оси на запад. Пятно, состоявшее из золы и пережженных костей животных, было неправильной формы и ориентировано с северо-запада на юго-восток. Длина его — 1,1 м, ширина в центре — 0,6 м. Толщина слоя — 0,15 м. Оба кострища, вероятно, имели ритуальное значение. По-видимому, в ритуальных же целях было совершено погребение собаки. Скелет ее обнаружен на древнем горизонте под насыпью, в юго-западной части кургана. Костяк, ориентированный головой на юг, лежал на левом боку; ноги слегка согнуты в коленях, кости окрашены красной охрой.

Может быть, одновременно с основным совершено и погребение № 8. Скелет взрослого человека обнаружен в древнем черноземе на глубине

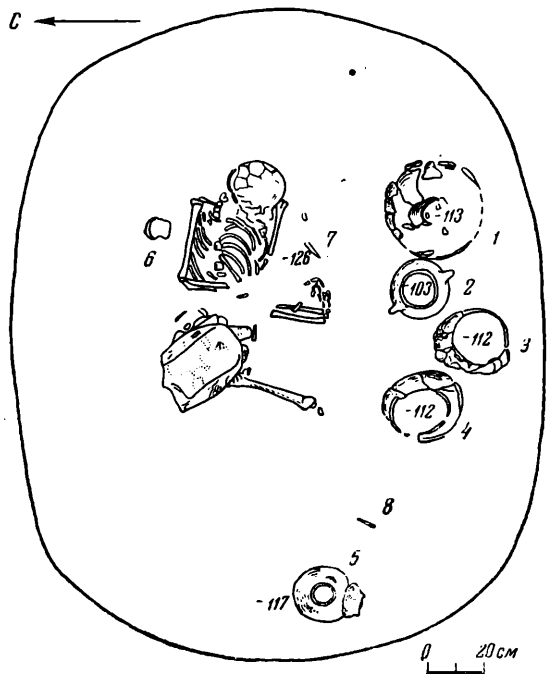

Рис. 22. План погребения № 1.

1—5 — сосуды; 6 — охра; 7 — нож; 8 — шило.
(Цифры со знаком минус — отметки глубины).

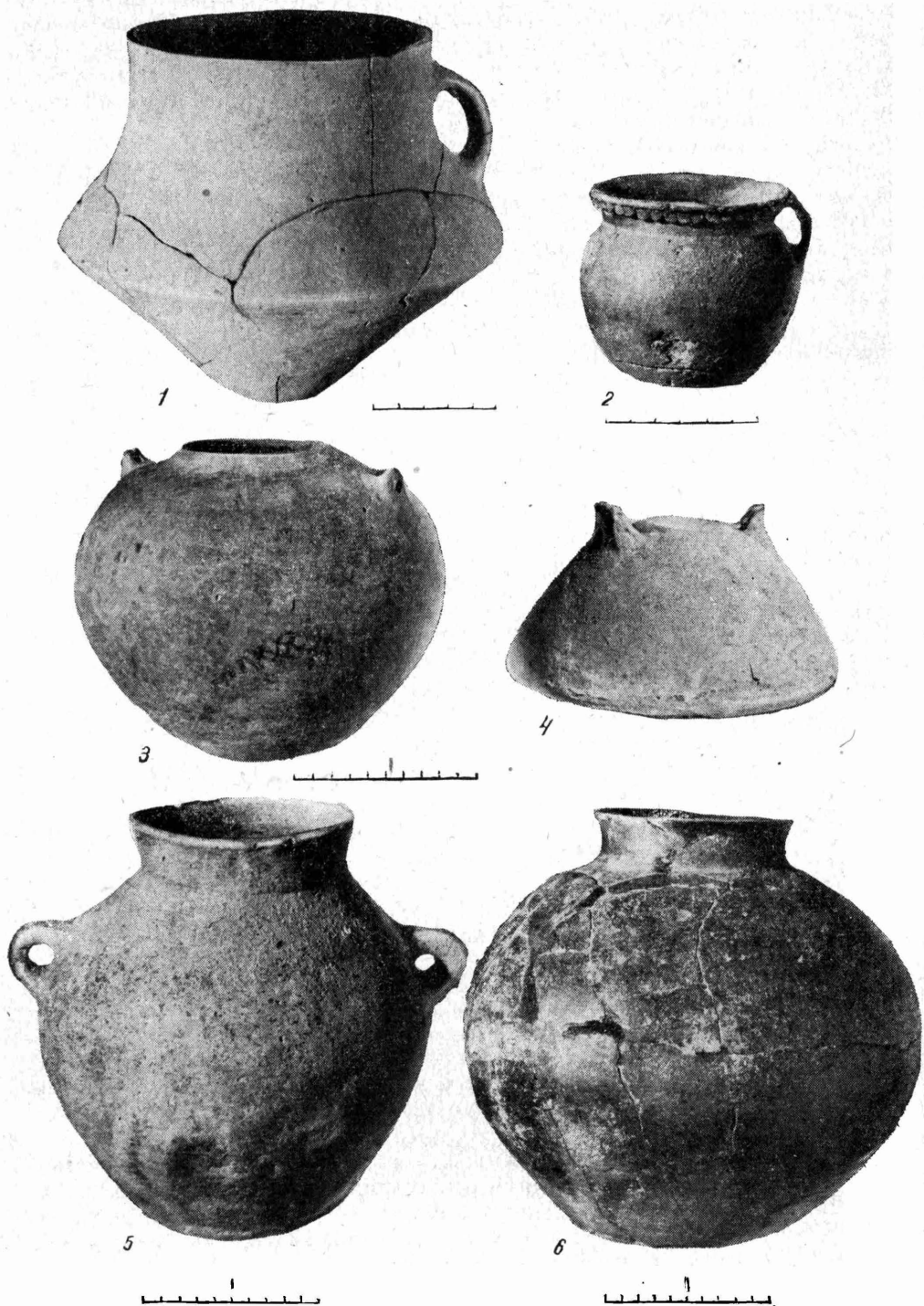

Рис. 23. Сосуды из культовых ям и из погребения № 1.

1 — из ямы № 1; 2 — из ямы № 2; 3—6 — из погребения № 1.

1,71 м от вершины кургана, на расстоянии 4,5 м на север (по осевой линии) и 0,1 м на восток от оси кургана. Покойник погребен на спине, головой на запад. Череп, раздавленный землей, покоился на левом виске; руки протянуты вдоль туловища, ноги согнуты в коленях и положены налево. Скелет был окрашен красной охрой. Вещей не оказалось. По обряду погребение № 8 аналогично погребению № 1, за исключением того, что скелет здесь ориентирован на восток, а не на запад.

Остальные погребения, исследованные в кургане, существенно отличаются от описанных и совершенно позднее. Для них была использована готовая курганная насыпь.

Центральная могила, погребения № 1 и 8, две ритуальные ямы, два кострища и курганная насыпь, обложенная камнями по основанию, относятся к погребениям усатовского типа. Близкие памятники открыты М. Ф. Болтенко и Е. Ф. Лагодовской у с. Усатово под Одессой¹. Такие же курганы известны в некоторых других местах на юге Украины, а также на левом берегу Днестра в районе г. Тирасполя (раскопки И. Я. Стемпковского у сел Парканы, Терновка, Красногорка и у г. Тирасполя)². На правом берегу Днестра курган усатовского типа раскопан впервые, хотя отдельные грунтовые погребения усатовского типа были случайно открыты в Каушанском районе, между селами Паланка и Раскайцы³.

Материалы из кургана у с. Тудорова, относящиеся к памятникам усатовского типа, находят близкие аналогии не только среди инвентаря курганных могильников, но и в грунтовых могильниках этой культуры. Среди последних особенно интересен Выхватинский могильник, исследованный Т. С. Пассек⁴.

Для керамических комплексов этих памятников характерно сочетание позднетрипольской расписной посуды, сделанной из хорошо отмученной розовато-оранжевой или оранжевой глины и расписанной черной и красной красками, и более грубой керамики, изготовленной из глины с примесью толченых ракушек. Эти сосуды часто бывают украшены веревочным орнаментом. Наряду с этим, есть и сосуды, сделанные из плотной глиняной массы с примесью песка или мелко толченного шамота. Поверхности тех и других сосудов тщательно заглажены и иногда даже залощены.

Керамика, найденная при наших раскопках, вполне соответствует позднетрипольской посуде усатовского типа, характеристика которой дана Т. С. Пассек и Е. Ф. Лагодовской. В погребении № 1 и в культовой яме

Рис. 24. Сосуд из погребения № 1

¹ М. Ф. Болтенко. Раскопки Усатово-Большекуляницкого поля культурных остатков. ВООК, № 2-3, Одесса, 1925; В. И. Селинов и Е. Ф. Лагодовская. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. СА, V, 1940; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 194 и сл.

² И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, стр. 22 и сл. Керамика из этих курганов описана Т. С. Пассек: Т. С. Пассек. La céramique tripolienne. ИГАИМК, вып. 122, Л., 1935.

³ О. Ф. Лагодовська. Пам'ятки усатівського типу. «Археологія», т. VIII, Київ, 1953, стр. 99 и сл.

⁴ Т. С. Пассек. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 80 и сл.; е е же. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 г. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 78 и сл.

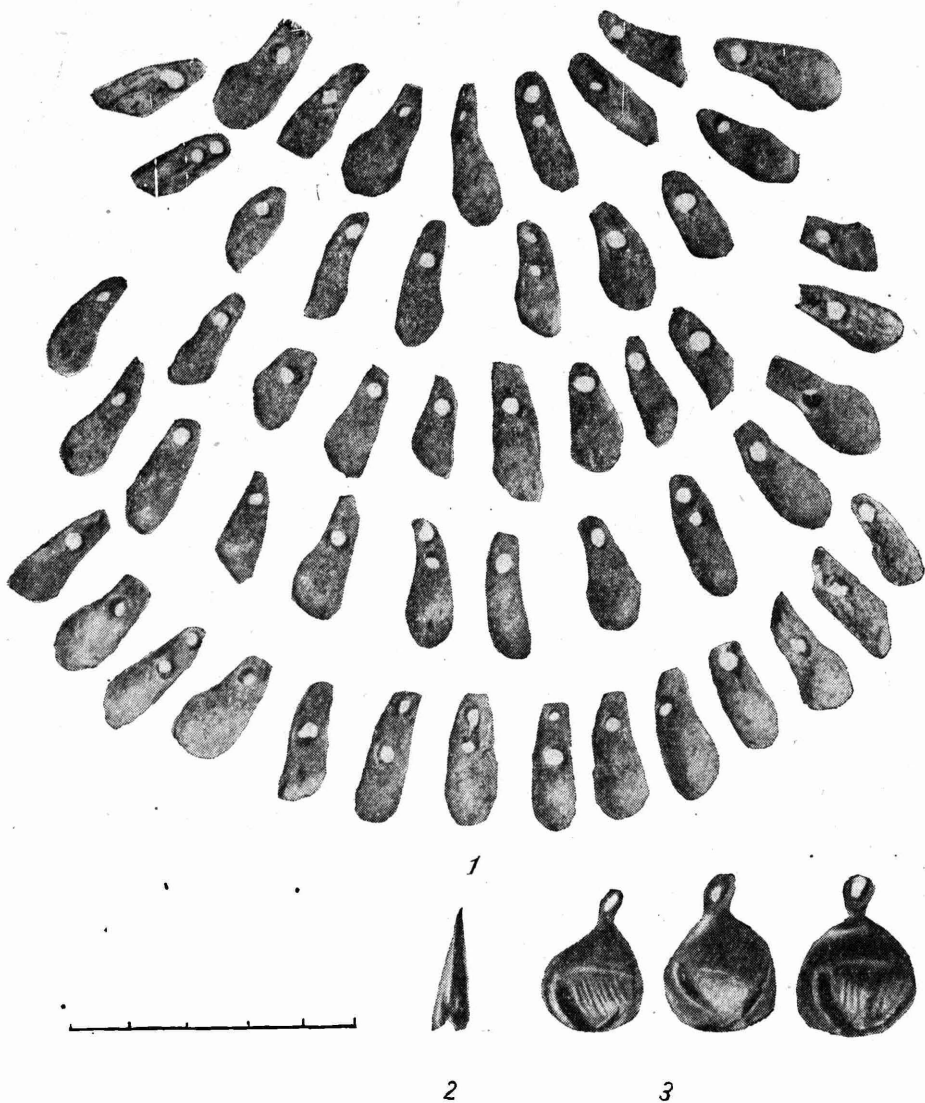

Рис. 25. Вещи из погребений.

1 — подвески из коренных зубов оленя из погребения № 1; 2 — бронзовый наконечник стрелы из погребения № 3; 3 — бронзовые бубенчики из погребения № 9.

№ 1 обнаружены три обычных поздне трипольских расписных сосуда из розовато-оранжевой глины (рис. 23 — 1, 3, 4). Следы росписи сохранились только на одном из них — на сосуде с шаровидным туловом из погребения № 1. Ясно видна сетка, нанесенная черной краской; слабее заметны полосы красной краски.

К керамике, довольно характерной для памятников усатовского типа, принадлежат 2 сосуда с невысоким узким горлом, шаровидным туловом и небольшим дном, встреченные в погребении № 1 (склеен только один из них; рис. 23 — 6). Они сделаны из глины с примесью толченых ракушек. Поверхности их лощеные, темно-серого, почти черного цвета, с желтоватыми пятнами. Под венчиком одного из них — орнамент в виде горошин, а в месте перехода от шейки к плечу — горизонтальная полоса, оттиснутая веревочкой. В эту же группу входит сосуд с грушевидным туловом,

узким, довольно высоким горлом и двумя ручками на плечике (рис. 23 — 5). Поверхность его — светлого, коричневатого-серого цвета, хорошо заглажена, но без лощения. Под венчиком слабо заметен орнамент в виде серповидных углублений, сделанных оттиском перевитой веревочки или штампом.

К формам, довольно обычным для поздне трипольской керамики усатовского типа, относится и небольшой сосудик из ямы № 2 (рис. 23 — 2). Только один сосуд (погребение № 1) не находит прямых аналогий среди усатовской керамики (рис. 24). Он сделан из глины с примесью мелко толченого шамота и песка. Поверхность его — коричневатого-желтого цвета, хорошо заглажена, но без лощения. У сосуда высокая, расширяющаяся книзу шейка и низкое тулово с узким дном. Шейку от тулова отделяет резко обозначенное ребро. На дне — отпечатки грубой циновки, которая служила подстилкой на подставку во время формовки. На шейке, в верхней ее части, — две небольших ручки.

Поверхность сосуда богато орнаментирована. Под слегка отогнутым наружу венчиком — ряд серповидных углублений, сделанных штампом в виде перевитой веревочки. Шейка разделена по вертикали на четыре орнаментальных зоны. Каждая зона отделена от другой тремя вертикальными линиями, сделанными колесиком с мелкой насечкой. С двух сторон эти линии обрамлены серповидными углублениями, идущими друг за другом по вертикали. В центре каждой зоны — косой крест из трех полос, нанесенных тем же колесиком. По вертикали посередине креста проходят три ряда из серповидных углублений. Колесиком с мелкой насечкой сделаны сильно стилизованные фигурки животных, — вероятно, лошадей (по две в каждой зоне). Голова и копыта у животных исполнены штампом — в виде серповидных углублений. Фигурки показаны сбоку, как бы идущими друг за другом. По острому ребру в месте перехода от шейки к тулову крупным зубчатым штампом нанесена линия, опоясывающая сосуд. Тулово украшено резными линиями, радиально расходящимися от дна. Орнамент был затерт белой пастой.

По форме этот сосуд напоминает один из типов трипольской расписной керамики⁵. Может быть, от поздне трипольской расписной керамики воспринят и характер орнаментации — деление поверхности на вертикальные зоны, косой крест⁶. В одном из поздне трипольских погребений у с. Голерканы найден тонкостенный сосуд из глины с примесью толченых ракушек, поверхность которого украшена радиально расходящимися от дна резными линиями так же, как и тулово описанного сосуда⁷.

Нет сколько-нибудь близких аналогий среди орнаментов на поздне трипольской расписной посуде для фигурок животных. Изображения сильно геометризованы — туловище, шея, ноги, хвост переданы прямыми линиями. Однако длина шеи и характер ее изгиба свидетельствуют о том, что мастер старался показать особенности лошади, исходил из реального образа. По типу стилизации эти изображения можно сравнивать с изображением лошади на каменной плите из кургана № 3/1 в Усатове⁸. Но последние все же своеобразны и сделаны в рельефе, а не углубленными линиями, как на сосуде.

Изображения лошадей на сосуде из кургана у с. Тудорово еще раз подтверждают вывод советских исследователей о важной роли лошади в хозяйстве поздне трипольских племен усатовского типа.

Если верны наши сопоставления описанного сосуда с поздне трипольской расписной керамикой, то они свидетельствуют о правильности точки

⁵ Т. П а с с е к. Указ. соч., табл. IX, 3, 9, 10.

⁶ Т. С. П а с с е к. Периодизация трипольских поселений, рис. 97.

⁷ Т. С. П а с с е к. Раскопки на многослойном поселении у с. Голерканы на Днестре. Известия Молдавского филиала АН СССР, № 4(31), Кишинев, 1956, стр. 24, рис. 2, 1.

⁸ «Нариси стародавньої історії УРСР». Київ, 1957, стр. 71.

зрения Т. С. Пассек на тесную, генетическую связь памятников позднетрипольских с усатовскими.

О медных изделиях, найденных в центральной могиле и в погребении № 1, можно сказать очень немного. Шилья (рис. 21 — 3, 5) принадлежат к обычным находкам в позднетрипольских памятниках усатовского типа⁹.

О форме ножей по сохранившимся обломкам судить трудно. Сравнительно массивное медное долото с узким лезвием (рис. 21 — 1) пополняет серию медных предметов, встреченных на памятниках усатовского типа. Очень интересны данные спектрального и структурного анализа перечисленных изделий, полученные в лаборатории кафедры археологии МГУ¹⁰.

Курган у с. Тудорово следует рассматривать как усыпальницу знатного члена рода и его жены. Об этом свидетельствуют монументальность центрального погребального сооружения с мощным деревянным перекрытием, находки в нем, несмотря на ограбление, металлических предметов, богатый инвентарь женского погребения. Если правильно наше предположение, что погребение без вещей (№ 8) совершено одновременно с центральной могилей и погребением № 1, то оно может быть истолковано как захоронение зависимого члена рода или раба. Подобные случаи нахождения под одной курганной насыпью погребений знатных лиц и зависимых членов рода неоднократно отмечались в курганах у с. Усатово¹¹.

Впускные погребения, обнаруженные при наших раскопках Тудоровского кургана усатовского типа, принадлежат разным историческим эпохам. В погребениях в насыпи (№ 2, 5, 6 и 7) расчищены сильно скорченные скелеты взрослых людей. Два из них (№ 2 и 5) лежали на правом и два (№ 6 и 7) — на левом боку. Трое погребенных (№ 2, 6 и 7) ориентированы головой на восток, один (№ 5) — на юго-запад. В погребениях № 2 и 6 найдены разбитые горшки баночной формы, относящиеся к срубной культуре. Может быть, все четыре погребения с костяками в скорченном положении на боку относятся к срубной культуре.

Погребение № 4, по-видимому, следует рассматривать как вторичное захоронение остатков, перенесенных в насыпь кургана из какого-то другого места. В юго-восточной поле кургана, на глубине 1,15 м от вершины, находилась вымостка из трех известняковых камней. Под ними в беспорядке лежали череп со срезанным виском, часть позвоночника с ребром и обломки плечевой и бедренной костей. Здесь же встречены фрагменты сосуда баночной формы, с гладким валиком недалеко от венчика. Сосуд по форме и орнаментации принадлежит к керамике, характерной для эпохи поздней бронзы степного Северного Причерноморья. Фрагменты аналогичных сосудов найдены, в частности, в слое эпохи поздней бронзы на городище Тудорово I, расположенном поблизости от кургана.

Погребение № 3 находилось в древнем черноземе, на глубине 1,51 м от вершины кургана, в юго-западной поле насыпи. Скелет взрослого мужчины лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад. Над черепом найден бронзовый трёхгранный наконечник стрелы скифского типа (рис. 25—2), который позволяет относить это погребение к IV—III вв. до н. э. Очевидно, с данным погребением нужно связывать находки в насыпи фрагментов стенок амфор, о которых было сказано выше.

Самым поздним в кургане было погребение № 9. Оно обнаружено в центре кургана на глубине 0,95 м от вершины насыпи. Покойник был погребен на спине, головой на юго-восток; руки и ноги вытянуты. Под скелетом обнаружен тлен от подстилки из травы, на которой были заметны

⁹ Т. С. П а с с е к. Периодизация трипольских поселений, рис. 97.

¹⁰ Н. В. Р ы н д и н а. Техника обработки трипольского металла. МИА, № 84, 1961, стр. 207.

¹¹ В. И. С е л и н о в и Е. Ф. Л а г о д о в с к а я. Указ. соч., стр. 256; О. Ф. Л а г о д о в с к а я. Указ. соч., стр. 99 и сл.

следы материи лилового цвета. На груди найдены три бронзовых бубенчика (рис. 25—3). Погребение относится к кочевническому, обычным в южных степях СССР, и может быть датировано IX—X вв. н. э. Аналогичные бубенчики на территории Молдавии были найдены Т. Г. Оболдуевой во впускном кочевническом погребении в кургане эпохи бронзы на р. Когильник¹².

Таким образом, курган, насыпанный позднетрипольскими племенами усатовского типа в конце III — начале II тысячелетий до н. э., был использован в эпоху бронзы, в IV—III вв. до н. э., и в IX—X вв. н. э.

Погребальные памятники древнего населения Молдавии остаются еще очень мало изученными. Новые материалы, полученные в результате раскопок, конечно, недостаточны для постановки общих исторических вопросов и характеристики культур племен, оставивших этот памятник. Однако они свидетельствуют о том, что на правобережье Нижнего Поднестровья в древности обитало население, не отличавшееся по культуре от племен левобережья. В курганах, исследованных И. Я. Стемпковским в Тираспольском районе на левом берегу Днестра, встречаются близкие описанным погребения усатовского типа и срубной культуры, скифские IV—III вв. до н. э. и кочевнические. Необходимо дальнейшее накопление сведений о курганах Молдавии для того, чтобы провести более детальные сопоставления и сделать исторические выводы.

Остановимся на заключении Н. В. Рындиной по анализам металлических вещей усатовского типа из погребения у с. Тудорова. Качественный спектральный анализ и полуколичественный на стилоскопе (см. табл. 1) показали, что все изделия отлиты из мышьяковистой меди. Такой сплав мог получиться или из естественной руды или искусственной смеси медной и мышьяковой руд. Прочие элементы, прослеженные в малых долях % пере-

Т а б л и ц а 1

№№ об-разца	Наименование и № рис.	Cu	Pb	Sn	Bi	Sb	As	Fe	Ni	Co
7—1	нож, рис. 21—2	ос-	0,01	0,01	0,01	0,01	2	0	0,01	0,01
7—2	шило, рис. 21,5	нов-	0,01	0,05	0,01	0,01	1	0	0,01	0,01
7,3	долото, рис. 21,1	ное	0,05	0,01	0,04	0,02	2	0,10	0,07	0,01
7—4	шило, рис. 21,3	дер-	0,01	0,01	0,01	0,1	1,5	0,2	0,01	0
9—4	нож, рис. 21,4	жани-	0,05	0,01	0,01	0,02	3	0,3	0,01	0

Примеч. Ag +, Au, Zn, Mo — отсутствуют. Аналитик А. Н. Репин (МГУ).

шли из исходной руды. По составу металла наиболее сходны с тудоровскими вещами, исследованные И. Р. Селимхановым из Кюль-тепе и Гонобского могильника¹³. Однако говорить на этом основании о кавказском происхождении меди изученных нами вещей преждевременно, поскольку нет спектральных анализов вещей из синхронных памятников Семиградья и Балкан — очагов древней металлургии, наиболее близких к Триполью.

¹² Т. Г. Оболдуева. Курган эпохи бронзы на р. Когильник. Известия Молдавского филиала АН СССР № 5(25), Кишинев, 1955, стр. 45, рис. 9, 3.

¹³ И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960, стр. 138, табл. 51; стр. 151, табл. 56; стр. 163, табл. 59.

Е. Е. КУЗЬМИНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ
ПАМЯТНИКОВ ЕЛЕНОВСКОГО МИКРОРАЙОНА
АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На огромном пространстве азиатских степей, равном по площади почти всей территории Европы, распространены многочисленные памятники андроновской культуры. Интерес к ним необычайно возрос за последние годы, когда новые находки родственных материалов из степей Средней Азии вновь побудили поставить вопрос об индо-иранской принадлежности андроновских племен. В Сибири, на Урале, в Центральном и Восточном Казахстане, в Средней Азии началось усиленное изучение их.

Однако обследованные памятники были отделены друг от друга огромными участками неизученных территорий, что делало многие выводы исследователей недостаточно обоснованными, особенно когда речь шла о выделении хронологических этапов и локальных вариантов или, может быть, отдельных культур, составивших единую этнокультурную общность. Поэтому в 1959 г. было решено организовать экспедицию, перед которой поставлена задача обследовать микрорайон андроновской культуры. Выбор пал на Домбаровский район Оренбургской области. В этом районе, находящемся на стыке Зауралья, Западного Казахстана и Западной Сибири, на очень небольшой территории в окрестностях поселка Еленовка (по течению речек Ушкатты и Киимбай — правых притоков р. Камсак, впадающей в р. Орь) было известно несколько андроновских поселений и могильников, группировавшихся около двух древних медных рудников; это позволило одновременно поставить и задачу изучения андроновского металлургического центра. Первые сведения о древних рудниках этого района получены в 1939 г. от геологов В. Л. Малютина и А. П. Левитского¹. В 1949 г. небольшую разведку здесь провел А. А. Формозов², в 1950—К. В. Сальников³, а в 1954 г.—Н. А. Кипарисова и С. А. Попов⁴. Эти работы были крайне кратковременны и носили случайный характер.

В 1959 и 1961 гг. Еленовским отрядом (начальник — Е. Е. Кузьмина), работавшим в составе Оренбургской археологической экспедиции, возглавляемой К. Ф. Смирновым, было начато планомерное изучение окрестностей Еленовки, в результате которого обследовано более 50 памятников⁵ (рис. 26).

¹ См. заметку В. Л. Малютина — «Разведка недр», 1939, № 3, стр. 21; его же. Новый район медных месторождений в Чкаловской области. «Советская геология», 1940, № 10; А. П. Левитский. О древних рудниках. М.—Л., 1941, стр. 33, 34

² А. А. Формозов. Археологические памятники в районе г. Орска, КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 115—119; Архив ИА АН СССР, № 300—361.

³ Архив ИА АН СССР, № 409.

⁴ Там же, № 987.

⁵ В разведках 1959 г. принимал участие краевед А. С. Новиченко, указавший нам некоторые памятники, за что приношу ему глубокую благодарность.

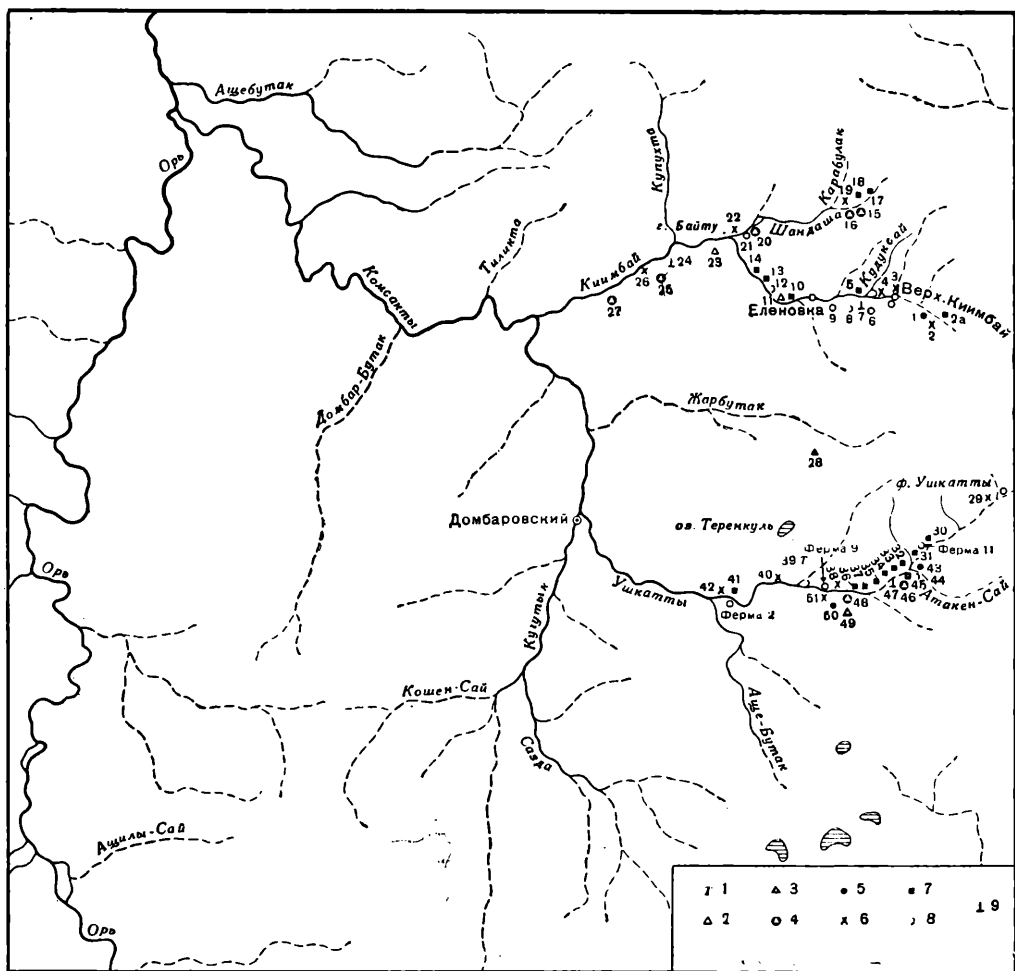

Рис. 26. Схема расположения памятников по течению рек Киимбай и Ушкатты.

Условные обозначения: 1 — древние рудники; 2 — курганы земляные; 3 — курганы земляные с кольцом; 4 — курганы каменные с кольцом; 5 — кольца; 6 — поселение; 7 — ограда; 8 — кремневая мастерская; 9 — стела.

Пункты на карте: 1 — могильник Турсумбай; 2, 2а — поселение Турсумбай; 3 — поселение Верхний Киимбай; 4 — поселение Киимбай; 5 — поселение Кудук-сай; 6 — могильник Еленовка I; 7 — рудник Еленовский; 8 — кремневая мастерская Еленовская; 9 — поселение Еленовка II; 10 — поселение Еленовка I; 11 — два кургана; 12 — кремневая мастерская Красные камни; 13 — поселение Грань I; 14 — поселение Грань II; 15 — могильник Шандаша II; 16 — могильник Шандаша I; 17 — поселение Шандаша I; 18 — поселение Шандаша II; 19 — поселение Шандаша III; 20 — могильник Байту I; 21 — могильник Байту II; 22 — поселение Байту; 23 — курганы; 24 — стела; 25 — могильник Купухта; 26 — поселение Купухта; 27 — могильник Киимбай I; 28 — могильник у колхоза имени С. М. Буденного; 29 — поселение Ушкатты; 30—37 — Ушкатты, ферма № 11, поселения I — VIII; 38 — Ушкатты, ферма № 9, поселение II; 39 — рудник Ушкатты; 40 — Ушкатты, ферма № 9, поселение III; 41 — Ушкатты, ферма № 2, поселение I; 42 — Ушкатты, ферма № 2, поселение II; 43 — курганы; 44 — кремневая мастерская Атакен-сай; 45 — сооружение у фермы № 11; 46 — могильник Атакен-сай; 47 — стела; 48 — могильник I против фермы № 9; 49 — могильник II против фермы № 9; 50 — могильник III против фермы № 9; 51 — Ушкатты, ферма № 9, поселение I.

Среди зарегистрированных пунктов — три мастерские кремневых срудий. На первой из них — у скалы Красные камни на р. Киимбай (12)⁶ — собрано очень большое количество отщепов кварцита и кремня и среди них — несколько ножевидных пластин, скребков и два обломка

⁶ См. карту (рис. 26). Здесь и далее цифры в скобках означают номера памятников на карте.

черешковых стрел из хальцедоно-опалового кремня, покрытых двухсторонней струйчатой ретушью. Вторая мастерская — на р. Ушкатты у оврага Атакен-сай (44), где также собрано очень много кремневых отщепов и несколько скребков и ножевидных пластин. Третья, обследованная К. В. Сальниковым, мастерская находится у поселка Еленовка (8). По-видимому, все они относятся к эпохе позднего неолита, а может быть, и к эпохе бронзы, поскольку аналогичные кремневые изделия найдены на соседних поселениях.

Экспедицией зарегистрировано 14 могильников и несколько единичных курганов. Среди них только один могильник у колхоза имени С. М. Буденного (28), находящийся на водораздельном сырте и состоящий из высоких земляных курганов со рвами (группирующихся около большого центрального кургана диаметром 26 м и высотой 2 м), и по расположению, и по типу насыпей должен быть отнесен к сарматской эпохе; остальные могильники, несомненно, — андроновского времени. Все они располагаются в одинаковых топографических условиях, на низком левом берегу реки в 200—500 м от воды, обычно против поселения. До проведения раскопок во всех могильниках говорить об их периодизации с полной уверенностью нельзя, однако некоторые соображения по поводу датировки их можно высказать на основании анализа типов могильников и рекогносцировочных раскопок.

К I типу относятся могильник III против фермы № 9 (50) и могильник Купухта (25). Первый из них состоит из восьми величественных курганов сегментовидной формы, сложенных из земли и галечника, поднимающихся на высоту 1,4—1,9 м и достигающих диаметра до 30 м. Несколько выше основания курганов проходит кольцо из очень крупных плоских плит, врытых на ребро. Курганы могильника Купухта аналогичны по типу, но несколько меньше — диаметр их 16 м, высота — 1 м. Возможно, что к этой группе примыкает и могильник Байту I (20), семь сооружений которого составляют кольца и земляные курганы диаметром 7—12 м и высотой до 0,7 м.

Проведенные в могильнике Купухта раскопки показали, что под каждым курганом находится грунтовая яма большого размера, содержащая одиночное или парное погребение, ориентированное на юго-запад. Курганы ограблены в древности, но все же можно заключить, что погребения отличались большим богатством инвентаря: во всех раскопанных могилах найдено много костей животных — лошади, коровы, овцы (часто клались черепа), богато ornamentованных сосудов с уступом на плечике; встречались украшения — золотая височная привеска с раструбом, бронзовая привеска, обложенный золотой фольгой браслет с концами, загнутыми в спираль, бронзовые бусы и привески; среди находок отметим также медный нож. Отличие инвентаря могильника Купухта от рядовых могильников Еленовского микрорайона позволяет предполагать, что здесь находятся погребения андроновской знати (алакульской эпохи). По-видимому, и величественные курганы на р. Ушкатты также содержат погребения знати.

Ко II типу относится могильник Ушкатты I против фермы № 9 (48). Для него характерно соединение нескольких типов сооружений: есть земляные курганы большого диаметра с каменным кольцом, но более распространен тип кольца из крупных плит, врытых вертикально в землю. Контуры колец очень четки, диаметр их — 6—10 м. Для выяснения датировки проведены раскопки 10 сооружений из 44-х, содержащихся в этом могильнике. Обряд погребения во всех раскопанных кольцах и курганах единообразен: погребения (обычно одно или два в кольце) находятся или в грунтовой яме, перекрытой каменными плитами, или в каменном ящике, также с каменным перекрытием. Костяки лежат скорченно, головой на запад. В головах ставились 2—3 сосуда; в некоторых захоронениях встречены бронзовые бусы, привески, височные колечки. В нескольких погребениях найдены изделия из кремня. Около камней кольца или в его центре повсеместно была совершена тризна; ее остатки прослеживаются в виде не-

скольких сосудов и костей животных (альчиков — чаще всего овцы, а также коровы и лошади) или черепа овцы (в одном случае — костей собаки).

Керамика могильника чрезвычайно интересна, ибо даже в одном погребении встречаются сосуды трех типов — баночные, довольно грубые и бедно орнаментированные; горшковидные без уступчика, хорошо лощенные и покрытые богатым орнаментом, выполненным зубчатым штампом (эти сосуды и по вазообразному профилю, и по сюжетам орнамента отчасти напоминают керамику так называемого федоровского этапа); горшковидные, с уступчиком на плечике, сосуды алакульского типа, часто сохраняющие традицию богатой орнаментации. Это своеобразное сочетание в одном комплексе разных типов керамики позволяет отнести могильник к раннеалакульскому этапу и говорить о преемственности между алакульскими и федоровскими памятниками. Ближайшую аналогию составляют погребения Кожумбердынского могильника в Домбаровском районе⁷.

В самом могильнике I против фермы № 9 не найдено никаких предметов, которые позволили бы говорить об абсолютной датировке погребений этого типа. Однако на соседних территориях за последние годы в алакульских погребениях, близких по обряду захоронения и по комплексу керамики, найдены копые сейминско-турбинского типа (Близнецы, курган № 1)⁸, тёсло привольненского типа (у станции Эмба)⁹ и бронзовые привески (у Кумака)¹⁰, что позволяет датировать эти курганы не позднее середины II тысячелетия до н. э. Ближним по типу, но, видимо, несколько более поздним по времени является могильник Байту II (21).

К III типу относятся могильники Еленовский I (6), Турсумбай (1), Шандаша I (16) и Атакен-сай (46). В каждом из них — от 30 погребальных сооружений и более. Курганы с земляной насыпью здесь уже не встречаются, кольца большого диаметра почти исчезают, преобладающим типом становятся кольца малого диаметра (3—6 м), сложенные очень небрежно из маленьких плит или камней; иногда кольца бывают овальные и часто смыкаются друг с другом. Для выявления времени сооружения этих могильников проведены раскопки 8 колец в могильниках Атакен-сай (46) и 8 колец в Шандаша I (16). Обряд погребения здесь очень близок обряду, открытому в могильнике у фермы № 9. Захоронения совершались или в каменных ящиках, или в грунтовых ямах, перекрытых камнем. Скелеты лежали скорченно, головой на запад — юго-запад и сопровождалась двумя сосудами. Для Атакен-сай типично также устройство внутри кольца (на уровне закладки могильной ямы плитами) тризны, от которой оставались несколько сосудов и кости животных — овцы или лошади. Существенные различия (кроме устройства колец) прослеживаются в инвентаре: больше процент бронзовых украшений, нет изделий из кремня, но главные отличия наблюдаются в керамике.

К I типу керамики относятся баночные сосуды без орнамента; по форме они аналогичны найденным в могильнике у фермы № 9, но много грубее и лишены орнамента. Горшки II типа — с ярко выраженным уступчиком на плечике, также не лощенные, а слегка заглаженные и лишь иногда украшенные очень бедным орнаментом в виде косых насечек и равнобедренных заштрихованных треугольников по венчику и у дна и таких же треугольников, зигзагов и елки в верхней части тулова. Узоры нанесены оттиском гладкого штампа; зубчатый штамп встречается крайне редко, причем часто в сочетании с гладким.

⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 165—169.

⁸ Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII в. до н. э. Труды ГИМ, вып. 37, М., 1960, стр. 56—58, рис. 2, 1.

⁹ Е. Е. Кузьмина. Результаты археологических работ на Эмбе в 1958 г. КСИА АН СССР, вып. 85, 1961, рис. 2.

¹⁰ М. Г. Мошкова. Отчет о работах Оренбургской археологической экспедиции в 1959 г. Архив ИА АН СССР.

Аналогичная картина отмечена в двух погребениях, раскопанных геологами и К. В. Сальниковым в Еленовском могильнике, что подтверждает правильность отнесения этих трех могильников к одному типу. Как же они могут быть датированы? Генетическая связь их с памятниками II типа несомненна. Однако в конструкции колец и особенно в керамике наблюдается резкое огрубение форм. Становится заметна связь со срубными памятниками хвалынского этапа, которая прослеживается в некоторых типах бронзовых изделий, а также в вытянутых пропорциях и в орнаментации сосудов. По-видимому, эти могильники могут относиться к позднеалаульскому периоду орско-западноказахстанского варианта андроновской культуры; они находят ближайшую аналогию в таких могильниках, как Ново-Аккермановка¹¹ и Джарлы¹², и датируются последней четвертью II тысячелетия до н. э.

Говоря о погребальных сооружениях Еленовского района, следует остановиться на четырех зарегистрированных экспедицией памятниках, видимо, культового значения, приуроченных к могильникам. Около могильника Купухта расположено сооружение в виде восьмеркообразного земляного вала с каменной стелой. Белая каменная стела известна также около могильника Байту I. Аналогичные менгиры-стелы в Центральном Казахстане относятся, по мнению казахских ученых, к андроновской эпохе¹³. Другие интересные сооружения, в виде кургана с каменными «усами» и кургана со смыкающимися земляными валами, находятся около могильника Шандаша. Аналогичные курганы с «усами» очень часто бывают вблизи андроновских могильников в Центральном Казахстане и датируются эпохой ранних кочевников¹⁴. К культовым памятникам, вероятно, относятся также вытянутый земляной холм с X-образной выкладкой из врытых крупных плит у могильника Ушкатты III и каменное кольцо с двумя полудугами около могильника Атакен-сай.

* * *

Открытые при разведках поселения располагаются в одинаковых топографических условиях на защищенных высокими скалистыми холмами участках берега реки (почти всегда правого), на первой надпойменной террасе. Поселения, как правило, вытянуты вдоль реки и занимают довольно обширную площадь. Верхний слой большинства поселений сильно развеян, в результате чего на поверхности встречается довольно большое количество подъемного материала: фрагменты керамики, кости животных, медные шлаки и весьма многочисленные изделия из камня — кремневые отщепы, ножевидные пластины, скребки, крупные тесла, топоры, дисковидные и другие орудия. На некоторых поселениях зарегистрированы сложенные из камня очаги овальной или прямоугольной формы.

Первую группу поселений составляют обычного типа андроновские памятники Байту (22; рис. 27—1—9), Киимбай (3; рис. 28—1—11), Купухта (26), Ушкатты (ферма № 9) поселения I, II и III (38, 40, 51). Ушкатты (ферма № 2) поселение II (42). Ко второй группе могут быть отнесены поселения Турсумбай (2; рис. 28—12—22), Кудук-сай (5; рис. 27—10—18), Еленовка I (10), Грань I и II (13, 14), Шандаша I и II (17, 18),

¹¹ Г. В. Подгаецкий. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска. МИА № 1, 1940, стр. 69—82.

¹² С. А. Попов. Отчет о работе экспедиции в Адамовском районе Чкаловской области. Архив ИА АН СССР, № 1207.

¹³ А. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959, стр. 29; К. А. Акишев, Е. И. Агеева, Г. И. Падевич, А. Х. Маргулан. Основные итоги археологических работ на территории Казахстана в 1955 г. ИАН Каз. ССР, 1956, № 3, стр. 106.

¹⁴ М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР, т. VII, 1959, стр. 163.

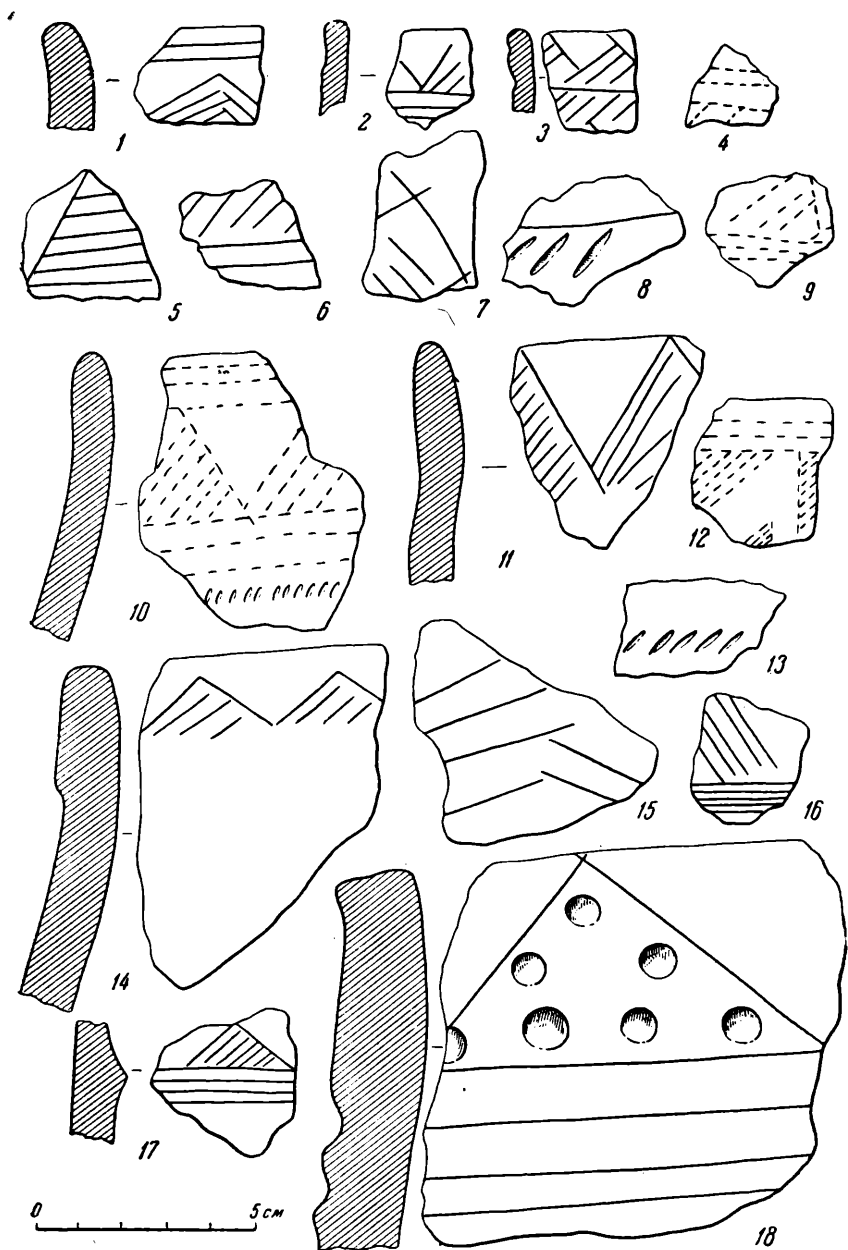

Рис. 27. Андроновская керамика.

1—9 — с поселения Байту; 10—18 — с поселения Кудук-сай.

Ушкаты (ферма № 2) поселение I (41), на которых открыты своеобразные сооружения в виде больших оград, сложенных из крупных каменных плит, врытых вертикально на ребро и образующих прямоугольники (площадью 10—20×8—10 м, а иногда и больше), с пристройками и внутренними перегородками. Как правило, на поселении располагаются одна-две ограды; они вытянуты перпендикулярно к реке по направлению господствующих ветров. Особенно интересный комплекс открыт на р. Ушкаты, где ниже скотоводческой фермы № 11 вдоль по берегу на

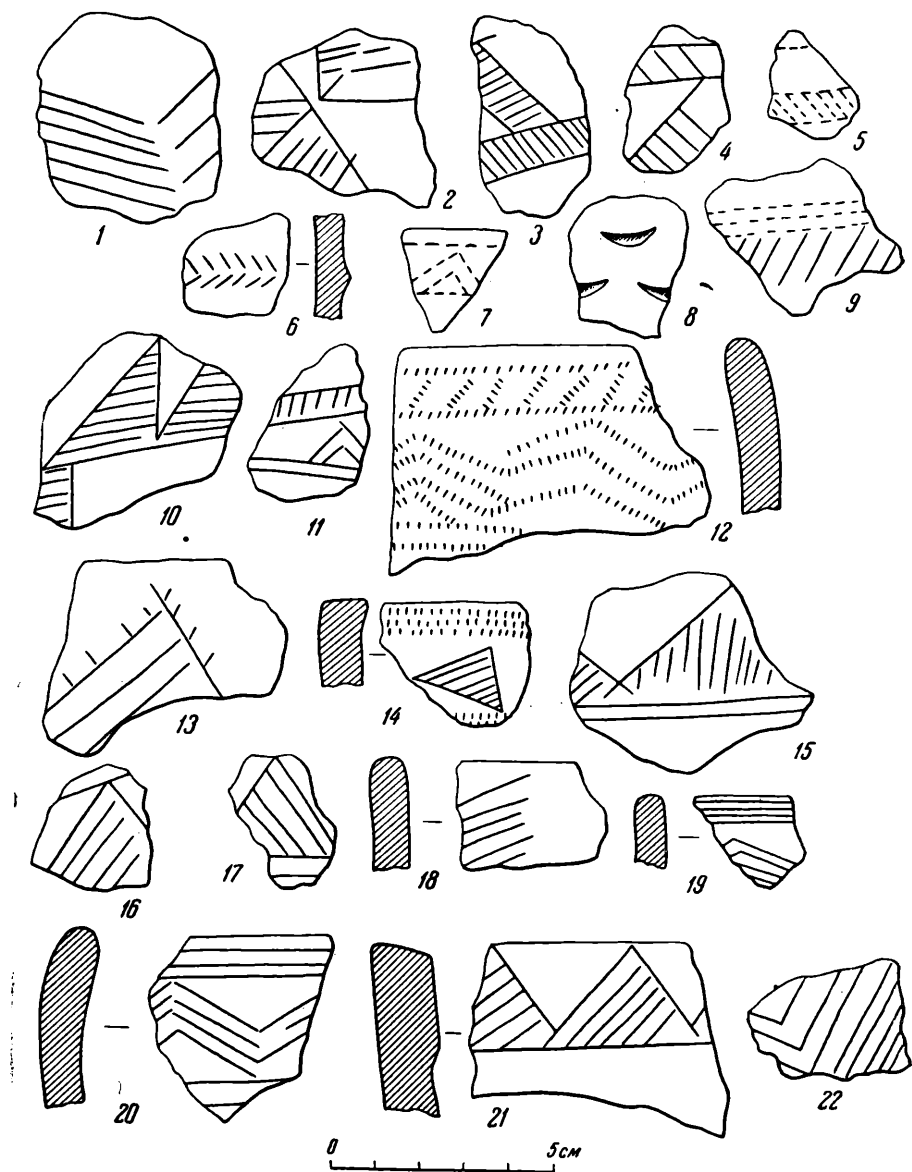

Рис. 28. Андроновская керамика.

1—11 — с поселения Книмбай; 12—22 — с поселения Турсумбай.

большое расстояние тянется ряд таких оград, крупных по размеру (30—37).

На территории Западного Казахстана и Южного Зауралья памятники такого типа зарегистрированы впервые. Для выяснения их характера в 1959—1960 гг. были произведены раскопки ограды II у фермы № 11; в результате установлено, что ограды, видимо, были жилыми комплексами типа полуземлянок, стены которых были укреплены каменными плитами, подобно тому как в Северном Приуралье стены обычно укреплялись срубом, а в Алексеевке — плетнем. Внутри ограды удалось проследить систему отопительных очагов, ямки от столбов перекрытия, а также выявить вход, располагавшийся с юго-западной стороны, и две пристройки. Вблизи жилища находился зольник. Такая же картина прослежена и на поселениях

Шандаша I (17) и Ушкатты VIII (37), где стены полуземлянок тоже укреплены крупными каменными плитами. Аналогичные по конструкции ограды стали за последние годы известны в Центральном Казахстане (Шортанды-Булак, Тагибай, Каркаралинск, Акбаур, Бугулы, Ата-Су)¹⁵.

Наши раскопки подтверждают правильность высказанного А. Х. Маргуланом мнения о том, что ограды связаны с жилищными комплексами, синхронными поселениям, а не воздвигнуты позднее, как думали другие исследователи. По-видимому, жилища со стенами, укрепленными камнем, не были единственным типом жилищ, так как площадь поселений значительно больше площади оград. Можно предполагать, что были распространены также и обычные андроновские земляночные и наземные дома.

Как же датируются обследованные нами поселения? Наличие или отсутствие на поселении оград не может в настоящее время служить хронологическим критерием: подвергавшиеся рекогносцировочным раскопкам 4 поселения с оградами (II и VIII — у фермы № 11; I — у фермы № 2 на р. Ушкатты; поселение Шандаша I), по-видимому, одновременны. Поселение Ушкатты II, вероятно, относится к раннеалакульской эпохе и синхронно могильнику Ушкатты I; поселение VIII у фермы № 11, кажется, может быть синхронизировано с позднеалакульским могильником Атакенсай. Поселение Шандаша I, несомненно, одновременно могильнику Шандаша I. Возможно, что в дальнейшем, при более детальном изучении конструкции оград, удастся выделить хронологические типы, но сейчас можно только сказать, что поселения с оградами могут относиться и к раннему, и к позднему периодам алакульского этапа андроновской культуры.

Таким образом, единственным критерием для определения возраста поселений служит керамика. Однако в подъемном материале могут быть представлены случайные типы и могут не войти в него характерные типы керамики, особенно из нижнего слоя; это заставляет говорить о периодизации обследованных поселений с очень большой осторожностью, тем более что на сопредельных территориях андроновские поселения изучены крайне слабо. Стоянок, которые с несомненностью можно было бы отнести к федоровскому этапу, нами не встречено. Керамика замараевского типа, с налепными валиками, попала нам в небольшом количестве на поселении Грань I (13) и А. А. Формозову на поселении скалы — Грань II (14).

Большинство поселений можно отнести к алакульскому этапу андроновской культуры, так как высокий процент на них составляет керамика с уступчиком на плечике и с орнаментом в виде равнобедренных треугольников, вертикально заштрихованных полос и т. д. Однако алакульские поселения, отстоящие иногда всего на несколько сот метров, очень сильно отличаются друг от друга по методам и приемам выделки керамики. На большинстве их сосуды изготовлены ленточным способом, на поселении же Байту (рис. 27—1—9) они формовались на матерчатом шаблоне. Отличается керамика и по характеру обжига: на поселениях Байту, Еленовка I резко преобладает лощеная керамика черного обжига, тогда как у фермы № 2 огромный процент составляет керамика прекрасного лощения, с ярко-красным цветом обжига, на поселениях Турсумбай (рис. 28—12—22), Ушкатты (ферма № 9, поселение II) преобладает розовый цвет обжига. Состав глиняного теста и примесей в нем также сильно варьирует: на поселении Байту (22). Ушкатты (ферма № 2, поселения I и II; 41, 42) отмечалась большая примесь слюды, на поселениях Турсумбай и Купухта — талька и т. д.

¹⁵ А. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов. Указ. соч., рис. 5, 11, стр. 17—23; К. А. Акишев, Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич, А. Х. Маргулан. Указ. соч., стр. 105; К. А. Акишев, Е. И. Агеева. Археологические работы в Казахстане в 1956 г. ..., стр. 86; К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана. Труды Института истории, археологии и этнографии, АН Каз. ССР, т. VII, 1959, стр. 17.

Выявление этих микролокальных особенностей заставляет считать, что производство керамики велось на каждом поселении самостоятельно, и у каждой общины были свои навыки гончарства, гипотеза же о якобы существовавших центрах производства высококачественных сосудов, откуда они экспортировались, должна быть снята. Такое разнообразие керамики крайне затрудняет уточнение времени бытования отдельных поселений.

Удается предположительно выделить поселения конца алакульского этапа, синхронные могильникам III типа: это Турсумбай (2), Кудуксай (5), Еленовка II (9), Ушкатгы (ферма № 11, поселение VIII; 37). Большой процент встреченной на них керамики составляют сосуды с уступчиком, совершенно лишенные орнамента либо очень бедно орнаментированные равнобедренными треугольниками, вертикальной елкой и насечками, выполненными по преимуществу гладким штампом. Для керамики этих поселений характерны примеси дресвы или слюды в глиняном тесте, отсутствие хорошего лощения, сложно профилированные венчики сосудов. Интересно, что если керамика других поселений очень разнообразна, то на поселениях позднеалакульского этапа наблюдается известная стандартизация форм сосудов и способов их формовки; это позволяет предполагать установление более тесных контактов между отдельными общинами.

Таким образом, уже сейчас намечаются группы памятников, принадлежащих в древности одной общине: поселение и относящийся к нему синхронный могильник, располагающийся в непосредственной близости. Такковы позднеалакульские комплексы оград у фермы № 11 и могильник Атакен-сай; поселения Кудуксай и Еленовка II (9) и Еленовские могильники; поселение и могильник Турсумбай; могильник и поселение Шандаша; могильник и поселение Купухта.

При дальнейших работах, безусловно, удастся уточнить соотношение отдельных памятников и составить карты для разных периодов бытования андроновских племен на территории исследованного района. Но и сейчас материалы памятников в окрестностях Еленовки позволяют прийти к выводу, что этот район был в древности густо заселен андроновскими племенами. В алакульский период культура их достигла расцвета. В конце этого этапа население стало очень многочисленно, о чем свидетельствует большое количество крупных поселений и могильников.

Чем же объясняется такая большая плотность населения на этой территории в древности? Ответ мы находим в многочисленных медных шлаках, отработанной породе, капельках меди и т. д., встретившихся почти на всех обследованных поселениях. Эти находки (а возможно, также сопла и тигли) позволяют утверждать, что район Еленовки в древности был крупным металлургическим центром на базе Еленовского и Ушкаттинского рудников, разработка которых началась в глубокой древности. Еленовский рудник был заброшен уже в позднеалакульскую эпоху: некоторые кольца Еленовского могильника сложены из пустой породы и перекрывают древний отвал. Разработка обоих рудников велась открытым способом, узкими карьерами, что также может служить косвенным доказательством их большой древности.

Анализы шлаков и медных изделий с поселений и из могильников показывают, что все вещи сделаны из местной руды. Таким образом, район Еленовки в древности был важным металлургическим центром, что делает дальнейшее его изучение очень актуальным.

Г. И. АНДРЕЕВ и Ж. В. АНДРЕЕВА

РАБОТЫ ПРИБРЕЖНОГО ОТРЯДА
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В ПРИМОРЬЕ В 1959 ГОДУ

Прибрежный отряд Дальневосточной археологической экспедиции АН СССР в 1959 г. провел раскопки и разведки в Лазовском, Ольгинском и Хасанском районах Приморского края¹.

Целью работ было выяснить, есть ли раковинные кучи южно-приморской культуры на восточном побережье Приморья, а также выявить границы распространения памятников зайсановской культуры, поселений и укреплений железного века. Разведки в 1959 г. велись в Лазовском и Ольгинском районах, где открыто около 30 памятников, часть которых расположена на морском побережье (в заливах Владимира и Ольги, в бухтах Валентин, Тихая, Преображения, Сяохе, Мелководная); другие памятники находятся сравнительно далеко от побережья (у Щербаковки, Сокольчей, Ново-Николаевки и в других местах). Раскопки были сосредоточены, главным образом, в Лазовском и Ольгинском районах и в меньшем объеме велись в Хасанском районе. Наиболее интересные материалы получены при раскопках памятников Заречье 1, Краскино, 1, Посыет 1 (Хасанский район), Валентин-перешеек, Валентиновка, Судзухе 3, Сокольчи (Лазовский район), Синие Скалы, Евстафий 1 и 4 (Ольгинский район).

При раскопках на поселении Заречье 1² доказаны однородность культурного слоя и его датировка дозайсановским временем. Несмотря на тщательность раскопок и фиксации находок, не обнаружено ни одного обломка сосуда, украшенного прочерченным узором. Вся керамика покрыта отпечатками гребенчатых штампов (рис. 29—9—14). Подавляющая масса орудий изготовлена из кремнистых сланцев.

Очень результативными оказались раскопки открытого нами в 1958 г. поселения Краскино 1³. В 1959 г., как и раньше, на поверхности собрано огромное количество отщепов светлого и желтоватого кремневого туфа. Заложенный в центральной части поселения шурф № 1 показал, что культурный слой очень тонок и ничего, кроме отщепов, не содержит. В шурфе № 2 найдены тёсла заречинского и раннезайсановского типа (односторонне-выпуклые в сечении), превосходно сохранившийся наконечник копья из серого кремневого туфа, дротик из черного обсидиана, лошитель древков стрел и очень своеобразной формы ножи, сделанные на больших отщепах. Несмотря на то, что общая площадь, вскрытая здесь, довольно велика (шурф был превращен в раскоп), ни одного фрагмента керамики не

¹ Начальник отряда — Г. И. Андреев. В работах принимали участие сотрудники отдела истории Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР и студенты-историки Дальневосточного государственного университета.

² Г. И. Андреев. Некоторые вопросы культур Южного Приморья III—I тысячелетий до н. э. МИА, № 86, 1960, стр. 138—144.

³ Там же, стр. 137.

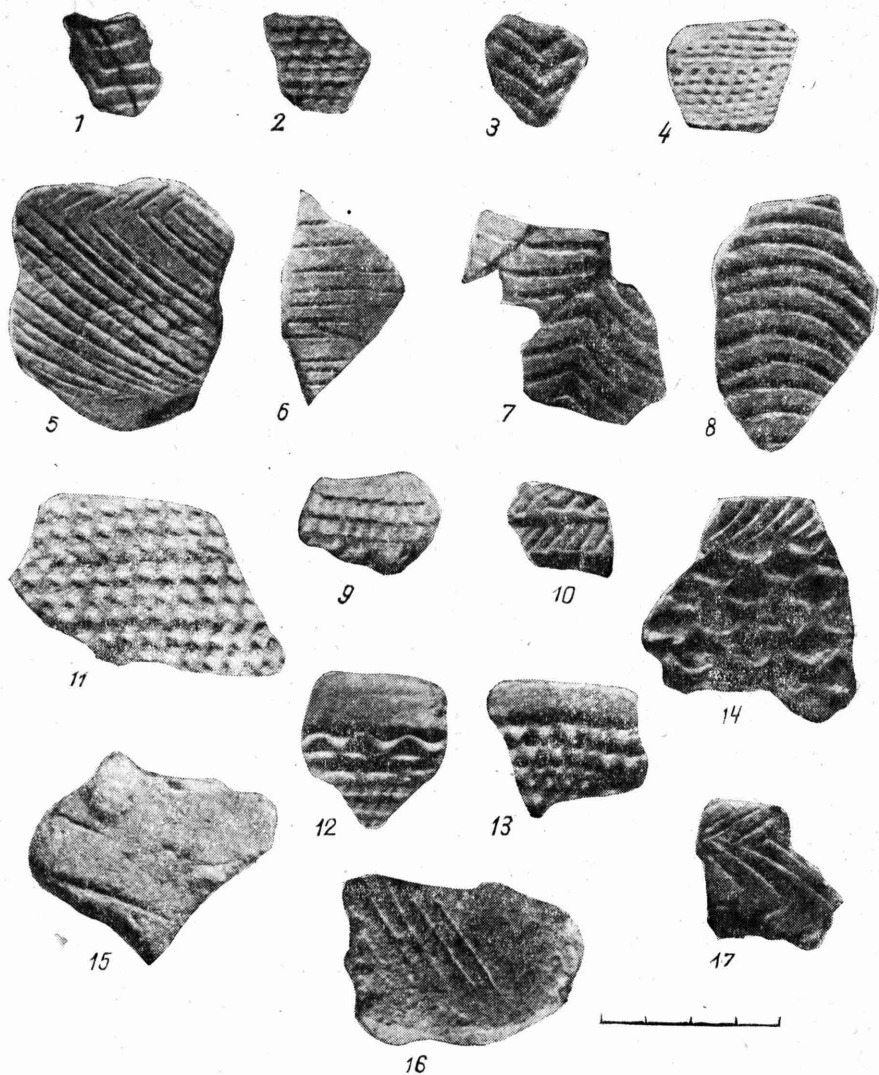

Рис. 29. Керамика с поселений Хасанского района.
1—8 — Ханси 1; 9—14 — Заречье 1; 15—17 — Ханси 10.

найденно. Возникает вопрос, что это — склад орудий, остатки ли мастерской, или остатки погребения? Без дополнительных раскопок вопрос не может быть решен.

Произведены новые сборы на поселении Посыет-1⁴. Основная масса керамики украшена отпечатками шнура, чего мы не знаем в раковинных кучах Приморья. Наряду с этим, в 1959 г. обнаружены фрагменты керамики с прочерченным елочным узором и отпечатками гребенчатых штампов, что присуще памятникам зайсановской культуры. Узоры, типичные для керамики южно-приморской культуры (культуры раковинных куч, по терминологии А. П. Окладникова), не встречены. Вряд ли следует предполагать, что перед нами — наиболее ранний памятник южно-приморской культуры. Наличие в слое раковин материалов, типичных для зайсановской культуры, свидетельствует, по-видимому, о том, что употребление в пищу моллюсков началось в Приморье значительно раньше, чем здесь появились племена — носители южно-приморской культуры.

⁴ Там же, стр. 152—154.

Интересные данные получены при раскопках поселения Ханси 1⁵, где удалось проследить остатки сильно разрушенного жилища. В пределах жилища среди довольно многочисленной керамики, украшенной гребенчатым штампом (рис. 29—2, 4, 6) и прочерченными узорами, в частности, елочкой (рис. 29—5),— найдены фрагменты с криволинейным волнистым орнаментом (рис. 29—1, 3, 7, 8), до этого не известным в памятниках Южного Приморья; здесь встречались лишь прямолинейные или геометрические узоры. В сопредельных областях криволинейный орнамент известен для памятников Кореи этого же времени⁶.

На поселении Ханси 10, расположенном в нескольких километрах к северо-западу от Ханси 1, прослежены два слоя: верхний — с керамикой серого цвета, сделанной на круге, и нижний — с керамикой, украшенной елочным узором, а также с обсидиановыми орудиями и отщепами. Слои разделены каменной вымосткой, выяснить назначение которой не удалось. Очень важна находка фрагмента сосуда, украшенного «жемчужинами» (рис. 29—15). В Приморье керамика с подобным узором встречена впервые, хотя ее много к западу и северо-западу от исследуемого района⁷. Встает вопрос, не может ли служить керамика с «жемчужным» орнаментом на поселении Ханси 10 до некоторой степени подтверждением континентального происхождения зайсановской культуры?⁸

В Олгинском районе материалы, близкие зайсановским, обнаружены на поселениях Евстафий 4 и Пермское 2. Первое находится в бухте Евстафия, на третьем прибойно-намывном валу, на высоте 4—5 м над уровнем моря. При раскопках в слое темного, насыщенного гумусом, песка найдены кремневые отщепы и большое количество лепной керамики, украшенной прочерченными узорами — елочным, меандровым, насечками (рис. 30—1—5, 7, 8). Поселение Пермское 2 обнаружено в центре с. Пермского, на мысу террасы. Так же как и в 1958 г., здесь собран подъемный материал, среди которого есть фрагменты керамики, украшенной нарезным елочным узором (рис. 30—10—12), биконическое орнаментированное пряслице (рис. 30—14) и каменные орудия (рис. 30—12).

В Лазовском районе из памятников, примыкающих к этой группе, изучалось поселение Судзухе 3. Во время раскопок выяснилось, что памятник этот — двухслойный. Верхний слой его, судя по керамике и каменным орудиям, относится к южно-приморской культуре. В нижнем слое найдены скребок из черного обсидиана, кремневые и обсидиановые отщепы и керамика с прочерченным узором в виде элементов елочки.

Сборы и раскопки на памятниках рассмотренной группы показали, что они связываются с такими поселениями Приморья, как Кировское⁸, и нижним слоем Чапигоу⁹, а также с памятниками Внутренней Монголии¹⁰ и Кореи¹¹. Эту группу, видимо, следует отнести к II тысячелетию до н. э.

⁵ Г. И. Андреев. Указ. соч., стр. 148—150.

⁶ То Ю Хо, Хван Ги Дек. Промежуточный отчет раскопок памятников с Ди Тхап Ли. «Мунхва Юсан» («Культурное наследство»), 1957, № 5, стр. 30, рис. 14 (на корейском языке).

⁷ Керамика, украшенная «жемчужным» орнаментом, найдена на некоторых стоянках по р. Онону (Читинская область) при разведках Ононского отряда Монгольской экспедиции в 1958—1959 гг.

⁸ А. П. Окладников. Древнейшие культуры Приморья в свете исследований 1953—1956 гг. Сб. статей по истории Дальнего Востока. М., 1958, стр. 22.

⁹ А. П. Окладников. Начало железного века в Приморье. Дальневосточный филиал Сибирского отделения АН СССР. Труды, серия историческая, т. I, Саранск, 1959, стр. 20.

¹⁰ Микролитические стоянки, открытые за последние годы в Автономной области Внутренней Монголии. «Каогу Сюэбао», 1957, № 1 (на китайском языке), стр. 9—20.

¹¹ То Ю Хо, Хван Ги Дек. Указ. соч.; Хван Ги Дек. Остатки и памятники каменного века в провинции Северный Хамген. «Мунхва Юсан» («Культурное наследство»), 1957, № 2 (на корейском языке); его же. Исследование памятников в долине реки Думанган на восточном побережье. «Мунхва Юсан» («Культурное наследство»), 1957, № 6 (на корейском языке).

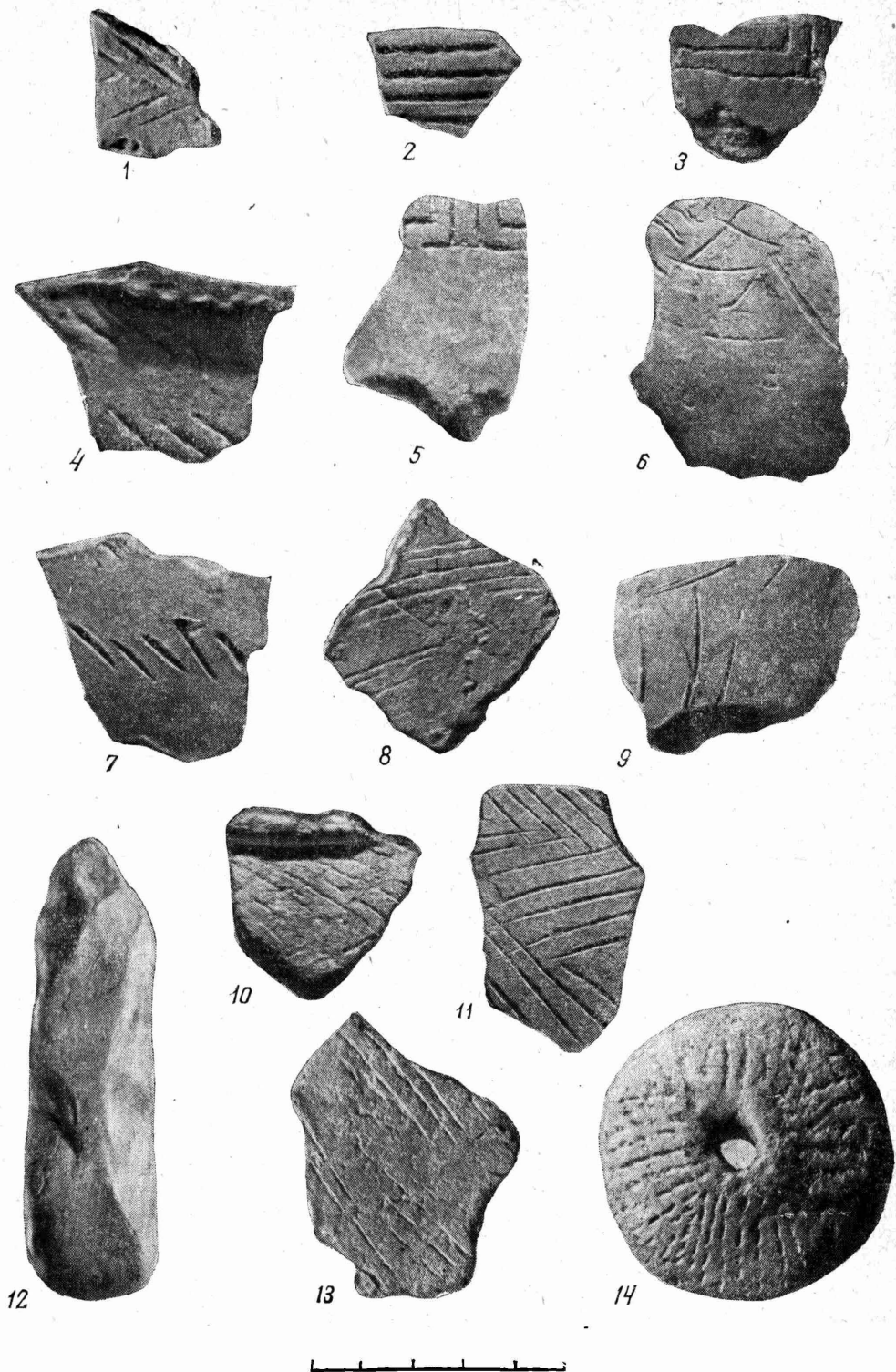

Рис. 30. Керамика и орудия с поселений Евстафий 4 и Пермское 2.

1—9 — Евстафий 4; 10—14 — Пермское 2; (1—11, 13 — керамика; 12 — тесло; 14 — биконическое пряслице).

Интересна группа поселений, в материалах которых наблюдается сочетание крупных, грубых орудий, обработанных техникой скола, и мелких, превосходно сделанных орудий, изготовленных в технике ретуширования. Наиболее характерны для этой группы поселения Евстафий 1 и Валентин-перешеек. Остатки поселения Евстафий находятся в бухте Евстафия (Ольгинский район) на прибрежных галечниково-песчаных прибойно-намывных валах, на высоте 4—5 м над уровнем моря. Культурный слой потревожен — размыт и развеван. В результате небольших раскопок и сборов 1958—1959 гг. получен довольно обильный материал, состоящий из орудий, изготовленных в технике отжимной ретуши (наконечников стрел, скребков, ножей и т. д.), и крупных, грубых орудий, обработанных техникой скола (орудий, напоминающих палеолитические скребла, рубила и т. п.). Керамика сравнительно бедно орнаментирована.

Поселение Валентин-перешеек расположено в бухте Валентин (Лазовский район), на перешейке, соединяющем мыс Титова с материком. Здесь также обращает на себя внимание сочетание мелких ретушированных орудий и крупных, грубых, обработанных техникой скола. При шурфовке выявлены непо потревоженные участки хорошо сохранившегося культурного слоя под почти метровой толщей наносного песка. Культурный слой, мощностью всего 0,3—0,4 м, очень насыщен керамикой и орудиями. Обнаружены наконечники стрел, скребки, ножи, проколки — все превосходно обработанные отжимной ретушью. Вместе с тем найдены очень большая ножевидная пластина, каменная мотыга и другие крупные орудия, обработанные техникой скола. Керамика, как и на поселении Евстафий 1, — плоскодонная, покрытая отпечатками гребенчатых штампов и сочетаниями прочерченных линий.

Материалы, близкие, по-видимому, по времени, но не тождественные по облику материалам из поселений Евстафий 1 и Валентин-перешеек, обнаружены в бухте Тихой, примыкающей с востока к бухте Валентин, на поселении, расположенном на невысокой береговой террасе, и в поселке Тимофеевка, на стоянке, открытой в 1959 г. геологом Е. П. Денисовым.

Изучалась также группа памятников несколько более позднего времени, относящаяся к южно-приморской культуре. Об одном из поселений — Судзухе 3 — упоминалось выше. Верхний слой его содержит материалы, обычные для поселений и раковинных куч южно-приморской культуры: керамика украшена наклепными валиками, прочерченными геометрическими узорами; топоры прямоугольны в сечении; есть сланцевые орудия и грузила из плоских галек. В другом пункте — при шурфовке поселения, обнаруженного в 1958 г. Е. П. Денисовым на высоком обрывистом берегу в северной части мыса Шелеха (Хасанский район), — также найдены вещи и керамика, типичные для южно-приморской культуры (керамика с малиновым ангобом, поддоны, сланцевые орудия и т. п.). Вызывают удивление находки обсидиановых отщепов в культурном слое и, что самое главное, обломки сосудов, отличающихся техникой изготовления от сосудов, известных нам из раковинных куч и поселений южно-приморской культуры. На поселениях этой культуры посуда лепилась обычно ленточной техникой, а здесь часть сосудов, судя по всему, выбивалась лопаточкой. Может быть, тут перемешаны два комплекса (культурный слой потревожен вспашками).

В Лазовском районе исследовалось очень интересное поселение, синхронное, судя по всему, поздним поселениям южно-приморской культуры. Однако это памятник местной культуры, отличной от южно-приморской. Поселение расположено за дер. Валентиновкой на высокой пойме речки, впадающей в бухту Валентин. Здесь прослеживаются ряды небольших углублений от жилищ. Одно из таких углублений было раскопано. Жилище оказалось четырёхугольным в плане, несколько вытянутым с севера на юг, со стенками, слегка углубленными в землю. Среди находок отметим

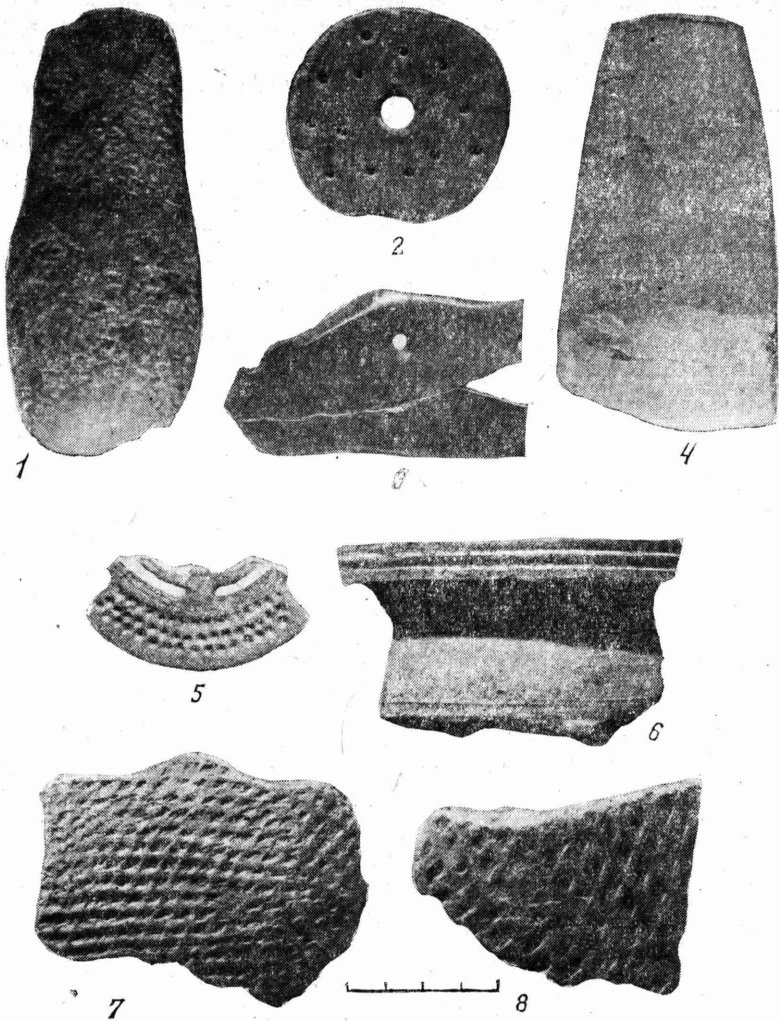

Рис. 31. Керамика, орудия и украшения с поселений восточного побережья.
 1—4 — Валентиновка; 5—8 — Синие Скалы (1, 4 — топоры; 2 — пряслице; 3 — обломок ножа;
 5 — бронзовое украшение; 6—8 — керамика).

сланцевые ножи-серпы с отверстиями (рис. 31—3), прямоугольные в сечении топоры (рис. 31—4), топор с ясно выраженной рукоятью, почти круглой в сечении (рис. 31—1), а также большие круглые плоские пряслица (рис. 31—2). Керамика, найденная при раскопках, очень однородна: плоскодонные сосуды с плавно отогнутым венчиком, украшенные горизонтальным желобчатым узором.

Раскопки велись и на поселениях, характеризующих различные этапы железного века Восточного Приморья.

Поселение в Сокольчах (Лазовский район) нами найдено и впервые осмотрено в 1958 г.¹² Оно занимает западную часть с. Сокольчи, и почти вся его площадь находится под постройками и огородами.

Культурный слой, нарушенный лишь сверху, достигает глубины более 1 м и очень насыщен находками и керамикой. Выявлены остатки трех

¹² Ж. В. Андреева. Поселения раннего железного века в Ольгинском и Лазовском районах Приморского края. МИА, № 86, 1960, стр. 127.

жилищ; одно из них раскопано почти полностью. Оно четырёхугольное в плане и несколько углублено в грунт. Принимая во внимание стратиграфию памятника и распределение материалов по глубинам, удалось разделить культурный слой на два горизонта — верхний и нижний. Для верхнего слоя характерна серая керамика, сделанная на круге, с орнаментом в виде тисненых ромбов, неглубоких горизонтальных и волнистых прочерченных линий. Лепная керамика — хорошего качества, с венчиками довольно выдержанной формы — несколько отогнутыми и украшенными с внешней стороны валиками с насечками. В нижнем слое вся керамика лепная, но совсем иная, чем в верхнем: сосуды большей частью крупные, почти или совсем не орнаментированные (рис. 32). Лишь на некоторых из них есть так называемые шишки-пеньки. Здесь же найдены каменные орудия (тёсла и шиферные ножи-серпы), украшения (обломок каменного кольца и халцедоновые круглые бусы), обломки сильно окислившихся железных предметов, кости домашней свиньи, коровы и оленя. Кроме того, среди материалов выделяются предметы и керамика, не связывающиеся ни с нижним, ни с верхним слоем и относящиеся, по-видимому, к более раннему времени.

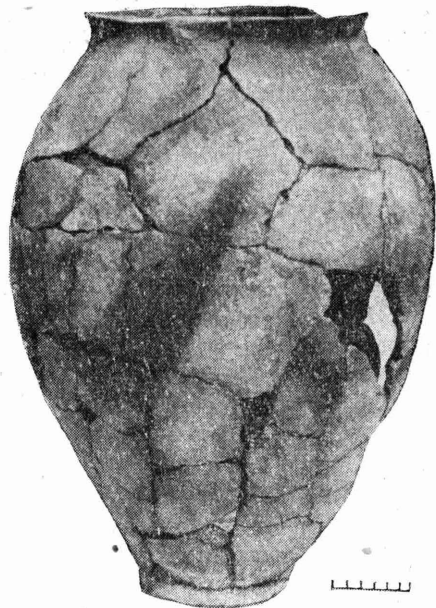

Рис. 32. Сосуд из нижнего слоя поселения в Сокольчах

Следует предположить, что при постройке жилищ нижнего горизонта был нарушен культурный слой поселения, существовавшего здесь ранее. К этому раннему комплексу можно отнести кремневые отщепы, четырёхугольный удлинённый вкладыш, изготовленный в технике отжимной ретуши, крупные, грубые орудия, обработанные сколами, и керамику, украшенную отпечатками гребенчатого штампа. Наиболее ранний комплекс следует, по-видимому, сопоставлять с такими памятниками, как Евстафий 1 и Валентин-перешеек.

Нижний слой Сокольчей, связанный с жилищами, находит аналогии в таких памятниках на территории Приморья, как поселение, обнаруженное нами в устье р. Судзухе, верхний слой поселения на р. Чапигоу¹³, падь Семипятная¹⁴. Аналогичный материал есть в Северной Корее¹⁵ и в Китае, в районе Порт-Артура (Люйшунь) на стоянках Каоличай и Дандодзу¹⁶ и в погребениях, выложенных камнем¹⁷. По аналогии со всеми этими памятниками нижний слой Сокольчей можно датировать временем Борющихся Царств.

Верхний слой Сокольчей находит аналогии в материалах поселения, расположенного на прибрежных прибойно-намывных валах бухты Сяохе (Лазовский район), и частично — поселения на Синих Скалах¹⁸. Близкий, по-

¹³ А. П. Окладников. Начало раннего железа в Приморье..., стр. 14—21.

¹⁴ Там же, стр. 21 и сл.

¹⁵ Отчет о раскопках доисторического памятника на острове Чходо у Начжина. Институт археологии и этнографии АН КНДР, Пхеньян, 1956 (на корейском языке).

¹⁶ Archaeologia Orientalis, v. I, Pi-Tzu-Wo prehistoric sites by the river Pi-Liu-Ho, South Manchuria. Tokyo — Kyoto, 1929.

¹⁷ Archaeologia Orientalis, v. II, Mu-Yang-Chend, Han and Pie-Han sites at the foot of mount Lao-t'ien in South Manchuria. Tokyo — Kyoto, 1930.

¹⁸ Ж. В. Андреева. Указ. соч., стр. 130.

видимому, материал известен в Китае — в памятниках Ханьского времени¹⁹.

Поселение на Синих Скалах находится в верхней части склона сопки и прослеживается в виде рядов углублений, лежащих один над другим. На месте одного из углублений в 1959 г. заложен раскоп площадью около 60 кв. м. В результате раскопок выяснилось, что жилище было четырёхугольным в плане. Расположение его на склоне обусловило ступенчатое строение: верхняя ступень — около 2 м ширины, средняя — около 1 м и нижняя — пол, на котором размещен очаг. На полу обнаружены большое количество древесного угля и наиболее многочисленные находки.

Из встреченных в жилище предметов необходимо отметить железные наконечники стрел, бронзовую привеску (рис. 31—5), круглые халцедоновую и глиняные бусы, прямоугольные в сечении пряслица, большое количество обломков сосудов, часто богато украшенных, а также кости домашней лошади. По технике изготовления керамику можно разделить на две группы — лепную и сделанную на гончарном круге. Последнюю составляют в основном сосуды серого и буроватого цвета, с плавно отогнутым венчиком, украшенные по краю венчика и по верху тулова горизонтальными прочерченными линиями (рис. 31—6). Лепная посуда очень разнообразна; орнамент на ней различный: есть прочерченные горизонтальные линии, горизонтальный желобчатый узор, тисненый «шашечный» (рис. 31—8) и тисненый ромбический (рис. 34—7), орнамент из вдавлений пальцем и др. Поселение на Синих Скалах не одиноко в Приморье. Близкими по материалам можно считать поселение на островке в бухте Судзухе²⁰, поселения около Попельни²¹ и на горе Сенькина Шапка около г. Уссурийска²². По инвентарю и керамике поселение на Синих Скалах находит близкие аналогии в памятниках Ханьского времени в Китае²³.

Были проведены небольшие раскопки на средневековых памятниках. В 1958 г. на территории средневекового поселения (примерно в 1,5—2 км к северо-востоку от районного центра — поселка Лазо было обнаружено довольно много обломков черепицы и кирпичей пола, свидетельствовавших о каком-то средневековом сооружении (дом?)²⁴. Несколько шурфов, заложенных в местах наибольшего скопления на поверхности обломков черепицы и кирпичей, показали, что культурный слой и сооружение полностью разрушены многократными вспашками. Обломки кирпичной кладки пола часто лежат выше осколков черепицы. Ни в одном шурфе не удалось проследить кирпичей, лежащих в неповрежденном виде.

Было исследовано и укрепление, расположенное в 1 км к северо-востоку от средневекового поселения²⁵. Это — четырёхугольное сооружение в виде трех рядов валов и рвов, вписанных один в другой и ориентированных по странам света. Внутренний южный вал был прорезан двухметровой траншеей. В процессе раскопок выяснилось, что внутреннюю основу вала составляла привезенная с реки галька, перемешанная с глиной. Найденные предметы и особенно керамика, украшенная горизонтальным желобчатым орнаментом (таким же, как на керамике с поселения у дер. Валентиновки),

¹⁹ «Китайский сборник полевых археологических докладов», № 2, 1957, август (на китайском языке): погребения начала раннеханьского времени — стр. 75, рис. 2 и 4; погребения конца раннеханьского времени — стр. 109, рис. 3.

²⁰ Г. И. Андреев и Ж. В. Андреева. Отчет об археологических исследованиях Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции АН СССР в Лазовском, Ольгинском и Хасанском районах Приморского края в 1958 г. Архив ИА АН СССР, стр. 3.

²¹ Там же, стр. 15.

²² А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, стр. 160—163.

²³ См. указанный выше «Китайский сборник полевых археологических докладов», стр. 75, 77, 106, 109, 135, 136.

²⁴ Г. И. Андреев и Ж. В. Андреева. Указ. отчет, стр. 6.

²⁵ Там же, стр. 7.

позволяют предположить, что при постройке укрепления был разрушен слой поселения более раннего времени.

Таким образом, работы проведенные Прибрежным отрядом в 1959 г. на значительной территории Приморья, на поселениях различного времени, позволили сделать ряд наблюдений и выводов. Получены дополнительные данные о новой для Приморья группе памятников дозайсановского времени, причем в восточных районах выделяются поселения, в материалах которых наблюдается сочетание крупных, грубых орудий палеолитического облика с мелкими ретушированными орудиями и керамикой.

Подтвердилось наше мнение о наличии в Приморье большого количества поселений зайсановской культуры не только на юго-западе (Зайсановка 1, Ханси 2, Ханси 10 и др), но и в восточных районах (нижний слой Судзухе 3, Евстафий 4, Пермское 2).

Разведки, охватившие в 1959 г. залив Владимира, бухты Сяохе, Преображения, Тихую, Мелководную, доказали, что ни в одной из них,— так же как и в обследованных в 1958 г. заливе Ольги, бухтах Судзухе, Евстафия, Пхусун, Валентин и др.,— раковинных куч южно-приморской культуры нет. Наиболее восточной точкой распространения раковинных куч следует, по-видимому, считать мыс Поворотный.

На побережье Южного и Восточного Приморья выявляется большая группа памятников раннего железа — типа нижнего слоя Сокольчей, верхнего слоя Чапигоу (Сокольчи, раковинная куча на мысе Седловидном, поселение в устье р. Судзухе и др.).

В восточных районах, благодаря работам 1958—1959 гг., намечается еще одна группа памятников железного века, несколько более поздних, чем сокольчанские,— это поселение типа Синих Скал (сами Синие Скалы, поселение на островке в бухте Судзухе, поселение у Попельни и др.).

Необходимо значительно расширить раскопки в южных и восточных районах, чтобы правильно понять протекавшие в Приморье исторические процессы, сложность которых стала открываться перед нами лишь в результате работ последних лет.

IV. ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРОВ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

1. СЕКТОР ПАЛЕОЛИТА В 1959 ГОДУ

В 1959 г. сотрудники сектора палеолита Института археологии АН СССР продолжали разработку тем по общим проблемам истории первобытного общества: происхождение человека и человеческих рас, развитие первобытно-общинного строя и сложение этнических общностей на территории СССР.

Большое внимание сектор уделял изучению древней истории Дальнего Востока. Важное место в работе занимала подготовка отдельных выпусков Свода археологических источников СССР. Разработке названных тем были подчинены и полевые исследования.

Сотрудники сектора прочитали в 1959 г. следующие научные доклады:

Н. Н. Гурина в докладе «Памятники эпохи неолита и раннего металла современной Ленинградской области» сообщила об основных итогах исследований. Произведена систематизация памятников и освещен вопрос об их относительной хронологии на основании типологического изучения и геологических данных.

П. И. Борисковский представил доклад «Стоянка Костенки II как поселок», в котором изложил итоги исследования, особо осветив проблему жилищ. Автор считает, в частности, что два различных комплекса культурных остатков, выявленные в Костенках II, связаны с различным назначением — непосредственно жилого помещения и склада запасов костей для сооружения жилищ и прочих надобностей жителей.

Э. А. Абрамова в докладе на тему «Роль палеолитического искусства в определении локальных вариантов палеолита» дала общую характеристику стоянок донской и деснинской групп. Выявлено, что существенные различия между ними не хронологические, а локальные. Автор считает, что произведения палеолитического искусства играют большую роль в установлении древних локальных общностей (преобладание реалистической скульптуры на Дону и развитый геометрический орнамент на Десне).

А. Н. Рогачев в сообщении о поездке на Днестр обосновал главные положения о локальных различиях в культурах Восточноевропейского палеолита.

В. Е. Ларичев сделал доклад «О древних культурах Дунбея», основанный на изучении китайской археологической литературы. Центральное место в докладе занял неолит Дунбея; докладчик дал его исчерпывающую характеристику и наметил локальные варианты. Особенно интересны высказанные соображения о возникновении земледелия в Дунбее.

Л. Я. Крижевская в докладе «К вопросу о раскалывании камня с помощью огня» сообщила об исследовании оригинального неолитического комплекса на поселении Усть-Белая (на р. Ангаре). Он состоит из трех углубленных очагов-печей, заполненных расколотыми и нерасколотыми кварцитовыми гальками, рядом с которыми на древней дневной поверхности находились большие скопления аналогичных галек. Исследователь предполагает, что печи эти были сооружены специально для раскалывания каменного сырья.

На заседаниях сектора были заслушаны также доклады и сообщения сотрудников других учреждений и иностранных ученых. Доктор Д. Бродера (Словенская Академия наук, Югославия) прочитал доклад об исследовании палеолита в Югославии. Доктор Аккерман (Филадельфийский музей, США) сделал доклад о современном состоянии археологических исследований на Аляске, в связи с которым возник оживленный обмен мнений о путях проникновения древнейшей культуры на американский континент.

В соответствии с разрабатываемыми проблемами осуществлены следующие экспедиции, проводимые под руководством сотрудников сектора:

1. Палеолитическая экспедиция (руководитель — А. Н. Рогачев) занималась изучением Тельманской стоянки, где вскрыты жилища и очаги и выявлен оригинальный кремневый комплекс.

2. Оскольский и Сдесский палеолитические отряды (руководитель — П. И. Борисковский) выявили по течению р. Оскола много палеолитических и неолитических мастерских, расположенных около мест выхода кремня. Под Одессой раскапывалось позднепалеолитическое поселение Большая Аккаржа — единственный позднепалеолитический памятник, известный на территории Юго-Западной Украины.

3. Юго-Осетинский отряд (руководитель — В. П. Любин) продолжал раскопки пещер Кударо I и Кударо III, а также исследовал богатейшие мастерские ашельского времени в Армении, где собрано несколько тысяч нуклеусов и много десятков ручных рубил.

4. Братская археологическая экспедиция (руководитель — А. П. Окладников) работала в составе 7 отрядов, исследовавших многочисленные памятники различного времени, расположенные в зоне затопления.

5. Дальневосточная экспедиция (руководитель — А. П. Окладников) проводила исследования в Хабаровском и Приморском краях, где открыла и частично изучила памятники различного времени.

6. Неолитический отряд Прибалтийской экспедиции (руководитель — Н. Н. Гурина) работал в областях, примыкающих к Прибалтике, с целью разрешения проблемы ее заселения и взаимоотношений с соседями. Был собран, в частности, интересный материал в районе распространения верхневолжских макролитов.

7. Южноуральский отряд (руководитель — Л. Я. Крижевская) вел разведочные работы в Челябинской области, в результате которых обнаружены неолитические и энеолитические поселения, содержащие важные материалы для выяснения характера культуры на Южном Урале в III—II тысячелетиях до н. э.

Подготовлены и сданы в печать следующие труды:

Н. Н. Гурина — «Памятники эпохи неолита и раннего металла современной Ленинградской области» (14 авторских листов). Работа служит продолжением монографии автора «Древняя история северо-запада Европейской части СССР». В ней собраны и систематизированы известные к настоящему времени памятники эпохи неолита и раннего металла Ленинградской области. Подавляющее большинство их открыто и исследовано самим автором. Среди них, в частности, — крупное неолитическое поселение Усть-Рыбежна I, опорное для построения относительной и абсолютной хронологии неолита севера.

З. А. Абрамова — «Палеолитическое искусство на территории СССР». Выпуск Свода археологических источников СССР (15 авторских листов). Работа эта — первый опыт обобщающего описания и анализа палеолитического искусства на территории СССР. В ней разработана классификация и приведена возможная интерпретация памятников палеолитического искусства.

Сборник «Труды Дальневосточной экспедиции», т. I (20 авторских листов). Это первый выпуск из серии намеченных исследований по археологии Дальнего Востока. В нем публикуются многочисленные памятники, охватывающие огромный период — от каменного века до средних веков. На основании этих материалов поставлены многие важные и интересные культурно-исторические проблемы.

Л. Я. Крижевская

2. СЕКТОР НЕОЛИТА И БРОНЗЫ В 1959—1960 ГОДАХ

Сотрудники сектора неолита и бронзы Института археологии АН СССР (заведующий сектором — С. В. Киселев) в 1959 г. работали над темами Свода археологических источников СССР, над монографиями в основном по двум проблемам: «Развитие первобытно-общинного строя и сложение этнических общностей на территории СССР» и «Развитие социально-экономических отношений у народов Востока».

На заседаниях сектора обсуждались отдельные сообщения сотрудников о ходе работы по темам Свода: «Фатьяновская культура» (Д. А. Крайнов), «Южно-приморская культура» (Г. И. Андреев), «Каменные сверленные боевые топоры» (А. Я. Брюсов), «Металлургия Южной Сибири эпохи энеолита и бронзы» (Ю. С. Гришин) и «Памятники эпохи энеолита и бронзы центрально-черноземной полосы РСФСР» (Б. Г. Тихонов).

Д. А. Крайнов подготовил первый выпуск Свода — «Фатьяновская культура» (лаборант по Своду — О. С. Гадзяцкая).

Продолжалась работа над монографическими темами: «История населения Прикамья в эпоху камня и бронзы» (О. Н. Бадер), «Бронзовый век Башкирии» (А. В. Збруева), «Многослойное неолитическое поселение Флорешты» (Т. С. Пассек), «Энеолит Поволжья (Н. Я. Мерперт), «Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа» (А. А. Формозов), «Энеолит Северо-Восточного Кавказа» (Р. М. Мунчаев), «Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы» (В. И. Марковин), «Памятники бронзового века Верхнего Поднепровья» (И. И. Артеменко), «Археологические памятники II—I тысячелетий до н. э. по берегам залива Петра Великого» (Г. И. Андреев), «Неолитическое поселение Незвиско и культура линейно-ленточной керамики» (Е. К. Черныш).

Помимо указанных монографий, подготовлены к изданию О. Н. Бадером работы «Турбинский и Сейминский могильники» и «Сборник материалов по археологии СССР, посвященный абашевской культуре» (редактор — Н. Я. Мерперт).

По проблеме «Развитие социально-экономических отношений у народов Востока» работал член-корреспондент АН СССР С. В. Киселев.

По вопросам сложения этнических общностей на территории многонационального Советского Союза и социально-экономических отношений народов Центральной Азии и Сибири главное внимание уделялось археологически мало изученным областям — Прикамью, Поволжью, Дальнему Востоку, степной части СССР, Северному Кавказу и Западной Сибири.

В 1959 г. проведено 28 заседаний сектора, на которых заслушаны доклады сотрудников по плановым темам, сообщения о научных командировках и полевых работах. Были заслушаны также доклад югославского ученого — доктора Д. Бродера и сообщения сотрудников смежных секторов

Института и других учреждений. На заседания сектора выносились отчетные доклады аспирантов о работе по диссертационным темам.

Остановимся на некоторых докладах.

О. Н. Бадер сделал два доклада. Один из них посвящен «Мытищинскому могильнику», на территории которого вскрыто два погребения, типичных для верхневолжского варианта фатьяновской культуры. Могилы датируются 1700 г. до н. э. по находке манжетовидного браслета унегицкого типа. Второй доклад — о «Балановском могильнике». О. Н. Бадер выделяет памятники балановского типа в самостоятельную культуру¹. Он подчеркивает своеобразие керамики, наличие ручек-налёпов на сосудах, находки каменных топоров особых типов, бронзовых копий с разомкнутой втулкой и т. д., а также указывает на антропологические различия и отмечает связи древнего населения балановской культуры с носителями фатьяновской и среднеднепровской культур, с Южной Прибалтикой и Кавказом. Автор делит культуру на три этапа (атликасинский, балановский, хула-сючский), прослеживая развитие культуры от 2000 г. до н. э. вплоть до 900 г. до н. э.

Выступившая в прениях сотрудница Музея антропологии МГУ А. С. Акимова заметила, что черепа из фатьяновских памятников отличаются от черепов из Баланова широким и низким лицом и похожи на черепа носителей ямной и афанасьевской культур. При обсуждении доклада А. Я. Брюсов, Д. А. Крайнов и Н. Я. Мерперт отметили необходимость в дальнейшем более глубокого изучения близких по территории культур, более четкой классификации сходного материала в фатьяновской и балановской культурах; иначе вопрос о существовании особой, самостоятельной балановской культуры остается лишь интересной гипотезой.

Д. А. Крайнов сделал доклад «О результатах работ Ярославской экспедиции в 1958 г.», посвященный исследованиям фатьяновских памятников.

И. И. Артеменко представил доклад на тему «Памятники бронзового века Верхнего Поднепровья второй половины II тысячелетия до н. э.». Докладчик указывает на то, что памятники Верхнего Поднепровья этого времени распространены на значительно меньшей территории, чем памятники первой половины того же тысячелетия. На юге граница их распространения шла по линии Киев — Ромны — Сумы; на западе памятники группируются по обоим берегам Припяти, соприкасаясь с тшинецкими. Поселения изучаемого автором периода исследованы у сел Ивановка и Волинцево, Сумской области, Долинское и Боромка, Черниговской области, и у дер. Мохов, Гомельской области. Жилищем служили прямоугольные землянки с очагами. В погребальных памятниках отмечены два обряда захоронений — трупосожжение и трупоположение. Инвентарь всех памятников в основном состоит из плоскодонной керамики с заглаженной или лощеной поверхностью. Венчик у сосудов отогнут. Орнамент — оттиски крупного шнура, линейного штампа и палочки с накрученной на нее ниткой; реже встречается зубчатый штамп. Орнаментальные узоры состоят из горизонтальных рядов, «елочки», заштрихованных треугольников.

И. И. Артеменко считает, что население древнего Поднепровья занималось скотоводством. По происхождению памятники Верхнего Поднепровья второй половины II тысячелетия до н. э. (так называемой сосницкой культуры) связаны с памятниками предшествующего времени (среднеднепровской культуры) и сосуществуют с памятниками комаровской и тшинецкой культур. Во время обсуждения Т. С. Пассек, Д. А. Крайнов, А. Я. Брюсов, Р. М. Мунчаев и др. заметили докладчику, что многие из его положений о хозяйстве этой эпохи требуют уточнения. Должны быть уточнены также вопросы стратиграфии и датировок.

¹ О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре. СЭ, 1950, № 1, стр. 59—70.

Н. Я. Мерперт посвятил доклад проблеме энеолита Европейской части СССР, остановившись на оценке памятников ямной культуры и синхронных им. В прениях возник вопрос, что следует считать энеолитом? По мнению А. Я. Брюсова, появление скотоводства и земледелия — черта, отличающая энеолит от неолита. Е. И. Крупнов считает, что к энеолиту можно относить памятники с первым появлением металла. Сектор решил продолжать работы по изучению вопросов, связанных с указанной проблемой.

Е. К. Черныш в докладе «К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье»² охарактеризовала интереснейший памятник культуры линейно-ленточной керамики и трипольской культуры — многослойное поселение у с. Незвиско (УССР). Исследование его позволяет выделить в Верхнем и Среднем Приднестровье локальные группы памятников линейно-ленточной керамики.

Е. Е. Кузьмина в своем сообщении о работе Еленовского отряда Оренбургской экспедиции дала характеристику памятников эпохи бронзы по р. Эмбе³. Памятники эпохи бронзы по среднему течению реки включают, главным образом, поселения и курганы с земляными насыпями и камнями в основании. Захоронения — скорченные (на левом боку, головой на запад). Докладчик считает материалы из курганов принадлежащими к самостоятельной культурной провинции в пределах андроновской этнокультурной общности.

Кавказской и крымской тематике было уделено несколько докладов.

А. А. Формозов посвятил доклад неолиту Крыма и Черноморского побережья Кавказа⁴. Докладчик остановился на крымских неолитических стоянках и более подробно — на исследованиях Кая-арасы близ Бахчисарая. Среди кавказских памятников выделено поселение у Нижней Шиловки близ г. Адлера. Кремневые изделия крымских стоянок обнаруживают сходство с материалами Левобережной Украины, Северного Кавказа и Черноморского побережья Закавказья, хотя и включают специфичные черты. На протяжении всего неолита в Крыму бытовал микролитический инвентарь. Раскопки стоянки Нижняя Шиловка дали комплекс, сходный с материалами Закавказья — Одиши, Кистрик, Анасеули и др., тем самым, как отметил А. А. Формозов, «доказывая одновременность бытования микролитических изделий с керамикой и полированными орудиями в неолите Кавказа». Характеризуя памятники района Сочи — Адлера, докладчик еще раз подчеркнул, что в неолите Кавказа микролитический характер инвентаря сохранился только на первых этапах.

А. А. Формозов сделал также сообщения об археологических работах в Прикубанье в 1958 г. Им обследовались пещеры у станции Даховской. Найдены палеолитические слои с костями бизона, мамонта и других животных. Особенно большой интерес вызвало сообщение о работах у скальных навесов с. Хаджох и на поселении у р. Мешоко⁵. На последнем найдено большое количество клиновидных полированных топоров и 125 каменных браслетов, многие из которых аналогичны браслетам Нальчикского неолитического могильника. Датируются оба памятника второй половиной III тысячелетия до н. э., но в пределах этого периода они разновременны. Выступивший в прениях С. В. Киселев подчеркнул важность работ на поселении Мешоко, материал которого указывает на то, что майкопская культура — местная.

В. И. Марковин сообщил о работе над монографией «Культура племен

² См. Е. К. Черныш. К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье. МИА, № 102, 1962.

³ См. статью Е. Е. Кузьминой в настоящем сборнике.

⁴ А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, № 102, 1962, стр. 89—149.

⁵ См. работу А. А. Формозова в настоящем сборнике.

Северного Кавказа в эпоху бронзы». Особый интерес вызвали разделы, посвященные связям со степными культурами и происхождению северокавказской культуры эпохи бронзы. Выступившие Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт, В. Н. Чернецов отметили важность разработки этой темы.

Р. М. Мунчаев и В. И. Марковин сделали сообщение об археологических исследованиях в Чечено-Ингушской АССР в 1958 г., затронувших памятники эпохи бронзы — курганы у хутора Новые Аршти, близ с. Боммут, могильники Гатын-Кале в Аргунском ущелье, у с. Сержен-Юрт и другие памятники⁶. С. В. Киселев, А. А. Иессен и Е. И. Крупнов отметили важность продолжения работ в Чечено-Ингушетии по изучению местных своеобразных памятников эпохи бронзы.

Х. И. Крис представил доклад по вопросу о периодизации кизилкобинской культуры Крыма. Докладчик сделал попытку на основании классификации керамики крымских поселений наметить два этапа в развитии этой культуры (I этап — от IX—VIII вв. до VII—VI вв. до н. э., II этап — до начала эллинистического времени). Выступившие в прениях А. Я. Брюсов, А. И. Мелюкова, Т. С. Пассек, С. В. Киселев и др. отметили необходимость уделить больше внимания изучению керамики в комплексе с другими материалами и сопоставлению с материалами из других районов степей и лесостепи.

Сибирской и дальневосточной тематике посвящено несколько заседаний.

Г. И. Андреев в докладе «Стоянки Хасанского района Приморья до времени Зайсановка 1» обрисовал памятники (Осиновка, Заречье 1, Ханси 1 и 5), характеризующие ту основу, на которой сложилась зайсановская культура. Г. И. Андреев говорит о неоднородности материалов, известных по раковинным кучам Приморья, и выделяет комплексы «южно-приморской культуры». Он отмечает связи древнего населения Приморья с населением Кореи и Китая. В настоящее время Г. И. Андреевым обобщен материал Приморья в кандидатской диссертации «Побережье Южного Приморья в III—I тысячелетиях до н. э.».

Аспиранткой Ж. В. Андреевой (научный руководитель — С. В. Киселев) прочитан доклад о периодизации археологических памятников Приморья. Ею выделены комплексы, характеризующие историю края от палеолита (нижний слой Осиновки) до крепостей и поселений XII—XIII вв. н. э.

Аспирантка Н. Л. Членова (научный руководитель — С. В. Киселев) выступила с сообщением на тему «Тагарское оружие VII—V вв. до н. э.». По мнению автора, для того, чтобы решить проблему происхождения тагарской культуры, очень важно изучение оружия по категориям (кинжалы, чеканы, топоры, стрелы и пр.); это позволит выявить два этапа: первый связан непосредственно с карасукским оружием, второй указывает на генетические связи тагарской культуры с древним Ираном и Средним Востоком.

В прениях Е. Е. Кузьмина подчеркнула сходство изученного докладчиком оружия не с карасукским, а с северокитайским. С. В. Киселев отметил невозможность непосредственно связывать карасукское оружие с культурой Ирана; формы оружия, скорее, — центральноазиатского происхождения.

А. В. Рюмин (сотрудник Башкирского заповедника) сделал сообщение об открытии им в Каповой пещере палеолитических изображений животных. Сектор принял решение организовать комплексную экспедицию в 1960 г. по изучению этого очень интересного памятника.

Югославский ученый Деметри Бродера познакомил собравшихся с основными итогами изучения палеолита в Югославии. Ориньякские памятники здесь отличаются от «классического» ориньяка Франции — орудия их более удлиненной формы. Инвентарь памятников периода премустье

⁶ См. работы В. И. Марковина и Н. Я. Мерперта в настоящем сборнике.

изготовлен из кварцита (в дальнейшем эта черта исчезает), что вообще характерно для Югославии. Орудия мезолитических памятников близки палестинским, французским и пр.

На совместном заседании сектора неолита и бронзы с сектором скифо-сарматской археологии заслушан доклад К. Ф. Смирнова на тему «Из истории сбруи у сарматов Поволжья и Южного Приуралья в эпоху бронзы».

Некоторые из сотрудников сектора неолита и бронзы в 1959 г. были в научных поездках за границу. Т. С. Пассек и Н. Я. Мерперт принимали участие в работе Международного симпозиума в Праге по вопросам изучения энеолита и эпохи бронзы, где они прочли доклады: «Проблема эпохи энеолита на юго-западе Восточной Европы» (Т. С. Пассек) и «Эпоха энеолита в степной зоне европейской части СССР» (Н. Я. Мерперт). С. В. Киселев находился в длительной научной командировке в Китайской Народной Республике.

Труды сотрудников сектора вошли в сборник «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики», подготовленный совместно Институтом археологии АН СССР, Институтом истории Молдавского филиала АН СССР и Институтом археологии Академии наук РНР⁷.

Сотрудники сектора принимали активное участие в работе исторических и археологических учреждений страны. Т. С. Пассек была командирована в Одессу на открытие Одесского археологического общества. А. А. Формозов, Р. М. Мунчаев и В. И. Марковин выступили докладчиками на 1-й научной сессии, посвященной археологии Дагестана.

В итоге больших работ, проводимых сотрудниками сектора во время экспедиционного сезона, и в результате научной обработки археологических материалов за 1959 г. получены новые данные по древнейшей и древней истории нашей Родины.

В 1960 г. сотрудниками сектора продолжены и частично завершены разработки монографических тем, а также тем, связанных с созданием Свода археологических источников СССР. О. Н. Бадер закончил работу над первой частью монографии «Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье». Монография В. И. Марковина «Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы» вышла отдельным изданием (МИА, № 93). Р. М. Мунчаевым сдана в печать сводная работа «Энеолит Северо-Восточного Кавказа». Ю. С. Гришин и Б. Г. Тихонов завершили «Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа» (МИА, № 90), которые вышли в свет в 1960 г. Д. А. Крайнов сдал в печать первый выпуск Свода — «Фатьяновская культура».

Над темами монографического характера работали О. Н. Бадер («История населения Прикамья в эпоху камня и бронзы»), А. В. Збруева («Бронзовый век Башкирии»), Н. Я. Мерперт («Энеолит Поволжья»), А. А. Формозов («Поселения Прикубанья эпохи камня и бронзы»), В. И. Марковин («Древние племена каякентско-хорочоевской культуры Восточного Кавказа»), Н. Л. Членова («Ранняя история тагарских племен Южной Сибири»). С. В. Киселев вместе с коллективом сотрудников готовит к печати сводную работу «Древнемонгольские города».

Над выпуском Свода археологических источников СССР работают многие сотрудники сектора: А. Я. Брюсов («Каменные сверленные боевые топоры»), Т. С. Пассек и Е. К. Черныш («Памятники культуры линейно-ленточной керамики в Восточной Европе»), Д. А. Крайнов («Фатьяновская культура»), Г. А. Андреев («Южно-приморская культура»), В. Н. Чернецов («Наскальные изображения Урала»), Е. Е. Кузьмина («Клады

⁷ Издан в Кишиневе в 1960 г. под редакцией Э. Кондураки, Т. Пассек, Г. Смирнова.

и случайные находки эпохи бронзы с территории Средней Азии»), Ю. С. Гришин («Металлургия Южной Сибири эпохи энеолита и бронзы»), В. И. Мошинская («Археологические памятники субарктической полосы Западной Сибири»), Б. Г. Тихонов («Памятники эпохи энеолита и бронзы центрально-черноземной полосы РСФСР»).

Сотрудники сектора участвовали в научной жизни зарубежных стран. А. Я. Брюсовым на конференции антропологов и этнографов в Париже прочитан доклад о культуре боевых топоров в связи с индоевропейской проблемой. В. Н. Чернецов был командирован на Конгресс финно-угроведов в Будапешт, где он сделал доклад о древнем периоде в формировании финно-угорской общности.

Сотрудники сектора принимали активное участие в работе пленума Института археологии АН СССР, организованного совместно с Институтом археологии УССР в Киеве. На пленуме многие сотрудники выступили с докладами и сообщениями — И. И. Артеменко, В. И. Марковин, Е. К. Черныш, Т. С. Пассек и др. На 1-й Сибирской конференции в Иркутске прочли доклады В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, Н. Л. Членова, Ю. С. Гришин, Г. И. Андреев и Ж. В. Андреева.

На заседании 25-го Международного конгресса востоковедов в Москве выступали С. В. Киселев и Н. Я. Мерперт.

В 1960 г. сотрудниками сектора были сделаны доклады по плановым и диссертационным темам, посвященные полевым работам и командировкам. Остановимся на некоторых из них.

Т. С. Пассек представила доклад на тему «Культура линейно-ленточной керамики на многослойном поселении Флорешты». В нижнем горизонте поселения Флорешты открыты 4 жилища (с очагами), относящиеся ко времени культуры линейно-ленточной керамики. Жилища-полуземлянки (от 7 до 12 м длиной) располагались параллельно друг другу; возле них вскрыты хозяйственные ямы. Для нижнего горизонта выделены две группы керамики — кухонная и хорошо лощенная с линейно-ленточным орнаментом. Здесь встречены также кремневые орудия (скребки, ножи, проколки) и предметы из кости (шитья, лопаточки). Материалы раскопок позволяют сделать вывод, что древнее население занималось земледелием и скотоводством. Поселений культуры линейно-ленточной керамики в настоящее время открыто много. Все они располагаются по берегам рек и могут быть разделены на локальные группы. Так, флорештская группа отличается от группы Незвиско, польских групп и других орнаментикой на керамике и иными признаками. Т. С. Пассек указывает, что сопоставление группы памятников с линейно-ленточной керамикой, известной на территории СССР, с другими памятниками на соседних территориях Румынии, Чехословакии, Польши позволит разработать относительную хронологию и характеризовать отдельные этапы развития культуры и ее местные особенности. По докладу Т. С. Пассек выступили А. Я. Брюсов, Д. А. Крайнов, В. И. Цалкин, Н. Я. Мерперт, В. Н. Чернецов и др. А. Я. Брюсов и В. И. Цалкин в своих выступлениях остановились на вопросах, связанных с хозяйством древних племен, и особом значении фаунистических остатков из Флорешты. Н. Я. Мерперт отметил особую тщательность в исследовании древних слоев Флорешты и то, что Т. С. Пассек провела большую работу по изучению культуры линейно-ленточной керамики в целом и особенно ее соотношения с культурой типа Боян.

А. Я. Брюсов прочитал доклад «К вопросу об исходной области и путях экспансии „культур с боевыми топорами“ и о связи этой экспансии с вопросом о формировании индоевропейских народов». Докладчик указал, что территория, занятая «культурами с боевыми топорами» в конце неолита, намечается от р. Вятки на востоке до р. Рейна на западе, от Средней Скандинавии на севере до Швейцарии на юге. Эти культуры признаются пришлыми. Сейчас можно утверждать, что в Швецию, Финляндию, частич-

но в Данию и Среднюю Европу проникали племена катакомбной культуры, существовавшей в более ранние эпохи, чем обычно считается археологами. В «культурах боевых топоров» можно обнаружить сходство и со среднеднепровской культурой. Все это позволяет вслед за П. Глобом утверждать, что исходной областью этого расселения были южнорусские степи. Причину такого расселения А. Я. Брюсов видит в поисках скотоводческими племенами пространства для пастбищ. В середине II тысячелетия до н. э. фатьяновская культура прекращает свое существование. А. Я. Брюсов выдвигает гипотезу о том, что «племена культур с боевыми топорами представляли собой еще не разделившихся германо-балто-славян». Доклад А. Я. Брюсова вызвал бурное обсуждение. Д. А. Крайнов указал, что «исток „культур боевых топоров“ надо искать на Днестре, в Галиции и Прикарпатье. В катакомбной культуре нет боевых топоров, из которых можно было вывести боевые фатьяновские топоры».

С. В. Киселев отметил, что для михельсбергской культуры известна своя серия боевых топоров, а в поздних культурах ленточной керамики — своя серия. «Таким образом, вопрос о корнях усложняется». По его мнению, надо считаться с возможностью полигенеза „культур боевых топоров“.

О. Н. Бадер предложил попытаться более конкретно документировать отдельные положения доклада.

П. Д. Степанов (г. Саратов) посвятил свое выступление анализу керамики фатьяновской культуры в Поволжье.

И. И. Артеменко сообщил сектору о памятниках племен бронзового века Среднего и Верхнего Поднепровья (среднеднепровской культуры). Докладчик, так же как и ранее Т. С. Пассек, делит памятники на 3 группы. Ранние памятники И. И. Артеменко относит к концу III тысячелетия до н. э. Население этого времени было связано с племенами, оставившими волынские мегалиты, и племенами культуры шнуrowой керамики Западной Подолии и Волыни. Для погребальных памятников характерны трупоположения и сожжения. Поздние погребения (со скорченными костяками) начала и первой половины II тысячелетия до н. э. изучены недостаточно. И. И. Артеменко остановился также на характеристике днепро-деснинского варианта среднеднепровской культуры. Докладчику был сделан ряд замечаний по частным вопросам.

А. В. Збруева выступила с сообщением «Срубная культура в Башкирии», в котором остановилась на новых памятниках эпохи бронзы в Приуралье.

Н. Я. Мерперт в докладе «К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры» сообщил об исследованиях Абашевских курганов. Им же, совместно с Р. М. Мунчаевым, доложено о работах по изучению памятников эпохи бронзы в степной и предгорной Чечне. Н. Я. Мерперт исследовал курганы у станицы Мекенской на р. Терек. Древнейшие и основные захоронения в них — погребения майкопского типа, а выше их обнаружены могилы носителей северокавказской культуры. Курганы с таким же соотношением погребений вскрыты Р. М. Мунчаевым у сел. Боммут. Эти исследования существенно изменяют наши представления о территории, занятой племенами майкопской культуры.

А. А. Формозов посвятил доклад поселениям майкопской культуры в Прикубанье. Эти исследования, особенно изучение поселения Мешоко, позволяют установить связи и соотношения майкопской и ямной культур.

Р. М. Мунчаев остановился в своем докладе на вопросах связей майкопской культуры с культурой куро-араксского энеолита. Автор склонен относить памятники майкопской культуры и одновременные ей памятники Чечено-Ингушетии ко второй половине III тысячелетия до н. э., а энеолитические Дагестана — к середине этого тысячелетия.

А. А. Марущенко (г. Ашхабад) выступил с большим докладом на тему «Новые данные о древнеземледельческих культурах Южной Туркмении». На территории Южной Туркмении докладчиком открыта земледельческая культура неолитического времени, характеризующаяся нерасписной керамикой. Новые материалы позволяют культуру Анау 1 относить к энеолиту, а не к неолиту, как предполагалось ранее. В настоящее время устанавливаются связи культур типа Чопана и Анау 1 с культурами Ирана. в Южной Туркмении, наряду с холмами — тепе, обнаружены и плоские селища.

Далее А. А. Марущенко подробно остановился на экономической характеристике древних культур. Доклад подвергся оживленному обсуждению. Так, В. И. Сарияниди заметил, что не совсем правильно утверждение А. А. Марущенко о том, что древнеземледельческие области были различны по культуре. Он указал, что «своеобразие, несомненно, было, но это единая провинция и области между собой были тесно связаны». С. В. Киселев отметил важность работ А. А. Марущенко, подчеркнув необходимость более полного обоснования его стратиграфических построений.

Два заседания сектора были посвящены изучению Каповой пещеры. О. Н. Бадер сообщил об открытии в ней пещерной живописи верхнепалеолитического времени. Кроме изображения лошади, изданного А. В. Рюминым, докладчиком были зафиксированы также в верхнем этаже пещеры изображения двух мамонтов. Что же касается нижнего этажа пещеры, то обнаруженные там А. В. Рюминым изображения голов пещерного медведя и волка вызывают сомнение.

Геологически пещера датируется эпохой вюрма, в голоцене она освободилась от воды. Сектор обсудил вопросы, связанные с дальнейшими исследованиями Каповой пещеры. Была подчеркнута важность первой находки палеолитических изображений в СССР и принято решение о дальнейших тщательных исследованиях этой пещеры и о необходимости организации ее охраны.

О. Н. Бадер сделал доклад «О работе Воткинской экспедиции 1960 г.», вызвавший большой интерес. Докладчик сообщил о раскопках энеолитических стоянок и особенно Турбинского могильника, где в 1960 г. были найдены многочисленные бронзовые изделия (кельты, копья и т. д.). По вопросу о датировке могильника выяснились разногласия между докладчиком и А. В. Эбруевой. Большинство выступавших в прениях поддержало точку зрения О. Н. Бадера о датировке памятника XVI—XV вв. до н. э., т. е. более ранним временем, чем Сейминский могильник.

Вопросам, связанным с ананьинской культурой, был посвящен доклад О. Н. Бадера «Могильник Скородум и ранний этап ананьинской культуры». В противоположность мнению А. В. Эбруевой, на основании анализа материала докладчик считает, что Скородумский могильник — более ранний памятник, чем Луговской, и его следует датировать VIII в. — началом VII в. до н. э. или даже, может быть, более ранним временем — IX—VIII вв. до н. э. Было решено в дальнейшем поставить проблемы происхождения ананьинской культуры на совместное обсуждение со скифо-сарматским сектором.

П. М. Кожин (лаборатория Института археологии АН СССР) и аспирант М. Косарев выступили с сообщениями о полевых работах. П. М. Кожиным обнаружены стоянки времени энеолита и бронзы и раскопаны сарматские курганы по р. Тоболу в Ялutorовском районе Тюменской области. М. Косарев сообщил, что в обследованном им районе (Ивдель — Североуральск) обнаружено 12 ранее не известных стоянок, датируемых временем от верхнего палеолита и кончая памятниками первых лет русской колонизации (Лозвинский городок в устье Ивделя).

В. И. Мошинская представила доклад «О материалах городища Няк-символь», вызвавший большой интерес. На основании изучения материа-

лов автором делается вывод о том, что городище Няксимволь принадлежит к усть-полуйской культуре, и обосновываются прежние датировки этого типа памятников, выдвинутые В. Н. Чернецовым.

М. М. Герасимов (Институт этнографии АН СССР) и Е. Н. Черных (лаборатория Института археологии АН СССР) сделали доклад «Раскопки Второго Фофановского могильника в 1959 г.», который был заслушан с большим вниманием. Основываясь на результатах раскопок и изучении всего предшествующего материала, докладчики выразили сомнения в правильности существующей периодизации неолита Прибайкалья, выдвинутой А. П. Окладниковым. Они полагают, что памятники китойского типа существовали раньше исаковских и серовских, в связи с чем необходимо пересмотреть существующие датировки. Выступавшие С. В. Киселев, В. Н. Чернецов, Г. И. Андреев, Ю. С. Гришин подчеркнули большое значение и важность дальнейших исследований Второго Фофановского могильника.

Г. И. Андреев и аспирантка Ж. В. Андреева сообщили об археологических работах в Приморье в 1959 г., в итоге которых выявлено множество памятников зайсановской культуры (и близких им) и большая группа памятников железного века. Открытие в восточных районах позднеолитических поселений с орудиями палеолитического облика позволяет поставить вопрос о возрасте и культурной принадлежности палеолитических памятников Приморья, открытых ранее А. П. Окладниковым. В ходе обсуждения С. В. Киселев подчеркнул, что Приморье имеет особо тесные культурные связи с Кореей и прибрежными морскими районами Азии, в то время как материковая часть Азии в этом отношении не столь близка Приморью.

Н. Н. Диков (директор Анадырского краеведческого музея) сделал доклад «Новые археологические данные к историческому прошлому Чукотки». Докладчик сообщил, что в результате исследований в 1956—1959 гг., главным образом, континентальной Чукотки открыто много памятников, в том числе самый древний из известных в настоящее время Усть-Бельский могильник II—I тысячелетий до н. э. Выясняется, что на Чукотке еще до нашей эры употреблялись бронзовые орудия, и она, таким образом, входила в круг культур бронзового века. Становится несомненной также большая, чем предполагалось прежде, оседлость носителей культуры континентальной Чукотки, которые, помимо охоты, рыболовства и собирательства, по Среднему и Нижнему Анадырю занимались также охотой на ластоногих с помощью поворотных гарпунов.

С. В. Киселев в двух обширных докладах сообщил о своей поездке в Китай. В первом из них докладчик осветил общественную и культурную жизнь современного Китая, рассказал о структуре Академии наук Китая, музеях, организациях, ведущих раскопки. Во втором докладе С. В. Киселев сообщил о новых археологических открытиях в Китае в области неолита и бронзового века.

В. И. Марковин и Ю. С. Гришин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
ВОКК — Вісник Одеської комісії краєзнавства
ВУАК — Всеукраїнський археологічний комітет
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗОРСА — Записи Отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества.
ЗСОРГО — Записки Сибирского отделения Русского географического общества
ИА — Институт археологии
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
АА — Archäologische Anzeiger.
AS — Anatolian Studies
BASOR — Bulletin of the American School of Oriental Research
BDBG — Bericht der Deutschen Botanischen Gesellschaft
BRGK — Bericht der Römisch-Germanischen Kommission
JNES — Journal of the Near Eastern Studies
JRAI — Journal of the Royal Anthropological Institute
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
PEQ — Palestine Exploration Quarterly
PZ — Praehistorische Zeitschrift
SCIV — Studii și Cercetări de Istorie Veche

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

С. В. Киселев. Некоторые вопросы истории первобытного общества	3
--	---

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

В. С. Титов. Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена	10
Обсуждение доклада В. С. Титова (Ю. С. Гришин)	25
А. А. Формозов. О хозяйстве племен майкопской культуры Прикубанья	27

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержен-Юртовского поселения в 1960 году	33
В. И. Марковин. Памятники эпохи бронзы в ущелье реки Аргун	45
Д. А. Крайнов. Кухмарский курганный могильник	51
И. И. Артеменко. Поселения среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья	64
А. И. Мелюкова. Курганы усатовского типа у села Тудорова	74
Е. Е. Кузьмина. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры	84
Г. И. Андреев и Ж. В. Андреева. Работы Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Приморье в 1959 году	93

IV. ХРОНИКА

Работа секторов Института археологии АН СССР	102
1. Сектор палеолита в 1959 году (Л. Я. Крижевская)	102
2. Сектор неолита и бронзы в 1959—1960 годах (В. И. Марковин и Ю. С. Гришин)	104
Список сокращений	113

**Краткие сообщения о докладах
и полевых исследованиях
Института археологии
выпуск 88**

Памятники первобытной культуры

Утверждено к печати Институтом археологии
Академии наук СССР

*

Редактор издательства М. Г. Воробьева
Технический редактор В. И. Зудина

*

РИСО АН СССР № 114-88В. Слово в набор 18/IV 1962 г.
Подписано к печати 30/VIII 1962 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 7,25. Усл. печ. л. 9,93. Уч.-издат. л. 9,8
Тираж 1400 экз. Т-10244 Изд. № 790. Тип. зак. № 656

Цена 59 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-64, Подсосеvский пер., 21
2-я типография Издательства
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Опечатки и исправления

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
6	26 св.	Лагош	Лагаш
13	7 сн.	Thinkel's	Thinker's
15	4 св.	Хортуме	Хартуме
15	21 св.	трава	трава <i>Aegilops</i> sp
16	18 сн.	Sur	Sus
22	1 св.	Мерсины	Мерсина
73	18 св.	Золотники	Золотинки
107	7 св.	Боммут	Бамут
110	12 сн.	Боммут	Бамут